

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ИМЕНИ А.Я. СУХАРЕВА

**Применение уголовного и уголовно-процессуального
законодательства в практике
Следственного комитета Российской Федерации:
актуальные проблемы и рекомендации по их решению**

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции

(Екатеринбург, 21–22 мая 2025 года)

Москва, 2025

П76 Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 21–22 мая 2025 года). М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2025. – 164 с.

Редакционная коллегия

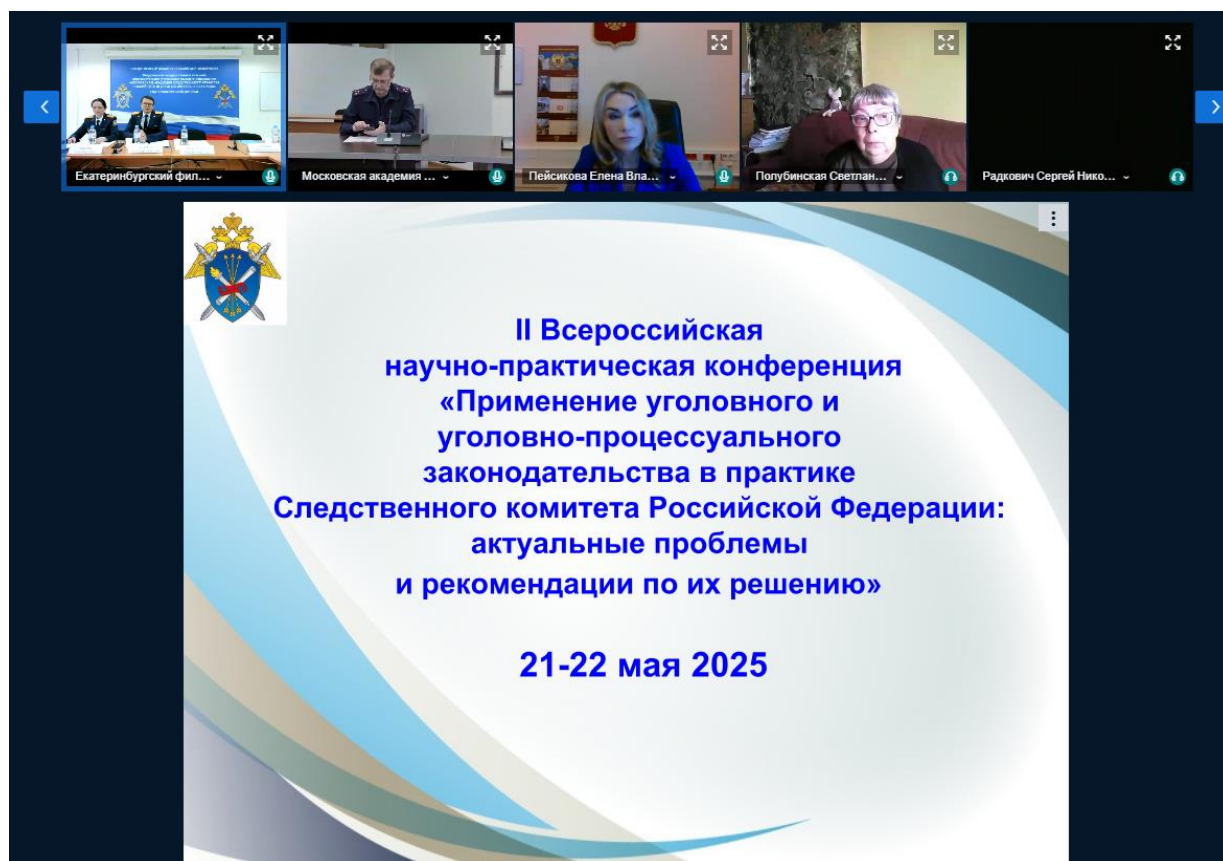
Бессонов А.А., ректор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции
Быкова Е.Г., доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции
Казаков А.А., заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции
Нестерова И.Д., руководитель редакционно-издательского и информационно-библиотечного отдела Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, майор юстиции

Сборник включает в себя материалы, предоставленные участниками II Всероссийской научно-практической конференции, проведенной 21–22 мая 2025 года Екатеринбургским филиалом Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева. Конференция организована при участии ученых ведущих вузов, судей, сотрудников правоохранительных органов из различных регионов Российской Федерации. Материалы сборника могут представлять интерес для юристов – ученых и практиков.

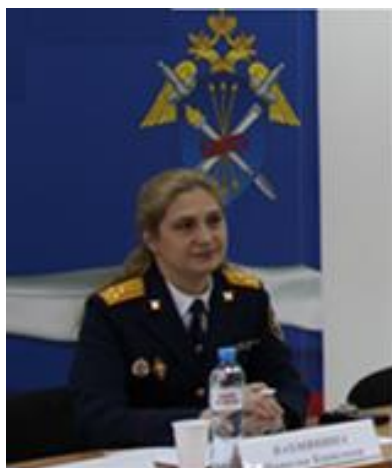
Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы, идеи и взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов. Статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

© Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2025

**II Всероссийская научно-практическая конференция
«Применение уголовного и уголовно-процессуального
законодательства в практике
Следственного комитета Российской Федерации:
актуальные проблемы и рекомендации по их решению»**

21 и 22 мая 2025 года в Екатеринбургском филиале Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева в смешанном формате состоялась II Всероссийская научно-практическая конференция «Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению».

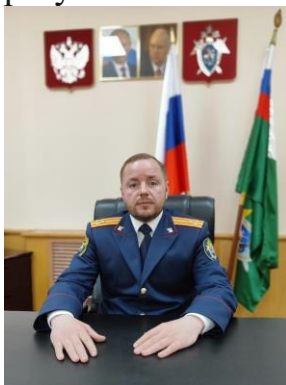
Конференция объединила на своей площадке более 150 ученых и практических работников, из которых 10 докторов наук, 26 кандидатов наук.

Открыла конференцию директор Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции *Наталья Борисовна Вахмянина*, подчеркнув важность запланированных к обсуждению вопросов для совершенствования работы следственных органов.

Проректор (по учебной и научной работе) Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции *Олег Юрьевич Антонов* в приветственном слове отметил, что присутствующих объединил интерес к двум неразрывно связанным в рамках единой научной специальности отраслям права. Он напомнил, что ученые академии проводят большой объем научных

исследований, в том числе по заявкам следственных органов. Поэтому особенно важно знать реальные проблемы следствия для того, чтобы определить темы теоретических изысканий и потом апробировать их результаты.

Руководитель следственного управления СК России по Ярославской области полковник юстиции *Александр Александрович Бессмельцев* отметил насыщенный и значимый для практиков формат мероприятия. По его мнению, с учетом многообразия возможностей получения информации сотрудникам тяжело найти именно то, что пригодится в профессиональной деятельности. Проводимое мероприятие направлено на решение этой проблемы. Оно призвано наделить правоприменителей инструментарием, позволяющим отстоять правильную позицию и вынести обоснованное решение.

Модераторами конференции выступили заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции *А.А. Казаков* и доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции *Е.Г. Быкова*. Техническое сопровождение при организации и проведении форума осуществляли старший преподаватель кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева подполковник юстиции *А.К. Шеметов*, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции *С.А. Яшков* и старший методист Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат педагогических наук, капитан юстиции *О.С. Алабужина*.

В работе конференции приняли участие судьи Верховного Суда РФ, Третьего кассационного суда общей юрисдикции, Седьмого кассационного суда общей юрисдикции, Свердловского областного суда.

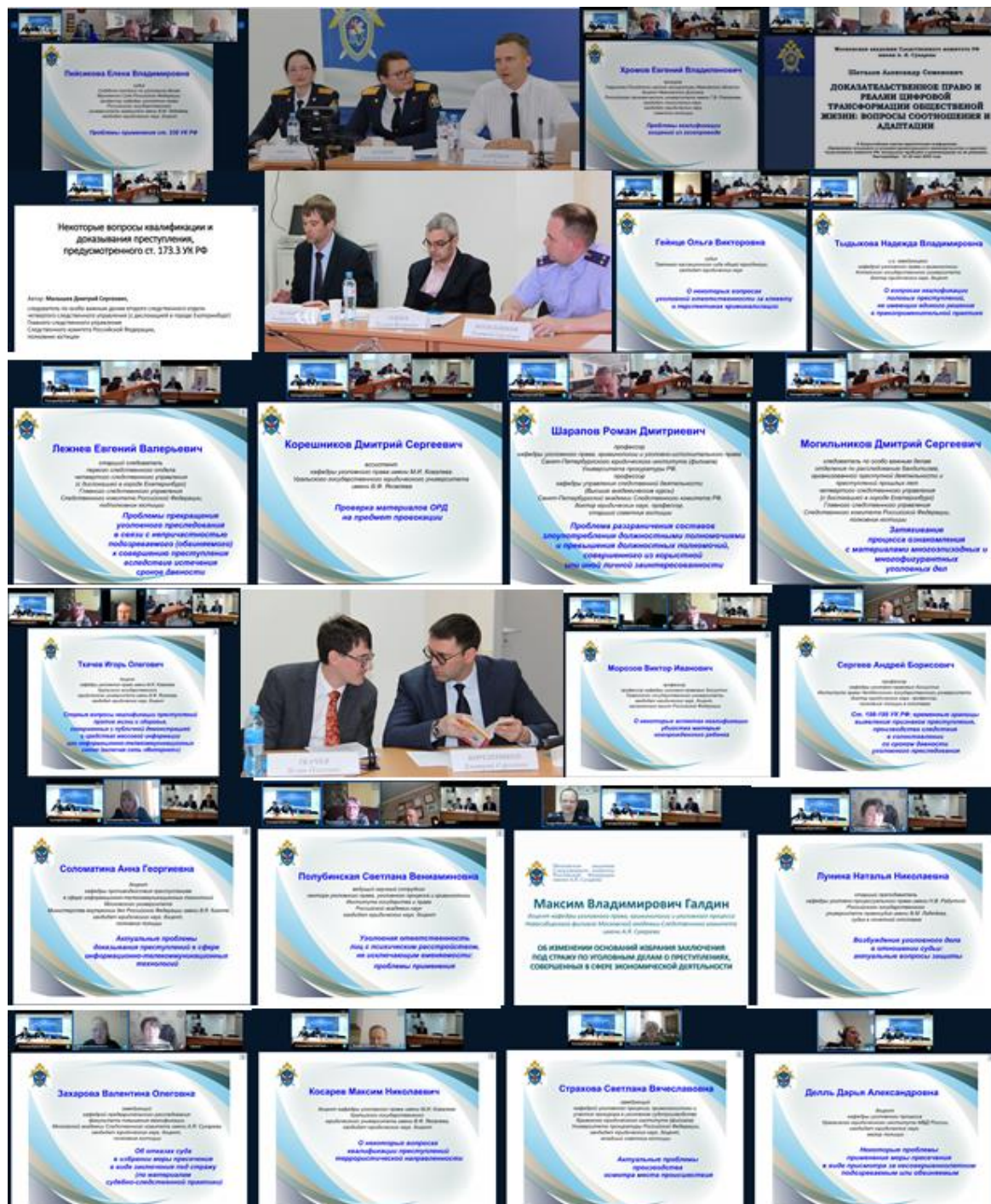
К мероприятию присоединились сотрудники первого отдела (организации воспитательной работы) управления общественно-политической работы, седьмого отдела (аналитического сопровождения следствия) управления

контроля за следственными органами и четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления СК России, главных следственных управлений СК России по городу Москве, городу Санкт-Петербургу, Красноярскому краю и Республике Хакасия, следственных управлений СК России по Республике Алтай, Республике Башкортостан, Алтайскому краю, Пермскому краю, Ивановской, Курганской, Оренбургской, Рязанской, Свердловской, Тюменской, Челябинской, Ярославской областям, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, Ямало-Ненецкому автономному округу, следственного отдела (на правах управления) СК России на комплексе «Байконур», Центрального межрегионального следственного управления СК России на транспорте, а также работники прокуратур Ивановской, Ярославской областей, Уральской транспортной прокуратуры, ФНС России, Росгвардии.

В дискуссии приняли участие представители Академии войск национальной гвардии, Академии управления МВД России, Алтайского государственного университета, Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Института государства и права РАН, Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, Оренбургского государственного университета, Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Российского университета транспорта, Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Саратовской государственной юридической академии, Тюменского государственного университета, Университета прокуратуры РФ, Уральского государственного юридического университета имени В.Ф.Яковлева, Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, Челябинского государственного университета, Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова.

На конференции обсуждались проблемные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, хищений из газопровода, убийства матерью новорожденного ребенка, деяний против жизни и здоровья, совершенных с публичной демонстрацией в сети Интернет, повторных и продолжаемых хищений, половых деяний, террористических актов, разграничения ст. 285 и 286 УК РФ; отдельные аспекты привлечения к ответственности за клевету, нарушение требований охраны труда, организацию незаконной деятельности по созданию «бумажного» НДС, налоговые преступления. Кроме того, в выступлениях рассматривались проблемы доказательственного права в условиях цифровизации, различные грани оценки заявлений участников следственных действий, прекращения уголовного преследования ввиду истечения сроков давности, проверки результатов ОРД на предмет провокации, изъятия цифровой валюты, производства процессуальных действий в отношении судей, затягивания процесса ознакомления с

материалами уголовных дел, избрания мер пресечения, нюансы проведения осмотра места происшествия, особенности уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

21 мая 2025 года прозвучали доклады судьи Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, профессора кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева кандидата юридических наук, доцента *Е.В. Пейсиковой*, профессора кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева доктора юридических наук *А.С. Шаталова*, прокурора Гаврилово-Посадского района прокуратуры Ивановской области, доцента

Ивановского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова кандидата технических наук, кандидата юридических наук, советника юстиции *Е.В. Хромова*, директора Института юстиции, заведующего кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева доктора юридических наук, доцента *Н.В. Азарёнка*, следователя по особо важным делам второго следственного отдела четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации полковника юстиции *Д.С. Малышева*, судьи Третьего кассационного суда общей юрисдикции кандидата юридических наук *О.В. Гейнце*, и.о. заведующего кафедрой уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета доктора юридических наук, доцента *Н.В. Тыдыковой*, старшего следователя первого следственного отдела четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации подполковника юстиции *Е.В. Лежнева*, ассистента кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева *Д.С. Корешникова*, профессора кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессора кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации доктора юридических наук, профессора, старшего советника юстиции *Р.Д. Шарапова*, следователя по особо важным делам отделения по расследованию бандитизма, организованной преступной деятельности и преступлений прошлых лет четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации подполковника юстиции *Д.С. Могильникова*, заведующего кафедрой управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) факультета повышения квалификации Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации кандидата юридических наук, доцента, полковника юстиции *С.В. Петракова*.

22 мая 2025 года выступили заведующий кафедрой уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева доктор юридических наук, профессор *З.А. Незнамова*, доцент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева кандидат юридических наук, доцент *И.О. Ткачев*, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Тюменского государственного университета кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации *В.И. Морозов*, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права Челябинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции в отставке *А.Б. Сергеев*, доцент кафедры

противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции *А.Г. Соломатина*, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук кандидат юридических наук, доцент *С.В. Полубинская*, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева полковник юстиции *М.В. Галдин*, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева судья в почетной отставке *Н.Н. Лунина*, заведующий кафедрой предварительного расследования факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции *В.О. Захарова*, доцент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева кандидат юридических наук, доцент *М.Н. Косарев*, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент, младший советник юстиции *С.В. Страхова*, доцент кафедры уголовного процесса Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, майор полиции *Д.А. Делль*, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции *А.А. Казаков*, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции *Е.Г. Быкова*.

Проведение таких конференций способствует укреплению научно-практического взаимодействия и становится отправной точкой дальнейших исследований. По итогам работы форума сформулирована резолюция о применении ряда положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства и перечне вопросов, требующих дальнейшего углубленного теоретического осмысления.

Многие из предложенных на конференции практически значимых рекомендаций, которые могут быть использованы правоприменителями в досудебном и судебном производстве по уголовным делам, получили письменное отражение на страницах настоящего сборника.

*С уважением и благодарностью,
модераторы конференции Е.Г. Быкова и А.А. Казаков*

Резолюция
II Всероссийской научно-практической конференции
«Применение уголовного и уголовно-процессуального
законодательства в практике
Следственного комитета Российской Федерации:
актуальные проблемы и рекомендации по их решению»

21–22 мая 2025
г. Екатеринбург

Конференция организована и проведена в соответствии с п. 10 раздела 5 Плана научно-исследовательской деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева на 2025 год.

В результате обсуждения видится возможным предложить сотрудникам СК России принять во внимание следующие *разъяснения по различным вопросам применения уголовного и уголовно-процессуального закона*:

- с учетом актуальной редакции примечания к ст. 238 УК РФ из сферы действия этой нормы выводится практически любая деятельность медицинского работника при исполнении им профессиональных обязанностей, а не только подпадающая под определение медицинской услуги как действий, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний;

- публичную демонстрацию в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) следует рассматривать как обстановку совершения преступлений против жизни и здоровья;

- при решении вопроса о разграничении клеветы и личного субъективного мнения, оценочного суждения, которые вправе иметь каждый человек, необходимо применять лингвистическое, системное толкование, учитывать контекст диалога или публикации и другие конкретные обстоятельства дела, в частности, результаты проверки таких фактов на предмет соответствия действительности;

- при оценке прикосновений к интимным частям тела, не являющимся половыми органами, необходимо определять объект, на нарушение которого были направлены действия лица. По ст. 132 УК РФ могут быть квалифицированы прикосновения к интимным частям тела при их совершении с применением насилия, угрозой его применения или использованием беспомощного состояния взрослого потерпевшего, если они были направлены на удовлетворение сексуального влечения посягающего или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица;

- по уголовным делам о нарушении требований охраны труда фактические трудовые отношения могут быть установлены в ходе расследования, а не только на основании судебного акта, постановленного в порядке гражданского судопроизводства;

- основным разграничительным признаком продолжаемого хищения и совокупности хищений является единство умысла, поскольку иные признаки (совершение двух или более тождественных и противоправных деяний) могут иметь место при совокупности преступлений;

- преступления, предусмотренные п. «б» ч. 3 ст. 158, ст. 215.3 УК РФ, могут быть совершены не только на внешних (магистральных), но и на внутридомовых (внутриквартирных) газопроводах. Хищение газа путем самовольного подключения к газопроводу следует квалифицировать по п. «б» ч. 3 ст. 158, ч. 1 или ч. 2 ст. 215.3 УК РФ, путем врезок в газопровод – по п. «б» ч. 3 ст. 158, ч. 3-5 ст. 215.3 УК РФ;

- на квалификацию содеянного по ст. 173.3 УК РФ действий организаторов незаконного оборота «бумажного НДС» не влияет факт неустановления заказчиков. Вместе с тем наличие осведомленности субъектов данного преступления о целях приобретения заказчиком подложных счетов-фактур или представления в налоговый орган от имени «технических» компаний подложной налоговой декларации либо счетов-фактур может свидетельствовать о соучастии организаторов «площадок» в совершении налогового преступления или налогового мошенничества, что потребует дополнительной правовой оценки;

- электронные доказательства не могут заменить собой другие виды доказательств, такие, например, как показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта или специалиста, однако цифровой способ фиксации доказательственных сведений должен становиться приоритетным для всех участников уголовного процесса;

- сведения, сообщенные лицом в ходе осмотра места происшествия, обыска, не должны рассматриваться как показания участников процесса;

- фототаблицы как приложение к протоколам следственных действий имеют особое значение для доказывания в процессах с участием присяжных заседателей, обеспечивая наглядность представляемых суду сведений о фактах;

- при оценке материалов ОРД необходимо внимательно выявлять действительные мотивы лиц, участвовавших в ОРМ, причины их взаимоотношений и фактический ход событий, после чего устанавливать наличие или отсутствие провокации;

- в случае сомнений о вменяемости субъекта для производства судебно-психиатрической экспертизы следует предоставлять (помимо данных об анамнезе этого лица) сведения о наличии психических заболеваний, полученные у его родных, близких, коллег, из образовательных и медицинских организаций;

- ввиду изменений, внесенных в ст. 108 УПК РФ, следует учитывать наличие специальных правил заключения под стражу, которые не исчерпывается случаями расследования преступлений в сфере экономической деятельности;

- при избрании присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым со стороны заслуживающих доверие лиц стоит оценивать не только объективные факторы, но субъективные особенности отношений данного лица с несовершеннолетним;

- при возбуждении ходатайств об установлении определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемых и их защитников необходимо руководствоваться фактическими данными о динамике этого процесса, принимая во внимание, в том числе и предшествующие периоды ознакомлений при их наличии;

- в настоящее время с учетом действующей редакции уголовно-процессуального закона при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, уголовное преследование подлежит прекращению в связи с непричастностью подозреваемого (обвиняемого), однако уголовное дело в целом рекомендуется прекращать в связи с истечением сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), отражая в процессуальных документах позицию следствия о наличии доказательств, подтверждающих совершение преступления определенным лицом, и вынужденном характере принимаемого процессуального решения.

Детальной научной разработки требуют вопросы:

- разграничения медицинских услуг и медицинской помощи (пп. 1, 9, 13 п. 23 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований и соответствующих им тем научных и учебно-методических работ, рассмотренных и утвержденных на заседании Ученого совета Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева (протокол заседания от 14 ноября 2024 года № 12)¹;

- соучастия в преступлениях против жизни и здоровья, совершенных с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) (пп. 3 п. 23 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- определения возрастных границ новорожденного, оценки неоконченного покушения на убийство матерью новорожденного ребенка, толкования признака «психотравмирующая ситуация» применительно к ст. 106 УК РФ (пп. 3 п. 23 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- квалификации преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 5 ст. 131, п. «б» ч. 5 ст. 132 УК РФ (пп. 2, 3 п. 5 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- разграничения повторных и продолжаемых преступлений (возможно дополнение этим вопросом п. 3 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- соучастия лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 173.3 УК РФ, в налоговом преступлении или налоговом мошенничестве (пп. 12 п. 3, пп. 2, 3 п. 22 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- разграничения террористического акта и диверсии (ст. 205 УК РФ и ст. 281 УК РФ), а также квалификации действий лиц, совершивших эти преступления,

¹ Далее по тексту – Перспективные (приоритетные) направления научных исследований.

будучи жертвами кибермошенников, обещавших после совершения криминального деяния возратить похищенные денежные средства (пп. 1 п. 2, пп. 9 п. 19 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- разграничения преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ и п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ (пп. 17 п. 21 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- внедрения в деятельность следственных органов Следственного комитета Российской Федерации цифровых доказательств (пп. 8, 13, 18 п. 8, пп. 10, 11 п. 12 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях (пп. 21 п. 22 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- процессуального порядка изъятия криптовалюты (пп. 7 п. 14, пп. 15 п. 22 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- определения параметров взвешенного подхода к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу (пп. 2 п. 7, пп. 10 п. 18 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- исчисления срока, предусмотренного ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, в случаях, когда уголовное дело приостанавливалось либо возвращалось прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (пп. 3 п. 10, пп. 1 п. 18 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований);

- производства неотложных следственных действий в отношении специальных субъектов (пп. 5 п. 11, пп. 3 п. 15 Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований).

По итогам форума участники пришли к консолидированному мнению о том, что:

- его проведение актуально и своевременно, поскольку соответствует потребностям сотрудников Следственного комитета Российской Федерации в решении проблем применения уголовного и уголовно-процессуального законов;

- ряд сформулированных рекомендаций с учетом положений действующего уголовного и уголовно-процессуального законов могут быть использованы в практике Следственного комитета Российской Федерации;

- проблемы, требующие теоретического осмысления, предполагают необходимость дальнейшей разработки в рамках имеющихся Перспективных (приоритетных) направлений научных исследований.

Модераторы конференции Е.Г. Быкова и А.А. Казаков

Обзор практики отказа в возбуждении уголовных дел по ст. 143 УК РФ

Аннотация. В статье приведены результаты анализа процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовных дел по итогам рассмотрения сообщений о фактах травмирования работника при осуществлении трудовой деятельности. Во многих случаях они принимаются ввиду неустановления события преступления или признаков состава преступления, предусмотренного соответствующей частью ст. 143 УК РФ, и дополнительно – ст. 216, 217 УК РФ, даже если производственная травма получена не в связи с выполнением строительных или иных работ, либо не на опасном производственном объекте. Последнее видится излишним. В некоторых случаях причиной отказа в возбуждении уголовного дела по соответствующей части ст. 143 УК РФ становится отсутствие надлежаще оформленного трудового договора с работником или наличие заключенного гражданско-правового договора. Резюмировано, что такое процессуальное решение не всегда обосновано, поскольку фактические трудовые отношения могут быть установлены в ходе расследования, а не только на основании судебного акта, постановленного в порядке гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: охрана труда, требования безопасности, вред здоровью, фактические трудовые отношения, крупный ущерб, ст. 143 УК РФ

В ч. 3 ст. 37 Конституции РФ предусмотрено право каждого человека на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. В соответствии с положениями Трудового кодекса РФ обязанность обеспечить реализацию этой гарантии возлагается на работодателя. За ее неисполнение виновные лица могут быть привлечены к ответственности по ст. 5.27, ст. 5.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях либо по ст. 143 или ст. 216, 217 УК РФ, если несчастный случай с работником произошел по вине работодателя при производстве строительных или иных работ либо вследствие нарушения требований безопасности опасных производственных объектов.

По данным Государственной инспекции труда в Свердловской области за 1 полугодие 2024 года, зарегистрировано 125 несчастных случаев на производстве; на предприятиях и в организациях области произошло 18 несчастных случаев со смертельным исходом, при этом общее количество погибших на производстве – 25 работников¹.

Согласно сведениям судебной статистики, в 1 полугодии 2024 года по ч. 1 ст. 143 УК РФ осуждено 18 человек, уголовное дело прекращено судом в

¹ Доклад о результатах деятельности Государственной инспекции труда в Свердловской области по итогам 1 полугодия 2024 года: https://git66.rostrud.gov.ru/osnov/otchety_o_rabote_gosudarstvennoy_inspektsii_truda_v_sverdlovskoy_oblasti/1272166.html (дата обращения: 06.05.2025).

отношении 82 лиц; по ч. 2 ст. 143 УК РФ осуждено 52 лица, оправданы трое, уголовное дело прекращено судом в отношении 28 лиц; по ч. 3 ст. 143 УК РФ осуждено 8 человек, уголовное дело прекращено судом в отношении 1 лица¹.

Сравнительный анализ приведенных показателей свидетельствует о том, что количество несчастных случаев на производстве, произошедших в одном российском регионе за конкретный период, немногим меньше, чем число судебных актов по ч. 1-3 ст. 143 УК РФ, постановленных во всех субъектах РФ за аналогичный период.

Во многих ситуациях по результатам рассмотрения сообщения о факте травмирования работника при осуществлении трудовой деятельности органы предварительного расследования принимают решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления либо состава преступления². Причем нередко по одному и тому же происшествию резюмируется неустановление признаков деяний, предусмотренных соответствующими частями ст. 143, ст. 216, ст. 217 УК РФ.

Криминообразующим признаком преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 143, ч. 1 ст. 216, ч. 1 ст. 217 УК РФ, являются последствия в виде тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Поэтому случаи, когда в результате нарушения требований охраны труда у работника имеются телесные повреждения, оцениваемые как не повлекшие причинение вреда здоровью, либо как легкий или средней тяжести вред здоровью, не могут быть квалифицированы по указанным нормам уголовного закона³.

Если нарушение требований охраны труда произошло не в связи с производством строительных или иных работ или не на опасном производственном объекте, принятие процессуального решения по ст. 216 или ст. 217 УК РФ видится излишним.

К тому же следует помнить, что в диспозициях частей первых ст. 216 УК РФ и ст. 217 УК РФ предусмотрен помимо тяжкого вреда здоровью еще один вид последствий – крупный ущерб. Анализ материалов доследственных проверок показывает, что вопрос о его возможном наличии не во всех случаях

¹ Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 1 полугодие 2024 года Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8775> (дата обращения: 06.05.2025).

² Изучено 238 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 143 УК РФ, принятых в 2021-2023 годах территориальными следственными органами следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации по Самарской, Свердловской, Тюменской, Ярославской областям, Ямало-Ненецкому автономному округу // Архив Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

³ Быкова Е.Г., Казаков А.А. Физический вред как последствие преступлений, предусмотренных ст. 216 и ст. 217 УК РФ: материально-правовой и процессуальный аспекты // Российский судья. 2025. № 2. С. 32.

исследуется перед принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием составов названных преступлений.

Событие какого-либо преступления не имеется, если работник получил травму в ситуации, когда он сам или работодатель не допускали нарушений требований охраны труда, и причиной происшествия стало неудачное стечение обстоятельств.

Если несчастный случай на производстве произошел исключительно по вине самого работника, при этом нарушения требований охраны со стороны работодателя не допущено, правоприменители принимают решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием *состава* (выделено мной – Б.Е.) преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 143, ст. 216, ст. 217 УК РФ. Оно мотивируется неустановлением причинной связи между деянием представителя работодателя и производственной травмой работника. Вместе с тем обсуждение вопроса о наличии или отсутствии этого признака объективной стороны актуально только в случаях, когда со стороны работодателя есть нарушения требований охраны труда. При таких обстоятельствах думается, что если работник получил травму исключительно вследствие собственного небрежного поведения, отсутствует *событие преступления* (выделено мной – Б.Е.).

Имеются примеры отказа в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием составов преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 143, ст. 216, ст. 217 УК РФ, в ситуациях, когда нарушения требований охраны труда допущены как работодателем, так и работником. По этому поводу важно отметить необходимость взвешенного подхода к принятию указанных процессуальных решений.

Виновное поведение потерпевшего само по себе еще не свидетельствует об отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния в допущенных представителями работодателя нарушениях требований охраны труда. В этой связи высшая судебная инстанция в п. 6 постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов»¹ (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41) рекомендует тщательно исследовать вопрос о причинной связи между допущенными нарушениями и наступившими последствиями. Если этот объективный признак установлен, то противоправное поведение потерпевшего не исключает уголовной ответственности виновных лиц со стороны работодателя, однако учитывается при назначении наказания.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов». URL: <https://vsrf.ru/documents/own/27377/> (дата обращения: 06.05.2025).

Иногда правоприменители не усматривают оснований для возбуждения уголовного дела по соответствующей части ст. 143 УК РФ в ситуациях, когда тяжкий вред здоровью или смерть потерпевшего наступили в результате производственной травмы, однако с таким пострадавшим не был надлежащим образом оформлен трудовой договор или был заключен гражданско-правовой договор. Ключевым доводом при принятии названного процессуального решения становится отсутствие вступившего в законную силу решения суда о признании отношений между потерпевшим и работодателем трудовыми. Вместе с тем подобный аргумент не всегда обоснован.

Так, признаки потерпевшего в ст. 143 УК РФ не обозначены. В этой связи в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 разъясняется, что к их числу относятся, в частности, лица, с которыми трудовой договор не заключался либо не был оформлен надлежащим образом, но они приступили к работе с ведома или по поручению работодателя либо его уполномоченного представителя.

В ст. 67 Трудового кодекса РФ предусмотрено, что трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя.

Согласно разъяснениям высшей судебной инстанции представителем работодателя в указанном случае является лицо, которое в соответствии с законом, иными нормативными правовыми актами, учредительными документами юридического лица (организации) либо локальными нормативными актами или в силу заключенного с этим лицом трудового договора наделено полномочиями по найму работников, поскольку именно в этом случае при фактическом допущении работника к работе с ведома или по поручению такого лица возникают трудовые отношения (статья 16 Трудового кодекса РФ) и на работодателя может быть возложена обязанность оформить трудовой договор с этим работником надлежащим образом¹.

В связи с изложенным само по себе отсутствие формально закрепленных отношений между пострадавшим и работодателем не препятствует привлечению представителей последнего от уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда.

Например, по приговору суда Н. осуждена по ч. 1 ст. 143 УК РФ. Н., действуя в нарушение ст. 22, 76, 212 ТК РФ; п. 7 Правил по охране труда при производстве отдельных видов пищевой продукции, утвержденных Приказом Минтруда России от 07.12.2020 № 866н²; пп. 2.10, 2.11 Должностной инструкции начальника производства, утвержденной генеральным директором ООО «Ванюшкины сладости», являясь ответственным лицом по обеспечению безопасных условий ведения работ, допустила к производству работ не

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

² СПС КонсультантПлюс.

прошедшего обучение ФИО7, принятого на работу на основании фактического допуска к исполнению им трудовых обязанностей оператора производственной линии этой организации. ФИО7 при осуществлении трудовой деятельности получил телесные повреждения, квалифицирующиеся как тяжкий вред здоровью. Суд апелляционной инстанции, оставляя приговор без изменения, отклонил довод защитников о недоказанности факта наличия трудовых отношений между ООО «Ванюшкины сладости» и потерпевшим ФИО7, поскольку он опровергается доказательствами, в частности, показаниями потерпевшего ФИО7 и свидетелей об обстоятельствах фактического исполнения ФИО7 трудовых обязанностей. Главный государственный инспектор труда (по охране труда) Государственной инспекции труда в Пензенской области в ходе допроса в качестве свидетеля пояснила, что она проводила проверку и посещала предприятие по заявлению потерпевшего ФИО7. В одной из ячеек хранения был обнаружен его мобильный телефон, о чем был составлен соответствующий акт. Ей была предоставлена фотография монитора, где был отображен отчет сдельных нарядов, что ФИО7 получал заработную плату в январе 2022 года. У ФИО7 имелась также рабочая одежда с надписью ООО «Ванюшкины сладости». При проведении расследования несчастного случая были установлены признаки, свидетельствующие о наличии трудовых отношений, но в полномочия Государственной инспекции труда в Пензенской области не входит установление факта наличие трудовых отношений, поэтому ФИО7 было рекомендовано обратиться в судебные органы для разрешения спора¹. Кассационная инстанция оставила судебные акты без изменения².

По общему правилу, предусмотренному в ст. 11 Трудового кодекса РФ, трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права, не распространяются на лиц, работающих на основании договоров гражданско-правового характера.

В этой связи З.Б. Соктоев справедливо замечает, что известна практика злоупотребления работодателем неравным положением, когда он, пользуясь своим преимущественным положением, принуждает наемного работника заключать гражданско-правовой договор. Тем самым работодатель уклоняется от выполнения социальных обязательств, а наемный работник лишается защиты, на которую имеет право. Правовед заключает, что при признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями виновные лица, проигнорировавшие выполнение обязанностей по соблюдению требований охраны труда, подлежат ответственности по ст. 143 УК РФ³.

¹ Апелляционное постановление Пензенского районного суда Пензенской области от 03.06.2024 № 10-7/2024 // СПС КонсультантПлюс.

² Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.10.2024 № 77-3968/2024 // СПС КонсультантПлюс.

³ Соктоев З.Б. Нарушение требований охраны труда: о новом Постановлении Пленума // Уголовное право. 2019. № 1. С. 53–62.

Таким образом, в случаях, когда между работодателем и работником не заключен трудовой договор в письменной форме или был заключен гражданско-правовой договор, в ходе доследственных проверок по материалам о преступлении, предусмотренном ст. 143 УК РФ, должны изучаться обстоятельства, позволяющие доказать наличие или отсутствие фактических трудовых отношений между указанными субъектами. Для этого необходимо учитывать признаки трудовых отношений, предусмотренные ст. 15 Трудового кодекса РФ и разъяснения высшей судебной инстанции по этому вопросу.

Так, при установлении трудовых отношений рекомендуется не только исходить из наличия (или отсутствия) тех или иных формализованных актов (гражданско-правовых договоров, штатного расписания и т.п.), но и устанавливать, имелись ли в действительности признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в ст. 15 и 56 Трудового кодекса РФ, был ли фактически осуществлен допуск работника к выполнению трудовой функции.

К характерным признакам трудовых отношений относятся:

- достижение сторонами соглашения о личном выполнении работником определенной, заранее обусловленной трудовой функции в интересах, под контролем и управлением работодателя;
- подчинение работника действующим у работодателя правилам внутреннего трудового распорядка, графику работы (сменности);
- обеспечение работодателем условий труда;
- выполнение работником трудовой функции за плату¹.

О наличии трудовых отношений может свидетельствовать устойчивый и стабильный характер этих отношений, подчиненность и зависимость труда, выполнение работником работы только по определенной специальности, квалификации или должности, наличие дополнительных гарантий работнику, установленных законами, иными нормативными правовыми актами, регулирующими трудовые отношения².

К признакам существования трудового правоотношения также относятся, в частности, выполнение работником работы в соответствии с указаниями работодателя; интегрированность работника в организационную структуру работодателя; признание работодателем таких прав работника, как еженедельные выходные дни и ежегодный отпуск; оплата работодателем расходов, связанных с поездками работника в целях выполнения работы; осуществление периодических выплат работнику, которые являются для него единственным и (или) основным источником доходов; предоставление инструментов, материалов и механизмов работодателем³.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» (п. 17) // СПС КонсультантПлюс.

² Там же. П. 17.

³ Там же.

Доказательствами наличия трудовых отношений могут быть оформленный пропуск на территорию работодателя; журнал регистрации прихода-ухода работников на работу; документы кадровой деятельности работодателя: графики работы (сменности), графики отпусков, документы о направлении работника в командировку, о возложении на работника обязанностей по обеспечению пожарной безопасности, договор о полной материальной ответственности работника; расчетные листы о начислении заработной платы, ведомости выдачи денежных средств, сведения о перечислении денежных средств на банковскую карту работника; документы хозяйственной деятельности работодателя: заполняемые или подписываемые работником товарные накладные, счета-фактуры, копии кассовых книг о полученной выручке, путевые листы, заявки на перевозку груза, акты о выполненных работах, журнал посетителей, переписка сторон спора, в том числе по электронной почте; документы по охране труда, как то: журнал регистрации и проведения инструктажа на рабочем месте, удостоверения о проверке знаний требований охраны труда, направление работника на медицинский осмотр, акт медицинского осмотра работника, карта специальной оценки условий труда), свидетельские показания, аудио- и видеозаписи и другие¹.

Таким образом, принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела должно основываться на всесторонней оценке всех установленных обстоятельств происшествия с учетом признаков состава преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ. Практика одновременного отказа в возбуждении уголовного дела еще и по ст. 216 УК РФ или ст. 217 УК РФ показывает, что не принимается во внимание наличие в диспозициях частей первых этих статей уголовного закона криминообразующего признака – последствий в виде крупного ущерба.

Следует признать, что не всегда обоснован отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 143 УК РФ в ситуациях, когда тяжкий вред здоровью или смерть потерпевшего наступили в результате производственной травмы, однако с таким пострадавшим не был надлежащим образом оформлен трудовой договор или был заключен гражданско-правовой договор. Отсутствие вступившего в законную силу решения суда о признании отношений между потерпевшим и работодателем трудовыми само по себе не препятствует привлечению виновных лиц к ответственности по ст. 143 УК РФ. Фактические трудовые отношения могут быть установлены в ходе расследования, а не только на основании судебного акта, постановленного в порядке гражданского судопроизводства.

¹ Там же. П. 18.

Литература

1. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Физический вред как последствие преступлений, предусмотренных ст. 216 и ст. 217 УК РФ: материально-правовой и процессуальный аспекты // Российский судья. 2025. № 2. С. 31–35.

2. Соктоев З.Б. Нарушение требований охраны труда: о новом Постановлении Пленума // Уголовное право. 2019. № 1. С. 53–62.

М.В. Галдин

Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Об изменении оснований избрания заключения под стражу по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности

Аннотация. Автор анализирует положения закон, вступившего в законную силу 11 марта 2025 года, об основаниях избрания меры пресечения в виде заключения под стражу обвиняемому в преступлении, совершенном в сфере экономической деятельности (ст. 108 УПК РФ). Подчеркиваются положительные качества и недостатки внесенных изменений, ставится вопрос об особенностях их реализации с учетом сложившейся практики.

Ключевые слова: законотворческая деятельность, правовое регулирование, правоприменение, уголовно-процессуальное принуждение, мера пресечения, заключение под стражу, предприниматель, преступления, совершенные в сфере экономической деятельности

С августа 2008 года, когда на совещании по развитию малого и среднего бизнеса Д.А. Медведев заявил о необходимости прекратить «кошмарить бизнес», было принято не меньше двух десятков законов, цель которых заключалась в формировании привилегированного статуса участника экономической деятельности в ходе досудебного производства по уголовным делам. С тех пор из фокуса внимания законодателя не выпадают наиболее суровые меры уголовно-процессуального принуждения, для применения которых к занятым в сфере экономической деятельности лицам созданы дополнительные ограничения.

Во исполнение поручения Президента РФ был подготовлен проект закона, по которому заключение под стражу предложено избирать обвиняемым по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести ненасильственного характера только при наличии исключительных обстоятельств¹. Первоначально в нем не упоминались субъекты экономической

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2023 № 19 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской

деятельности, однако ко второму чтению он был серьезно переработан¹. 28 февраля 2025 года был подписан Федеральный закон № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»², отдельные положения которого явились предметом настоящего исследования.

Цель подготовленного Верховным Судом РФ законопроекта заключалась в укоренении общепризнанных норм международного права путем разделения в ст. 108 УПК РФ преступлений средней тяжести на две группы. Для заключения под стражу обвиняемого в совершении преступления средней тяжести ненасильственного характера отныне требуется одно из следующих обстоятельств: а) подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории России; б) его личность не установлена; в) им нарушена ранее избранная мера пресечения; г) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

В соответствии с минимальными стандартными правилами ООН, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних от 29 ноября 1985 года (Пекинскими правилами), несовершеннолетнего не следует лишать личной свободы, если только он не признан виновным в совершении серьезного деяния с применением насилия против другого лица или в неоднократном совершении других серьезных правонарушений. Ранее нами подчеркивалась разумность имплементации этого международного стандарта в отечественное законодательство: в подавляющем большинстве случаев общественная опасность содеянного несовершеннолетним заключается в его насильственном характере³. Однако обоснованность его переноса с несовершеннолетних на иных субъектов сомнительна: хозяйственные преступления не менее опасны, чем насильственные. Более того, как отмечает со ссылкой на исследования Э. Сатерленда Л.В. Головкин, беловоротничковая

Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями». URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 29.04.2025).

¹ Проект Федерального закона № 381316-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями». URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 29.04.2025).

² URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_499971/ (дата обращения: 29.04.2025).

³ Галдин М.В. Генезис и перспективы развития условий заключения под стражу предпринимателей // Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 20 марта 2024 года. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 21.

преступность иногда опаснее, чем общекриминальная¹. С таким мнением сложно не согласиться. Негативные последствия от таких преступлений ощущают на себе наемные работники, партнеры, контрагенты, конечные потребители товаров и услуг. Если в результате хозяйственного преступления останавливается производство на градообразующем предприятии, страдает уровень социально-экономического развития всего региона. По этой причине введенная новелла сужает кругозор следователя и суда в выборе эффективного средства обеспечения участия в судопроизводстве обвиняемого. Отнюдь не фантастичным представляется, как располагающий достаточными финансовыми ресурсами и оставшийся на свободе обвиняемый после первой же встречи со следователем скроется за рубежом.

Ранее основанием для заключения под стражу обвиняемого являлся срок наказания в виде лишения свободы, превышающий три года. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях исходил из запрета заключать под стражу обвиняемых в совершении преступлений, за совершение которых не предусмотрено наказание в виде лишения свободы². После вступления в силу новой редакции ч. 1 ст. 108 УПК РФ его соблюдение не требуется, что позволяет избирать обвиняемому в совершении любого преступления небольшой тяжести заключение под стражу вне зависимости от того, предусмотрено ли санкцией соответствующей нормы уголовного закона лишение свободы.

Само по себе разрешение законом избрания заключения под стражу обвиняемому в совершении преступления небольшой тяжести следует признать положительным. В результате уточнения появилось действенное средство обеспечить участие в разрешении по существу уголовного дела обвиняемого, который не намерен принимать на себя связанные с этим обязательства. Представляется, что законодатель не случайно опустил использованный в отношении преступлений средней тяжести признак применения насилия или угрозы его применения и в качестве дополнительного ограничения сослался на наличие хотя бы одного из двух исключительных обстоятельств, изложенных выше в пунктах «в» и «г». Однако в результате разрешения давней проблемы родился другой болезненный для практиков вопрос: каким образом обеспечить участие в производстве по уголовному делу обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, который не имеет места жительства или места пребывания на территории России, а равно когда его личность не установлена? Когда в уголовном деле отсутствуют сведения о личности, месте жительства или месте пребывания, то возложение на обвиняемого обязательств не покидать его и в назначенный срок являться по вызовам следователя и суда неоправданно (п. 2 ст. 102, ч. 1 ст. 103, ч. 1 ст. 104, ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 105¹, ч. 1

¹ Головкин Л.В. Общественная опасность не всегда определяется степенью насилия и вообще его наличием // Уголовный процесс. 2024. № 2. С. 30–37.

² Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 29.04.2025).

ст. 106 УПК РФ). В отсутствие сведений о жилом помещении, в котором не нуждающийся в стационарном лечении обвиняемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, суд не может определить место, в котором будет находиться обвиняемый под домашним арестом (ч. 9 ст. 107 УПК РФ). Для нас ясно, что избрание любой из предусмотренных указанными статьями меры пресечения в таких случаях будет самонадеянным со стороны следователя и суда. Введенный запрет заключения под стражу на первоначальном этапе расследования способен привести к невозможности реализации принципа неотвратимости наказания: международное сотрудничество по преступлениям небольшой тяжести затруднительно, сроки давности привлечения к уголовной ответственности за их совершение составляют всего два года (п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ). На наш взгляд, в таких ситуациях следователю необходимо мотивировать свое ходатайство об избрании заключения под стражу анализом обстоятельств, свидетельствующих о возможности обвиняемого скрыться от органов следствия и суда. Одним из них как раз и является отсутствие места жительства или места пребывания обвиняемого.

Не менее серьезные изменения претерпели непосредственные ограничения для избрания заключения под стражу обвиняемым, совершившим преступления в сфере экономической деятельности.

Во-первых, из предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ перечня были исключены 38 преступлений небольшой тяжести. При избрании заключения под стражей обвиняемым в совершении любых преступлений небольшой тяжести следует руководствоваться п. 2 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Избрание этой меры пресечения теперь допустимо при нарушении ранее избранной меры пресечения или когда обвиняемый скрылся.

Во-вторых, из этого же перечня были исключен обвиняемый в совершении преступления средней тяжести, предусмотренного ч. 1 ст. 173³ УК РФ. Сейчас в него включены обвиняемые в совершении 33 преступлений средней тяжести, основанием для заключения под стражу которых не может служить факт неустановления личности. Такое основание распространяется только на обвиняемых в совершении остальных преступлений средней тяжести ненасильственного характера.

В-третьих, из «безусловного» перечня статей УК РФ были исключены обвиняемые в совершении тяжких преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 173³, ч. 4 ст. 178 УК РФ, и теперь эта мера пресечения может быть избрана им на общих основаниях. Примечательно, что диспозицией последней из указанных норм предусмотрено применение насилия или угроза его применения, уничтожение или повреждение имущества либо угроза его уничтожения или повреждения, что в целом укладывается в логику принятого в первом чтении законопроекта Верховного Суда РФ о выделении преступлений насильственного характера. Тем разительнее то обстоятельство, что, по крайней мере, одно из 17 тяжких преступлений в этом перечне содержит указание на применение насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль (п. «б» ч. 3 ст. 194 УК РФ). Такое положение противоречит

законодательной инициативе и требует осторожности в применении. Обоснованность же оставления в этом перечне на экстраординарном положении особо тяжкого преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 194 УК РФ, которое может охватывать вышеуказанный квалифицирующий признак, разумному объяснению не поддается. По нашему мнению, в таких ситуациях правоприменитель, как и в случае с обоснованием возможности обвиняемого скрыться отсутствием места жительства или места пребывания, будет вынужден обращаться к проверенным категориям более высокого порядка, сводить установленные обстоятельства к одному из предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований. В частности, применение насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, может свидетельствовать об отсутствии у обвиняемого желания исполнять законные и обоснованные требования представителя власти о явке, что при определенных условиях может быть интерпретировано как его намерение скрыться. Вменение квалифицирующего признака совершения преступления в составе организованной группы само по себе подтверждает возможность обвиняемого воспрепятствовать производству по уголовному делу¹.

Изложенное позволяет прийти к следующим выводам. В результате внесения изменений из части первой¹ ст. 108 УПК РФ были исключены обвиняемые в совершении всех преступлений небольшой тяжести. Большинство из названных в этой норме лиц обвиняются в совершении тяжкого преступления или преступления средней тяжести. Основной критерий их выбора по-прежнему состоит в условной или безусловной связи обвиняемого с экономической деятельностью. При заключении под стражу обвиняемых в совершении иных преступлений средней тяжести следует руководствоваться частью первой¹ ст. 108 УПК РФ. Содержательной коллизии между этой нормой и частью первой¹ ст. 108 УПК РФ не возникает. При всем этом остается открытым ранее поднятый нами вопрос, насколько востребованы обществом внесенные изменения². Судебная статистика свидетельствует, что если в 2023 году было удовлетворено 283 ходатайства о заключении под стражу обвиняемых в преступлениях, совершенных в экономической сфере деятельности, то в прошлом – их было всего 117³. Очевидно, что с учетом вступивших изменений таких фактов станет еще меньше. Тем не менее применение специальных правил заключения под стражу требует строгого соблюдения законности и не исчерпывается категорией совершивших преступление в сфере экономической деятельности обвиняемых.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (п. 5) // СПС КонсультантПлюс.

² Галдин М.В. Указ. соч. С. 23.

³ Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции в 2023 и 2024 гг. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru> (дата обращения 29.04.2025).

Литература

1. Галдин М.В. Генезис и перспективы развития условий заключения под стражу предпринимателей // Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 20 марта 2024 года. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. С. 17-23.
2. Головки Л.В. Общественная опасность не всегда определяется степенью насилия и вообще его наличием» // Уголовный процесс. 2024. № 2. С. 30–37.

О.В. Гейнце

Третий кассационный суд общей юрисдикции

О некоторых вопросах уголовной ответственности за клевету и перспективах криминализации

Аннотация. В статье изучаются и анализируются положения законодательства, доктринальные позиции и судебная практика по вопросам, связанным с уголовно-правовой оценкой деяний, подпадающих под признаки клеветы. Исследование проведено с целью изучения правоприменительной практики, определения уголовно-правовой характеристики, приемов и стандартов доказывания. В качестве эмпирической основы использована практика судов всех уровней (первая инстанция, апелляция, кассация). Предлагаются варианты совершенствования закона и практики его применения.

Ключевые слова: клевета, оскорбление, частное обвинение, частно-публичное обвинение, оправдательный приговор, моббинг, блок на негатив

Благодарности: Автор выражает благодарность обозревателю «Российской газеты» Куликову Владиславу Сергеевичу за помощь в работе над темой публикации.

Уголовные дела о клевете, входящие в категорию уголовных дел частного обвинения, нередко заканчиваются оправдательным приговором. По мнению ряда практиков, рассматриваемый состав преступления имеет сложности в квалификации, в доказывании и процент оправдательных решений по нему, в отличие от иных прочих, значительно превышает обвинительные¹.

Действительно, как показало проведенное исследование судебной практики, во многих случаях суды приходят к выводу о том, что в деянии лица отсутствует субъективная сторона преступления, а именно прямой умысел, при котором лицо должно осознавать, что распространяемые им сведения порочат

¹См.: Оправдательный приговор по части 1 статьи 128.1 УК РФ. Клевета. Тактика и особенности защиты // URL: <http://адвокат-спиридонов.рф/оправдательный-по-128-1-ук-рф> (дата обращения: 01.05.2025); Верховный суд защитил обращающихся к прокурору граждан от необоснованных обвинений в клевете. URL: http://epp.genproc.gov.ru/web/proc_02/activity/legal-education/explain?item=86551195 (дата обращения: 01.05.2025) и др.

честь и достоинство другого лица или подрывают его репутацию и являются заведомо ложными. В свою очередь, высказываемые оценочные суждения, мнения, убеждения, являющиеся субъективным мнением человека, пусть даже отрицательным для кого-то, не содержащие сведений о конкретных фактах, не могут быть проверены на предмет клеветы. Такая конструкция представляет определенную сложность как в квалификации соответствующих деяний, так и в доказывании.

История криминализации клеветы в современном российском уголовном законодательстве противоречива и показывает неоднозначность отношения законодателя к оценке ее общественной опасности. Так, в 2011 году данный состав преступления был декриминализирован Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ¹, перейдя в разряд административных правонарушений. Тем не менее Федеральным законом от 28.07.2012 № 141-ФЗ² в УК РФ был вновь введен состав клеветы (ст. 128.1), устанавливающий ответственность за различные ее виды. Впоследствии российский уголовный закон пополнился еще рядом составов за публичное распространение отдельных видов недостоверной информации, в частности ст. 237, ч. 4 ст. 128.1, ст. 207.3 УК РФ. Существуют нормы о клевете в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде (ст. 298.1 УК РФ).

В настоящее время Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации принят законопроект, в соответствии с которым предлагается «перевести» все уголовные дела о клевете, в том числе так называемой «бытовой», в разряд частного-публичного обвинения³. Такие уголовные дела возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат. Предварительное расследование по ним проводится в общем порядке, а государственное обвинение поддерживается прокуратурой, в отличие от уголовных дел частного обвинения, где обязанность формулировать обвинение и поддерживать его возлагается на самого потерпевшего (частного обвинителя). Кроме того, уголовное дело частного обвинения может быть прекращено в случае неявки

¹ Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

² Федеральный закон от 28.07.2012 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

³См. Верховный Суд России предложил перевести дела о клевете в частно-публичное обвинение // URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/33613 (дата обращения: 01.05.2025); В первом чтении принят законопроект об отнесении клеветы к категории дел частного-публичного обвинения // <https://www.advgazeta.ru/novosti/v-pervom-chtenii-prinyat-zakonoproekt-ob-otnesenii-klevety-k-kategorii-del-chastno-publichnogo-obvineniya> (дата обращения: 01.05.2025).

частного обвинителя к мировому судье. В частно-публичном процессе таких процессуальных изъятий нет.

Какой способ правовой защиты является более эффективным, безусловно, покажет время, однако можно предположить, что законодатель считает уровень правовых гарантий недостаточным, предлагая расширить полномочия государства по осуществлению уголовного преследования за клевету.

Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, является уже сейчас уголовным делом частно-публичного обвинения. Поэтому гражданин, юридическое лицо, считающие, что действия лица, распространившего в СМИ, в Интернете не соответствующие действительности порочащие сведения, содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, вправе обратиться с заявлением о возбуждении уголовного дела. Соответствующая публикация сама по себе без заявления лица поводом для возбуждения уголовного дела являться не может. Согласно закону, на начальной стадии должностное лицо соответствующего органа, а именно органа внутренних дел, устанавливает, имеются ли достаточные данные, указывающие на признаки преступления, на основе собранных в ходе следственной проверки материалов. Отказ в возбуждении уголовного дела, как и возбуждение уголовного дела, при несогласии участвующих лиц могут быть обжалованы в суд в порядке ст. 125 УПК РФ.

Вопрос разграничения сведений о фактах, могущих быть предметом проверки на предмет клеветы, и личного субъективного мнения, оценочного суждения, которые вправе иметь каждый человек, является одним из ключевых и сложных. Ввиду отсутствия отдельного постановления Пленума Верховного Суда РФ с разъяснениями по данной проблематике в практике суды руководствуются разъяснениями, изложенными в ряде других постановлений: постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет»¹; постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»² и некоторых иных, где дается толкование понятия распространения сведений и возможные варианты квалификации связанных с этим преступных действий.

Лингвистическое, системное толкование, контекст диалога или публикации и другие конкретные обстоятельства дела устанавливаются в каждом случае индивидуально. Принципиальным является вопрос – можно ли проверить ту или иную фразу на предмет соответствия действительности как установленный

¹ URL: <https://vsrf.ru/documents/own/31913/> (дата обращения: 01.05.2025).

² URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8288/> (дата обращения: 01.05.2025).

факт, то есть что-то объективно существующее. Так, если, к примеру, человека называли «убийцей», то, с одной стороны, возможно рассмотреть вопрос, не является ли данная фраза утверждением о том, что гражданин был судим по статье 105 УК РФ. Другое дело, что предмет разговора может быть абсолютно различным, и в контексте та же самая фраза не будет иметь значения «утверждения о факте», если, к примеру, речь идет о споре соседей по поводу сбитой автомобилем собаки. Естественно, подобного рода суждения на предмет клеветы проверены быть не могут, но в определенных случаях могут быть расценены как оскорбление.

По результатам изучения судебной практики по вступившим в законную силу решениям, прошедшим неоднократную проверку в вышестоящих судебных инстанциях, можно увидеть, что неоднозначные фразы, отсылка на иные источники информации – если на этих тезисах строится защитная лица, привлекаемого к ответственности за клевету, – как правило, тщательно проверяются судом. В необходимых случаях назначается лингвистическая судебная экспертиза либо привлекается к участию в деле специалист. С учетом многообразия жизненных и правовых ситуаций единого «инструмента» на этот счет не существует. Однако суд должен точно установить и обосновать в своем решении все признаки преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой, включая субъективную сторону – умысел лица. На практике в качестве доказательств используются любые сведения, на основе которых суд устанавливает фактические обстоятельства дела, виновность или невиновность лица. Это могут быть показания потерпевшего, свидетелей, письменные доказательства, например обращения того же потенциального «клеветника» в соответствующие органы и данные ему ответы, из которых усматривается его полное информирование о тех или иных фактах, официально опубликованные сведения и тому подобное.

Негативные оценки и оскорбления, не содержащие сведений о фактах, невозможно проверить на соответствие действительности. Равным образом невозможно отделить оскорбления от «оскорбительной лжи», хотя такая задача перед правоприменителем и не ставится, поскольку по закону оскорбление – это выраженная в непристойной, в неприличной форме отрицательная оценка личных качеств кого-либо, где не имеет значения правдивость или ложность информации. Ответственность за оскорбление дифференцирована законодателем в зависимости от объекта правовой охраны, его значимости и необходимости публичной защиты.

Представляется, что развитие законодательства и судебной практики по судебным спорам, связанным с клеветой, во многом обуславливается усложнением и развитием новых технологий и способов коммуникации между людьми.

Важным является достижение баланса, когда, с одной стороны, гражданин, юридическое лицо вправе высказывать и озвучивать свое мнение по волнующим, проблемным вопросам, обращаться в государственные органы, в соответствующие организации с просьбой провести проверки, привлечь кого-то к ответственности и др. Это неотъемлемая часть права на свободу выражения

своего мнения, решения конфликтов и важная составляющая цивилизованного общества. С другой стороны, очевидно не должно быть злоупотребления правом, когда распространяется заведомая ложь, когда в условиях быстрого обмена информацией возможны невозполнимые репутационные потери даже при последующей доказанности добросовестности подвергнутого информационной атаке субъекта.

Так называемые «блоки на негатив», например, в телеграм-каналах, владельцы которых иногда становятся фигурантами уже другого рода уголовных дел, используют информационный ресурс напрямую ради личного обогащения, тогда как возможные последствия могут быть крайне негативными для объекта их деятельности¹.

Наконец, распространенное в любой среде такое явление, как «моббинг» – психологический террор на работе с целью склонения человека к увольнению, враждебное и неэтичное отношение коллег, руководства, направленное против одного или нескольких людей, состоящее в необоснованной критике, распускании слухов², безусловно, негативно влияет на человека и требует защиты.

Здесь же необходимо отметить, что человек, подвергающийся такому обращению, вынужден озвучивать, возможно, нелюбимые факты в адрес коллег и обстоятельства конфликта.

В практике нередко возникает вопрос возможности привлечения за клевету таких субъектов, либо лиц, обращающихся в правоохранительные и иные государственные органы с заявлениями в отношении кого-либо о проверке или привлечении к ответственности.

Например, по приговору мирового судьи Д. был признан виновным в клевете за поданную докладную записку на имя работодателя после конфликта с другим работником на рабочем месте. Апелляционным постановлением Октябрьского районного суда г. Архангельска и кассационным постановлением Третьего кассационного суда общей юрисдикции судебные решения оставлены без изменения. Верховный Суд РФ с таким подходом не согласился и в кассационном определении от 17 декабря 2024 года № 1-УД24-6-КЗ отменил все судебные решения с прекращением производства по уголовному делу, поскольку работник написал на имя руководителя образовательного учреждения докладную записку, в которой изложил свое восприятие произошедшего, имея целью именно разрешение конфликта мирным путем, при том, что конфликт был подтвержден второй стороной – М., а из сообщенных сведений следует, что именно он инициировал общение с Д. в

¹См.: Блок на негатив: что это и стоит ли его использовать. URL: <https://sidorinlab.ru/blog/blok-na-negativ-chto-eto-i-stoit-li-ego-ispolzovat> (дата обращения: 01.05.2025).

²Тиханова Д.А. Моббинг как особая разновидность дискриминации: трудовые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. С. 21–23.

указанный день, что привело к развитию конфликтной ситуации. Уголовное дело прекращено, в отношении Д. признано право на реабилитацию¹.

В любом случае нормы закона должны быть направлены на защиту прав и интересов всех вовлеченных в конкретные жизненные ситуации лиц, формировать правовую культуру и цивилизованные способы разрешения конфликтных ситуаций.

Литература

Тиханова Д.А. Моббинг как особая разновидность дискриминации: трудовые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. С. 21–23.

Д.А. Делль

Уральский юридический институт МВД России

Некоторые проблемы применения меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым

Аннотация. Автор анализирует проблемы применения меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. В частности, рассматривается вопрос выбора лиц, которые могут осуществлять такой присмотр. Выявляются противоречия в действующем законодательстве. Автор обращает внимание на необходимость учета как объективных, так и субъективных характеристик лица, заслуживающего доверия, при избрании рассматриваемой меры пресечения.

Ключевые слова: производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, мера пресечения, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, заслуживающие доверия лица

В ходе расследования уголовных дел следователь применяет разнообразные процессуальные инструменты, среди которых важное место занимает институт мер пресечения. Данный институт представляет особый интерес при его рассмотрении в рамках производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, которое предполагает наличие особенностей, сформированных на основе международных стандартов и законодательства Российской Федерации.

Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), требуют соблюдения соразмерности любых мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей как с особенностями

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.05.2024 № 1-УД24-6-КЗ // СПС КонсультантПлюс.

личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения. При этом заключение под стражей в отношении данных лиц применяется «лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени» и по возможности должно заменяться «другими альтернативными мерами, такими, как постоянный надзор, активная воспитательная работа или помещение в семью или в воспитательное заведение или дом»¹.

Кроме того, п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 ориентирует суды на то, что при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого необходимо обязательно учитывать возможность применения альтернативной меры пресечения в виде передачи его под присмотр родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц, а находящегося в специализированном детском учреждении – под присмотр должностных лиц этого учреждения².

В этой связи можно констатировать, что правоприменитель процессуально ограничен в выборе мер пресечения, применяемых к несовершеннолетним, и в каждом случае должен рассматривать возможность реализации присмотра за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) как наиболее предпочтительной меры, учитывающей специфику субъекта, к которому она применяется. Вместе с тем стоит обратить внимание на некоторые проблемы, с которыми сталкиваются практики в указанной сфере.

Так, согласно ч. 1 ст. 105 УПК РФ реализация передачи несовершеннолетнего под присмотр заключается в обеспечении исполнения им процессуальных обязанностей лицом, заслуживающим доверия, в том числе родителем, опекуном или попечителем.

Если обратиться к положениям Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), то можно сделать вывод, что к числу родительских обязанностей относится воспитание детей (ст. 63). Аналогичная обязанность возлагается и на лиц, заменяющих родителей. Если несовершеннолетний, воспитываемый указанными лицами, совершил преступление, то это само по себе дает основание предполагать, что воспитание несовершеннолетнего осуществлялось ненадлежащим образом или, по крайней мере, контроль и надзор за ним были неполноценными. Насколько целесообразно тому же лицу передавать несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. // URL: <https://base.garant.ru/1305342/> (дата обращения: 16.05.2025).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 13.05.2025).

присмотр? Представляется, что в определенных ситуациях мера пресечения в этом случае может быть неэффективной и не позволит обеспечить надлежащее исполнение несовершеннолетним процессуальных обязанностей, а также в целом надлежащее его поведение.

Кроме того, к числу проблем следует отнести неопределенность категории «лицо, заслуживающее доверия». В научной литературе справедливо отмечается, что перечень таких субъектов не является закрытым¹. Интуитивно понятно, какие требования предъявляются в данной формулировке к лицу, которому несовершеннолетний может быть передан под присмотр, однако при избрании меры пресечения следователь должен руководствоваться не примерным содержанием той или иной уголовно-процессуальной категории, а точным пониманием, какие факторы и условия ему надлежит проверить для того, чтобы применяемая мера пресечения была эффективной и достаточной для данного конкретного несовершеннолетнего лица.

Проблемы возникают при определении действительно допустимого круга лиц, которые могут быть субъектами, осуществляющими присмотр. Так, например, заслуживающими доверия лицами могут являться учителя, педагоги дополнительного образования, тренеры спортивных школ и секций и множество иных лиц, круг которых сложно определить, однако совершенно понятно, что не каждому может быть поручен присмотр над конкретным несовершеннолетним. Возникают обоснованные вопросы: доверия каких лиц должен заслуживать субъект, осуществляющий присмотр, и является ли эта характеристика достаточной для возложения соответствующей процессуальной обязанности.

Представляется, что все требования к лицу, осуществляющему присмотр, можно разделить на две группы: объективные характеристики, описывающие само лицо, и субъективные особенности отношений данного лица с несовершеннолетним. Помимо надлежащего правомерного поведения такое лицо должно иметь доверительные отношения с несовершеннолетним и пользоваться в его глазах авторитетом.

Ученые обращают внимание и на иные недостатки уголовно-процессуального регулирования в исследуемой сфере. Часть 1 ст. 105 УПК РФ допускает в качестве лица, осуществляющего присмотр за несовершеннолетним, опекуна. Вместе с тем в соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»² опека – форма устройства малолетних граждан (не достигших возраста четырнадцати лет несовершеннолетних граждан) и признанных судом недееспособными граждан, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (опекуны) являются законными представителями

¹ Расследование отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними: научно-практическое пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: Проспект, 2021. С. 182.

² СПС КонсультантПлюс.

попечных и совершают от их имени и в их интересах все юридически значимые действия.

Как видно, опека может устанавливаться только в отношении лиц, не достигших 14 лет, в то время как УК РФ в качестве минимального возраста привлечения уголовной ответственности устанавливает 14 лет (ч. 2 ст. 20). Следовательно, подозреваемым и обвиняемым по уголовному делу не может выступать лицо младше 14 лет, а значит, и опекун в качестве лица, которому поручен присмотр за несовершеннолетним, выступать не может¹.

Таким образом, современный порядок применения меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым характеризуется следующими основными недостатками и правоприменительными проблемами:

1) не определен надлежащим образом круг лиц, которым может быть поручен присмотр за несовершеннолетним;

2) не определена надлежащим образом категория лиц, заслуживающих доверия: непонятно, доверия каких лиц должно заслуживать лицо и какие дополнительные требования должны предъявляться к нему. Представляется, что требования к данному лицу должны учитывать объективные обстоятельства, такие как правомерное социально одобряемое поведение, а также субъективные обстоятельства, например, взаимоотношения с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, а также авторитет данного лица в глазах несовершеннолетнего;

3) законодатель допустил, по всей видимости, ошибку в ч. 1 ст. 105 УПК РФ, предусмотрев возможность передачи несовершеннолетнего его опекуну, поскольку опекун назначается в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста, в то время как подозреваемым и обвиняемым по уголовному делу может выступать только лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности, т.е. ему должно быть не менее 14 лет.

Подводя итог, следует отметить, что обозначенные проблемы могут быть разрешены посредством сбора характеризующего материала в отношении лиц, указанных в ч. 1 ст. 105 УПК РФ, а также проведения их подробного допроса с целью установления взаимоотношений с несовершеннолетним, степени влияния на него и других обстоятельств, позволяющих следователю сделать однозначный вывод о возможности привлечения данных лиц в качестве присматривающих за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым при реализации рассматриваемой меры пресечения.

¹ Лебедев М.Д., Саввоев С.А. Актуальные проблемы избрания и применения меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 11 (51). С. 10.

Литература

1. Лебедев М.Д., Саввоев С.А. Актуальные проблемы избрания и применения меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 11 (51). С. 8-12.

2. Расследование отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними: научно-практическое пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. Москва: «Проспект», 2021. 400 с.

В.О. Захарова

Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Об отказах суда в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (по материалам судебно-следственной практики)

Аннотация. В данной статье автор рассматривает типичные причины отказов суда в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Раскрыты некоторые ошибки следователей, допускаемые в ходе избрания содержания под стражей. Сформулированы рекомендации по осуществлению данного вида деятельности.

Ключевые слова: заключение под стражу, меры пресечения, следователь, следственные органы, следственные ошибки, суд, уголовное дело

В Следственном комитете Российской Федерации уделяется повышенное внимание вопросам обеспечения законности на предварительном следствии при решении вопроса об избрании подозреваемым (обвиняемым) меры пресечения в виде заключения под стражу.

Вместе с тем ситуация с отказами суда следственным органам в избрании меры пресечения в виде заключения под стражей остается стабильно тяжелой.

Так, например, в производстве следователя по особо важным делам Железнодорожного МСО следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области находилось уголовное дело, возбужденное 19.07.2023 в отношении 35-летнего Ч. по признакам преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 354.1, ч. 1 ст. 207.3, ч. 2 ст. 205.2 (2 эпизода) УК РФ. Все указанные деяния им совершены посредством использования информационно-телекоммуникационной сети путем размещения информации в социальной сети «ВКонтакте»¹.

Установлено, что 15.10.2022 Ч. разместил в сообществе «Отдам даром бесплатно Рязань» комментарий, оскорбляющий защитников Отечества, участвующих в специальной военной операции на Украине; 20.07.2022 – в

¹ Этот и другие примеры см.: Вестник следственного управления СК России по Рязанской области. 2024. № 1. С. 71–76. Официально опубликован не был.

открытом сообществе «Типичная Рязань» комментарий, содержащий заведомо ложную информацию об использовании Вооруженных Сил России; 12.11.2021 – в сообществе «Новости Рязани ВКонтакте» комментарий с призывом к совершению поджога здания администрации г. Рязани и совершению насильственных действий в отношении губернатора Рязанской области в целях прекращения их государственной и политической деятельности; в сентябре 2022 года – в открытом сообществе «Жесть Рязани» комментарий с призывом к осуществлению террористической деятельности посредством совершения насильственных действий в отношении Президента России и Министра обороны России в целях прекращения их государственной и политической деятельности, в том числе связанной с проведением специальной военной операции на территории Украины.

Ч. задержан в порядке ст. 91 УПК РФ 29.07.2023, и в тот же день ему предъявлено обвинение в совершении четырех преступлений экстремисткой и террористической направленности, два из которых относятся к категории средней тяжести, два – к тяжким.

31.07.2023 следователь по особо важным делам Г. ходатайствовала перед районным судом об избрании в отношении Ч. меры пресечения в виде заключения под стражу.

При рассмотрении ходатайства судом принято во внимание, что 28.07.2023 следователем в отношении Ч. избрана мера процессуального принуждения в виде обязательства о явке и разъяснено, что при нарушении им данного обязательства ему может быть избрана мера пресечения. Руководителем следственного органа решение следователя об избрании Ч. указанной меры процессуального принуждения незаконным не признавалось и не отменялось. Ч. обязательство о явке не нарушал. Вместе с тем 29.07.2023 следователь Г. задержала Ч. в порядке ст. 91 УПК РФ по подозрению в совершении тех же преступлений, применительно к которым ему избрано обязательство о явке.

Кроме того, суд учел, что последнее инкриминируемое ему деяние совершено 15.10.2022. С указанного времени прошло более 9 месяцев, и, оставаясь на свободе, каких-либо новых преступных действий он не совершал.

Также судом указано на допущенные нарушения уголовно-процессуального законодательства при предъявлении обвинения: вопреки положениям ст. 50 УПК РФ Ч. не предоставлена возможность пригласить на данное процессуальное действие защитника.

В этой связи 31.07.2023 судом в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу обвиняемого Ч. отказано, он освобожден из-под стражи в зале суда.

Приведем второй пример. Скопинским МСО следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области 04.10.2023 возбуждено уголовное дело в отношении Ж. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, по факту причинения телесных повреждений Ц., от которых он впоследствии скончался. Ж. задержан следователем в порядке ст. 91 УПК РФ в связи с тем, что очевидцами указано на него как на лицо, совершившее преступление.

В установленном законом порядке следственным органом направлено в суд ходатайство о заключении Ж. под стражу. По результатам его рассмотрения судом принято решение об отказе в его удовлетворении. В качестве оснований указано, что при задержании подозреваемого нарушено его право на защиту. В частности, Ж. задержан по подозрению в совершении преступления без участия защитника, с которым у него было заключено соглашение до начала указанного процессуального действия.

Нарушения, допущенные по вине следователя, как правило, находят свое отражение в приказах о наказании. Однако не всегда следователь виноват. Чаще всего суды отказывают в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, избирая меру пресечения в виде домашнего ареста¹. Данное решение принимается с учетом:

- возраста и (или) состояния здоровья задержанного лица. Так, например, Михайловским МСО следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области 06.07.2023 возбуждено уголовное дело в отношении ранее судимого 68-летнего М. по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, по факту совершения иных действий сексуального характера в отношении своей 11-летней внучки. При наличии достаточных оснований 06.07.2023 М. задержан в порядке ст. 91 УПК РФ по подозрению в совершении указанного преступления и ему предъявлено обвинение. Старшим следователем С. направлено ходатайство в суд о заключении обвиняемого под стражу. В процессе рассмотрения ходатайства районным судом приняты во внимание престарелый возраст обвиняемого и его состояние здоровья. Посчитав избрание меры пресечения в виде заключения под стражу чрезмерно строгой для возраста М., в удовлетворении ходатайства следователя суд отказал и принял решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста;

- активного способствования раскрытию преступления. Так, например, в производстве следователя по особо важным делам Михайловского МСО следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области находилось уголовное дело, возбужденное 22.07.2023 в отношении О. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 132 УК РФ, по факту совершения мужеложства и иных действий сексуального характера в отношении потерпевшего. В ходе расследования следователь Б. обратился в суд с ходатайством об избрании в отношении О. меры пресечения в виде заключения под стражу. В удовлетворении данного ходатайства 24.07.2023 суд отказал, избрав в отношении подозреваемого О. меру пресечения в виде домашнего ареста. По мнению суда, мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении О. будет являться чрезмерно строгой, поскольку вину в совершении преступления О. признал, в содеянном раскаялся и активно способствовал расследованию преступления.

¹ См., например: Новиков С.А. Домашний арест: о чем забывают судьи // Уголовный процесс. 2023. № 2. С. 79–87.

Имеются факты отказа суда в избрании меры пресечения – заключения под стражу – даже в случае совершения лицом особо тяжкого преступления. Так, например, в производстве Кораблинского МСО следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области находилось уголовное дело по обвинению Б. в совершении с особой жестокостью умышленного причинения смерти М. (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ). При рассмотрении ходатайства следователя о заключении Б. под стражу каких-либо нарушений требований уголовно-процессуального законодательства при задержании, предъявлении обвинения не выявлено. Суду предоставлено достаточно доказательств, обосновывающих необходимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Вместе с тем судом приняты во внимание положительные характеристики Б., а также наличие у нее матери, которая является пенсионеркой (63 года) и требует постоянного ухода. В этой связи районным судом в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу отказано, избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

Правильно делают те следователи, которые обоснованно настаивают на необходимости изоляции подозреваемых (обвиняемых) и обжалуют решения суда об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу. Так, например, в производстве Железнодорожного МСО следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области находилось уголовное дело, возбужденное 20.02.2023 в отношении К. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по факту совершения покушения на убийство 5-летней девочки. В тот же день К. задержан в порядке ст. 91-92 УПК РФ по подозрению в совершении указанного преступления. В дальнейшем следователем возбуждено перед судом ходатайство о заключении К. под стражу. В ходе судебного заседания следователем приведены доводы о том, что подозреваемый: ранее привлекался к уголовной ответственности за совершение умышленного преступления; злоупотребляет спиртными напитками; обвиняется в совершении тяжкого преступления в отношении несовершеннолетнего, максимальное наказание за которое предусматривает лишение свободы на срок до 20 лет; может уничтожить доказательства по уголовному делу; может оказать воздействие на свидетелей, которые являются его знакомыми.

Вместе с тем судом принято во внимание, что показания двух свидетелей, оглашенные в судебном заседании, не свидетельствуют об обоснованности подозрения в причастности К. к расследуемому преступлению. В этой связи 22.02.2023 судом в удовлетворении ходатайства следователя отказано. Решение суда первой инстанции было обжаловано в вышестоящий суд, которым жалоба удовлетворена, и в отношении К. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В качестве оснований судом указано, что, проверяя обоснованность подозрения в причастности К. к преступлению, суд не может входить в обсуждение вопросов о его виновности, а также практической оценки инкриминируемого деяния, поскольку вопрос о вине и ее доказанности

подлежит разрешению судом лишь по результатам рассмотрения уголовного дела по существу.

С учетом изложенного рекомендуется:

- 1) усилить самоконтроль и ведомственный контроль за своевременным выявлением и устранением следственных ошибок¹;
- 2) обеспечить взвешенный подход к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу;
- 3) решение данного вопроса принимать, исходя из:
 - обстоятельств совершенного преступления;
 - его характера;
 - наступивших общественно опасных последствий;
 - наличия оснований для избрания меры пресечения;
 - данных о личности подозреваемого (обвиняемого)².

Литература

1. Замуруева Е.Ю. Достаточность оснований для избрания мер пресечения // Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2 (91). С. 111–118.
2. Захарова В.О. О качестве расследования преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 6. № 7. С. 131–135.
3. Новиков С.А. Домашний арест: о чем забывают судьи // Уголовный процесс. 2023. № 2. С. 79–87.

А.А. Казаков

Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Вопросы применения ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных и иных работ (на конкретном практическом примере)

Аннотация. В статье раскрываются обусловленные положениями ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ риски, с которыми могут столкнуться следственные органы при расследовании деяний небольшой либо средней тяжести, предусмотренных ст. 143, 216, 217 УК РФ. Приводится прецедент, иллюстрирующий различное понимание участниками судопроизводства введенной законодателем новеллы. Предлагается авторская трактовка терминов, содержащихся в ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ.

¹ См., например: Захарова В.О. О качестве расследования преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 6. № 7. С. 131–135.

² См., например: Замуруева Е.Ю. Достаточность оснований для избрания мер пресечения // Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2 (91). С. 111–118.

Ключевые слова: нарушение требований охраны труда, нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ, нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности, непричастность, часть 2.2 ст. 27 УПК РФ

Формулировка «прекращение уголовного преследования в связи непричастностью подозреваемого, обвиняемого ввиду истечения сроков давности» звучит достаточно противоречиво и в какой-то степени парадоксально. Возникает ощущение, что лишнее необходимо вычеркнуть. Однако «все на своих местах», поскольку соответствующая процедура в настоящий момент предусмотрена уголовно-процессуальным законом. Расставляя акценты, стоит отметить, что указанная «непричастность... констатируется лишь по той причине, что органы предварительного расследования не успели направить уголовное дело в суд в определенный срок (в зависимости от категории преступления) в ситуации, когда подвергаемое уголовному преследованию лицо возражает против применения п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ»¹.

«Не успели» не означает, что обязательно виноваты в затягивании судопроизводства. «Не успели» тем более не свидетельствует о непричастности подозреваемого, обвиняемого. Вместе с тем положения п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39² не оставляют в судебной практике плацдарма для какого-либо якобы системного толкования соответствующей новеллы, позволяющего найти в глубинах ее конструкции смысл, отличный от заложенного законодателем подхода о реабилитирующей природе и императивном характере названного основания прекращения.

Принятие ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ было обусловлено ранее состоявшимся решением Конституционного Суда РФ³. При этом высший судебный орган предлагал, как думается, принципиально иной механизм разрешения ставшей предметом его внимания проблемы. В юридической литературе представителями адвокатского сообщества высказана мысль о том, что «сценарий, описанный ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, вполне естественен с

¹ Казаков А.А. Истечение сроков давности уголовного преследования в разрезе последующего восстановления прав лица, пострадавшего от преступления, в гражданском процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1 (45). С. 84.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // СПС КонсультантПлюс.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова» // СПС КонсультантПлюс.

конституционно-правовых позиций... и встраивается в общую логику кодекса»¹. Вместе с тем, думается, наоборот: нормативно предложенный механизм неоправданно умаляет конституционные гарантии потерпевших от преступлений² и не учитывает ряд обусловленных предписаниями уголовно-процессуального закона ситуаций, когда сторона обвинения своего рода автоматически будет вынуждена прекращать уголовное преследование, не располагая даже минимальным временем для направления уголовного дела в суд. Более того, Конституционный Суд РФ в рассматриваемом Постановлении признал допустимой в определенном случае возможность применения следователем п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ без согласия подозреваемого, обвиняемого. Данный вывод опровергает тезис о безусловной недопустимости прекращения уголовного дела в досудебном производстве по нереабилитирующему основанию при наличии возражений со стороны уголовно преследуемого лица.

Однако в очередной раз целесообразно заметить, что отныне следует ориентироваться исключительно на положения, содержащиеся в ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. Позиция, заключенная в приведенном решении высшего судебного органа, на сегодняшний день не имеет регулятивного значения³.

Поэтому применительно к деяниям, предусмотренным ст. 143, 216, 217 УК РФ, относящимся в зависимости от обстоятельств к преступлениям небольшой либо средней тяжести, следственному органу необходимо изначально прогнозировать и нивелировать в процессе расследования возможность наступления негативных последствий ввиду безальтернативной обязанности по реализации требований ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ⁴.

В то же время не все вопросы ее толкования видятся решенными. Обратимся к примеру из практики одного из региональных управлений СК России, не упуская из внимания значимые процессуальные сроки, пристальное внимание к которым открывает новый ракурс на поставленную проблему. 27.05.19 упал башенный кран Либхер ЕС-280-X12, что повлекло причинение тяжкого вреда

¹ Матюнин О.В. Проблемы прекращения уголовного преследования после истечения срока давности по реабилитирующему основанию на примере уголовного дела о налоговом преступлении // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 4. С. 227.

² Zenkin A. Неконституционность ч. 2.2 ст. 27 УПК о непричастности к преступлению // Законность. 2024. № 12. С. 56.

³ См. об этом также статью в настоящем сборнике: Лежнев Е.В. Проблемы прекращения уголовного преследования в связи с непричастностью подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления вследствие истечения сроков давности.

⁴ Казаков А.А. Современные проблемы прекращения уголовных дел о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных и иных работ // Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 21–22 мая 2024 года). М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 46.

здоровью человека и крупного ущерба. В общей сложности пострадали от данного деяния 41 гражданин и 2 организации. 20.06.19 было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 216 УК РФ. Эта квалификация не претерпела изменений в ходе предварительного расследования, срок которого в целом составил 21 месяц 24 суток. Б. было предъявлено обвинение, в том числе в нарушении «Правил безопасности опасных производственных объектов, на которых используются подъемные сооружения»¹, а также инструкции (руководства) эксплуатации башенного крана. Он допустил его установку и осуществлял эксплуатацию без проверки на трещины фундаментных анкеров, что и привело в конечном счете к падению строительной техники. 25.08.22 (до введения ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ) уголовное дело было направлено прокурору, который 08.09.22 посчитал возможным его рассмотрение по существу с учетом предложенной оценки содеянного. Приговором районного суда от 14.09.23 Б. осужден по ч. 1 ст. 216 УК РФ. Апелляционным постановлением от 16.11.23 приговор отменен, дело возвращено прокурору ввиду необходимости вменения более тяжкого состава, предусмотренного ч. 1 ст. 217 УК РФ². 07.02.24 (ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ уже действовала) следствие было возобновлено, 01.03.24 – приостановлено в связи с временным заболеванием обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), 25.03.24 – вновь возобновлено. Наконец, 25.04.24 уголовное дело было направлено прокурору для утверждения обвинительного заключения, что состоялось 16.05.24. Вскоре (05.06.24) уголовное дело районным судом возвращено ввиду игнорирования положений ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. 09.08.24 решение районного суда отменено апелляционным постановлением, 31.10.24 кассационный суд фактически поддержал последнее из данных решений, не усмотрев оснований для проведения судебного заседания в связи с поступлением жалобы стороны защиты. Однако 04.02.25 уголовное дело вновь возвращено районным судом по той же самой причине, что ранее³. 27.03.25 законность такого решения подтверждена апелляционной инстанцией⁴.

¹ Приказ Ростехнадзора от 12.11.2013 № 533 (ред. от 12.04.2016) «Об утверждении Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности опасных производственных объектов, на которых используются подъемные сооружения» (утратил силу) // СПС КонсультантПлюс.

² Стоит оговориться, что суд не полномочен был указать конкретный состав преступления, хотя было очевидно, какая вероятная переквалификация подразумевалась в соответствующем судебном решении. При этом санкции ч. 1 ст. 216 и ч. 1 ст. 217 УК РФ, действительно, незначительно отличаются, что требует принятия решения о возвращении уголовного дела.

³ Таким образом, несмотря на позиции вышестоящих инстанций, районный суд фактически вынес точно такое же постановление, что и 05.06.24. Вероятно, повтор был обусловлен появившимся за это время правовым подходом Верховного Суда РФ, зафиксированным в постановлении Пленума от 17.12.2024 № 39. Однако в нем отсутствует указание на то, как трактовать сроки в значении ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. То есть он не имел принципиального значения применительно к рассматриваемой ситуации. Возможно, за эти несколько месяцев также изменился взгляд

Подробное ознакомление с содержанием этих материалов свидетельствует о наличии у участников судопроизводства различного понимания двух формулировок, содержащихся в ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ: 1) «если... уголовное дело *не передано в суд* (выделено мной – А.К.)»; 2) «по истечении двух месяцев *производства предварительного расследования* (выделено мной – А.К.) с момента истечения сроков давности уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести».

Усматривается присутствие трех подходов. Первый из них обосновывала сторона защиты. Условно назовем его ретроспективным. По ее мнению, после возвращения уголовного дела 16.11.23 на момент действия ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ следствие не располагало двухмесячным сроком производства предварительного расследования, поскольку он был исчерпан ранее до направления уголовного дела прокурору в августе 2022 года. То обстоятельство, что на тот момент части 2.2 ст. 27 в уголовно-процессуальном законе не существовало, стороной защиты во внимание не принималось. Вместе с тем с даты истечения сроков давности представители данной стороны отсчитывали не календарный период (который, казалось, наиболее им выгоден), а срок предварительного расследования, утверждая, что 18.02.22 он был исчерпан.

Сторона обвинения придерживалась второго подхода, который, хоть и был устремлен в будущее с надеждой на повторное рассмотрение дела по существу по ч. 1 ст. 217 УК РФ, будем именовать неперспективным, поскольку в его основе лежало сомнительное проставление знака равенства между «направлено прокурору» и «передано в суд». При этом участники со стороны обвинения полагали, что после возвращения уголовного дела 16.11.2023 они обладали двухмесячным сроком производства предварительного следствия, в который не входит время, в течение которого оно было приостановлено.

В свою очередь районный суд дважды следовал третьему – наиболее простому календарному – подходу. Срок давности уголовного преследования за совершенное деяние истек 21.05.2021. Соответственно, крайний срок передачи уголовного дела в суд – 21.07.2021. Из этого, по всей видимости, вытекало, что следователь после возвращения уголовного дела 16.11.2023 возможностью производства предварительного расследования в целях представления его результатов в суд более не располагал.

Перейдя на площадку научной смелости, видится возможным предположить, что все три подхода в данном случае содержат значительные изъяны.

Уместно напомнить, что уголовное дело было направлено в суд в 2022 году до принятия ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, которая обратной силой не обладает (ст. 4

апелляционной инстанции на подсчет соответствующих сроков, что давало районному суду своеобразный «карт-бланш» на принятие акта, идентичного тому, который ранее был отменен.

⁴ Материалы уголовного дела № 1190*****62 // Архив Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

УПК РФ), то есть следствие «задним числом» не могло исчерпать временной лимит для производства расследования. В связи с этим неверным видится первоначальный расчет, осуществленный стороной защиты.

Как минимум, по этим же причинам представляется ошибочным календарный подход, взятый за основу районным судом. По крайней мере, при следовании ему два месяца было бы логичным отсчитывать с момента возобновления производства по делу после его возвращения, пускай без вычета времени, в течение которого оно было приостановлено. Иначе при описанных обстоятельствах принятие решения в порядке ст. 237 УПК РФ ввиду необходимости переквалификации содеянного на более тяжкую норму УК РФ одновременно означало невозможность устранения нарушений, отмеченных в этом решении. Вместо повторного направления уголовного дела по ч. 1 ст. 217 УК РФ следствие должно было автоматически прекратить уголовное преследование по реабилитирующему основанию. Выход из этого процессуального абсурда – предоставление соответствующего срока для производства предварительного расследования в целях исправления ранее допущенных недостатков. До возвращения уголовного дела 16.11.2023 следствие однозначно не нарушало процессуальной обязанности по исполнению требований ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, поскольку она вступила в силу на этапе судебного разбирательства. Соответственно, такие своеобразные последствия в виде непричастности обвиняемого, обуславливаемые затягиванием производства, не должны в данном случае наступать.

Наконец, в условиях правовой неопределенности можно было бы допустить, что время, в течение которого уголовное дело было приостановлено, не подлежит учету в рамках обозначенного двухмесячного срока. Однако крайне сложно приравнять направление уголовного дела прокурору и передачу его в суд, принимая во внимание последовательность действий, предусмотренных гл. 31 и 32 УПК РФ. Представляется, что дело «передано в суд», когда выполнены требования ч. 1 ст. 222 УПК РФ, то есть в любом случае прокурором должно быть утверждено обвинительное заключение. Поэтому сторона обвинения в предоставленный ей ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ срок, как думается, все-таки не уложилась¹.

Допустимо резюмировать, что в судебной практике намечается тенденция следования календарному подходу к исчислению срока производства предварительного расследования с момента истечения сроков давности уголовного преследования². Думается, что даже при таком подходе в случае

¹ Срок следствия (в отличие от календарного) с момента возобновления дела 07.02.24 до его направления прокурору 25.04.24 не превысил 2 месяца, вместе с тем этот период был в любом случае исчерпан ввиду длительного утверждения прокурором обвинительного заключения, даже если вычесть из общей суммы время, когда производство было приостановлено.

² См., например: апелляционное постановление Пермского краевого суда от 03.03.2025 № 22-919/2025, постановление Заволжского районного суда города Твери от 27.02.2025 № 1-11/2025 // СПС КонсультантПлюс.

возвращения прокурору уголовного дела (ст. 237 УПК РФ), по которому ранее лимит, предусмотренный ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, не был исчерпан, два (три, двенадцать в зависимости от тяжести деяния) месяца(ев) должны отсчитываться с момента возобновления следствия (дознания).

В целом в соответствующий срок включается время по утверждению прокурором обвинительного заключения, и тем самым он в любом случае не равен сроку предварительного расследования. Однако более справедливым виделось бы вычитание из срока, упомянутого в ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, тех периодов, когда уголовное дело было приостановлено, при условии законности и обоснованности решений об этом. Принятие этого варианта возможно в рамках действующего правового регулирования, но требует предварительного широкого обсуждения с представителями прокуратуры и судов.

Литература

1. Зенкин А. Неконституционность ч. 2.2 ст. 27 УПК о непричастности к преступлению // Законность. 2024. № 12. С. 53-56.

2. Казаков А.А. Истечение сроков давности уголовного преследования в разрезе последующего восстановления прав лица, пострадавшего от преступления, в гражданском процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1 (45). С. 80-86.

3. Казаков А.А. Современные проблемы прекращения уголовных дел о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных и иных работ // Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 21-22 мая 2024 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 41–47.

4. Матюнин О.В. Проблемы прекращения уголовного преследования после истечения срока давности по реабилитирующему основанию на примере уголовного дела о налоговом преступлении // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 4. С. 223–232.

Временное отстранение от должности подозреваемого, обвиняемого: вопросы правоприменения

Аннотация. В статье анализируются положения уголовно-процессуального закона, позволяющие в ходе предварительного расследования лишить возможности подозреваемых, обвиняемых противодействовать следствию. Рассматриваются некоторые проблемные аспекты временного отстранения от должности уголовно преследуемых лиц: соблюдение судом срока рассмотрения ходатайства следователя, обеспечение участия в судебном заседании заинтересованных лиц, особенности вступления в законную силу судебного решения, разрешение коллизии между положениями УПК РФ и иных законов.

Ключевые слова: предварительное расследование, процессуальное принуждение, временное отстранение, должность, преступления

Процедура временного отстранения подозреваемого, обвиняемого от должности в целом схожа с избранием меры пресечения в виде залога, домашнего ареста, заключения под стражу, запрета определенных действий. При наличии оснований следователь с согласия руководителя выносит мотивированное постановление о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства. Данное постановление направляется в суд по месту проведения предварительного расследования. К постановлению прилагаются материалы дела, подтверждающие наличие основания для применения обсуждаемой меры процессуального принуждения. Постановление подлежит рассмотрению единолично судьей в течение 48 часов с момента его поступления¹. Указанный срок не является пресекательным и может быть нарушен, например, в связи с перерывом в судебном заседании для предоставления обвиняемому возможности реализовать право на защиту – подготовить возражения на ходатайство следователя².

В судебном заседании участвуют подозреваемый, обвиняемый, его защитник, прокурор, а также иные участники процесса по усмотрению судьи или ходатайству сторон. Неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства. Участие в судебном заседании подозреваемого, обвиняемого в данном случае является его правом, а не обязанностью.

¹ См. Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: Проспект, 2024. С. 203; Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями: научно-практическое пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: Проспект, 2015. С. 111.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 22.07.2013 № 10-6289/2013 // СПС КонсультантПлюс.

Игнорирование рассмотренных положений закона может повлечь негативные последствия. Например, апелляционной судебной инстанцией отменено постановление нижестоящего суда о временном отстранении обвиняемого от должности. Основаниями для принятия данного решения послужили следующие обстоятельства.

Рассматривая ходатайство следователя в отношении Я., суду следовало в соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ создать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления представленных им прав. Между тем в материалах дела данные о надлежащем извещении Я. и его защитника о дне, времени и месте рассмотрения указанного ходатайства отсутствовали¹.

Суд в рассмотренной ситуации руководствовался правовой позицией Конституционного Суда РФ, высказанной в Определении от 27.06.2017 № 1179-О², согласно которой гарантией законности и обоснованности применения временного отстранения от должности служит судебный порядок принятия соответствующего решения, позволяющий подозреваемому, обвиняемому, его защитнику в ходе судебного заседания высказать позицию по существу рассматриваемого вопроса.

По результатам судебного заседания выносится мотивированное постановление о временном отстранении подозреваемого, обвиняемого от должности или об отказе в этом. В случае отстранения постановление направляется по месту работы подозреваемого, обвиняемого. Следователю необходимо контролировать исполнение постановления суда. В этих целях руководителя организации (либо учредителей в случае отстранения от должности его руководителя), которому направлено указанное постановление, стоит обязать уведомить о мерах, принятых по отстранению подозреваемого, обвиняемого от должности³.

Известен случай, когда обвиняемый, отстраненный от должности, игнорировал такое судебное решение и продолжал трудиться. Свою позицию отстраненный обосновывал тем, что в связи с обжалованием решения в вышестоящий суд оно не вступило в законную силу. Разумеется, подобное толкование закона не отвечает его сущности, временное отстранение от должности – длящаяся мера процессуального принуждения, считается примененной с момента провозглашения постановления судьи, и его

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 29.11.2021 № 10-23980/2021 // СПС КонсультантПлюс.

² Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1179-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фукса Владимира Артуровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 111, частями первой, второй, третьей и шестой статьи 114 и частью первой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

³ См. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 133.

обжалование не приостанавливает действие данной меры принуждения. Отсрочка его исполнения лишает смысла данную меру принуждения.

Действительно уголовно-процессуальный закон не содержит прямого указания, что постановление о временном отстранении подозреваемого, обвиняемого от должности подлежит исполнению немедленно после оглашения. Отмеченное обстоятельство становилось предметом судебного обжалования. Например, кассационной судебной инстанцией отмечено, что согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от 27.06.2017 г. № 1179-О, решения, имеющие промежуточный характер (каковым является постановление о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности), обращаются к исполнению немедленно, кроме случаев, когда должностные лица органа предварительного расследования, прокурор или суд придут к иному решению. Соответственно, ч. 1 ст. 389.8 УПК РФ, предусматривающая, что подача апелляционных жалобы, представления приостанавливает приведение приговора, определения, постановления в исполнение, не распространяет это правило на промежуточные решения, в том числе принимаемые судом на стадиях досудебного производства по уголовному делу, – в противном случае обжалование промежуточного судебного решения приводило бы к невозможности осуществления процессуальных действий, по природе своей предполагающих безотлагательность их выполнения¹.

Отстранение от должности является мерой процессуального принуждения временного характера, которая не требует продления и действует в течение всего периода предварительного расследования и судебного разбирательства². В некоторых случаях суды апелляционных инстанций были вынуждены исключить из резолютивной части решений нижестоящих судов указание на срок применения данной меры принуждения³.

Очевидно, что судами принята во внимание позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой уголовно-процессуальный закон не устанавливает конкретных временных ограничений применения данной меры принуждения. Суть рассмотренной Конституционным Судом ситуации заключалась в следующем. Постановлением Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края М., подозреваемый в совершении трех преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 285 УК РФ, временно отстранен от должности главы органа местного самоуправления.

В своей жалобе в Конституционный Суд РФ М. оспаривал конституционность части четвертой статьи 114 УПК РФ. По мнению заявителя,

¹ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2024 № 88-22365/2024 // СПС КонсультантПлюс.

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2024 № 88-897/2024 // СПС КонсультантПлюс.

³ Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 20.07.2020 № 22-1734/2020; апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 14.07.2020 № 22-844/2020 // СПС КонсультантПлюс.

эта норма позволяет продлевать срок действия данной меры процессуального принуждения путем продления срока предварительного следствия органом предварительного следствия вне судебного контроля, что не согласуется с Конституцией РФ, ее статьями 37 (части 1 и 3), 45 (часть 1), 55 (части 2 и 3) и 71 (пункты «в», «о»).

Конституционный Суд РФ, изучив представленные материалы, не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

Мера процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности, будучи направленной на обеспечение установленного уголовно-процессуальным законом России порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора (ч. 1 ст. 111 УПК РФ), подлежит применению при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый, оставаясь на этой должности, продолжит преступную деятельность, будет угрожать участникам уголовного судопроизводства или другим способом воздействовать на них с целью добиться с их стороны определенных действий или решений, сможет уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Кроме того, ст. 114 УПК РФ не ограничивает право на обжалование постановления суда о временном отстранении подозреваемого, обвиняемого от должности. При этом временное отстранение подозреваемого, обвиняемого от должности отменяется, когда в его применении отпадает необходимость (ч. 4 ст. 114 УПК РФ). Таким образом, ч. 4 ст. 114 УПК РФ не устанавливает конкретные временные ограничения данной меры. Как видно было из представленных материалов, не воспрепятствовала она заявителю и в обжаловании отказа следователя в удовлетворении ходатайства об отмене временного отстранения от должности. Следовательно, оспариваемая М. норма не может рассматриваться как нарушающая его конституционные права в изложенном в жалобе смысле¹.

Кроме того, примечательна правовая позиция Конституционного Суда РФ, расценившего отсутствие в ч. 1 ст. 114 УПК РФ сроков временного отстранения от должности подозреваемого, обвиняемого как не свидетельствующее о нарушении конституционных прав граждан и одновременно высказавшего мнение о том, что в случае противоречия законов действует приоритет Уголовно-процессуального кодекса РФ, если речь идет о правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений. Так, постановлением Куйбышевского районного суда города Омска С., подозреваемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, на основании ст. 114 УПК РФ был временно отстранен от должности генерального директора ОАО «Дом Мод». Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23.09.2010 № 1128-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маркмана Александра Борисовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 114, частями четвертой, пятой и восьмой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Омского областного суда и постановлением президиума Омского областного суда жалоба С. на постановление суда первой инстанции была оставлена без удовлетворения.

В своей жалобе в Конституционный Суд РФ С. оспаривал конституционность ч. 1 и ч. 2 ст. 114 УПК РФ. По мнению заявителя, эти законоположения не соответствуют статьям 8 (часть 1), 18, 29 (часть 1), 31, 34 (часть 1) и 35 (часть 2) Конституции РФ, поскольку допускают возможность применения меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности генерального директора акционерного общества по решению суда, в то время как в силу положений статьи 69 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»¹ досрочное прекращение полномочий генерального директора осуществляется только с соответствующего решения коллегиального органа управления акционерного общества. Кроме того, заявители утверждали, что ч. 4 ст. 114 УПК РФ не соответствует статье 46 (часть 1) Конституции РФ, поскольку не регламентирует срок применения названной меры принуждения.

Конституционный Суд РФ, изучив представленные заявителем материалы, не нашел оснований для принятия их жалобы к рассмотрению.

В случае коллизии законов приоритет Уголовно-процессуального кодекса РФ действует, если речь идет о правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений.

Статья 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» не регулирует общественные отношения, складывающиеся в связи с привлечением генерального директора акционерного общества в качестве подозреваемого по уголовному делу и применением к нему меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности. Следовательно, постановка вопроса о коллизии между положениями ч. 1 и ч. 2 ст. 114 УПК РФ и положениями статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» не имеет под собой правовой основы.

Не свидетельствует о нарушении конституционных прав С. и отсутствие в ч. 4 ст. 114 УПК РФ указания на срок применения меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности, – данная мера применяется в рамках предварительного следствия, срок которого регламентирован ст. 162 УПК РФ и составляет по общему правилу два месяца².

Решение об отстранении может быть отменено на основании мотивированного постановления следователя, например, если обвиняемый уволился с должности, от которой его отстранили, либо в ходе производства по делу он продемонстрировал надлежащее поведение.

¹ СПС КонсультантПлюс.

² Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 15-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Барановского Анатолия Анатольевича, Сенина Николая Ноэльевича и Сениной Натальи Николаевны на нарушение их конституционных прав частями первой, второй и четвертой статьи 114 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

В случае прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям у подозреваемого или обвиняемого, отстранявшегося от должности, возникает право на возмещение вреда, причиненного в результате применения данной меры процессуального принуждения. Он должен быть восстановлен в должности и получить денежные средства в сумме, состоящей из разницы между заработной платой и пособием, которое ему выплачивалось при отстранении.

Литература

1. Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: Проспект, 2024. 496 с.
2. Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями: научно-практическое пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: Проспект, 2015. 320 с.
3. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Карагодина. М.: ИНФРА-М, 2023. 322 с.

К.С. Комарских

Управление общественно-политической работы
Следственного комитета Российской Федерации

Проверка сообщений о преступлениях сексуального характера в отношении несовершеннолетних

Аннотация. Статья посвящена особенностям проверок сообщений о преступлениях сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Рассматривается специфика некоторых следственных и иных процессуальных действий. Предложены рекомендации по повышению эффективности таких проверок.

Ключевые слова: уголовный процесс, проверка сообщения о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела, преступления сексуального характера, несовершеннолетние

Одним из приоритетных направлений правовой политики России является обеспечение достойного уровня жизни подрастающего поколения и его защита от негативных общественных явлений, особенно от преступных посягательств. Так, например, 17 мая 2023 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был издан Указ № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период 2030 года»¹, в котором определены

¹ Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447320/ (дата обращения: 22.04.2025).

угрозы безопасности детей, цели, основные направления, задачи и механизмы реализации государственной политики по обеспечению безопасности детей. В настоящее время уже в 50 регионах России созданы центры психолого-педагогической реабилитации детей и подростков, где квалифицированные специалисты оказывают реальную помощь детям. При этом, несмотря на множество государственных программ, действий правоохранительных органов и общественных организаций, количество преступных действий сексуального характера, совершающихся в отношении детей, не уменьшается. Так, согласно статистике, в 2021 году по ч. 3 ст. 132 УК РФ было осуждено 216 человек, по ч. 4 ст. 132 УК РФ – 1386 человек, при этом с каждым годом данные лишь возрастают. Так, в 2022 году по ч. 3 ст. 132 УК РФ осуждено 243 человека, в 2023 году – 262 человека, в 2024 году – 285 человек; по ч. 4 ст. 132 УК РФ в 2022 году – 1550 человек, в 2023 году – 1726 человек, в 2024 году – 1618 человек¹.

К сожалению, даже несмотря на видимое ухудшение статистики, она все же не отражает в полной мере всю картину преступности рассматриваемого вида преступлений в связи с тем, что особенность таких деяний заключается в их латентности. Скрытность данных преступлений зависит от различных факторов, основным из которых зачастую выступает непонимание малолетними степени опасности совершаемых с ними общественно опасных действий. Вторым не менее значительным фактором выступает негативная реакция со стороны родителей (или же иных лиц, на которых возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетнего), которые неумышленно или же наоборот целенаправленно (например, боясь огласки совершенного преступления) игнорируют преступные действия, совершающихся в отношении ребенка.

В связи с латентностью данных преступлений достаточно часто их проверка и расследование осуществляется несвоевременно, из-за чего большое количество доказательств теряется, утрачиваются биологические следы, потерпевшими забываются значимые факты и так далее, в связи с чем преступники остаются безнаказанными.

Поскольку не всегда имеются повод и достаточные основания для незамедлительного возбуждения уголовного дела, следователями проводится полноценная по объему процессуальная проверка.

На первом этапе следователь обладает относительно небольшим инструментарием, который указан в ст. 144 УПК РФ. Стоит отметить тот факт, что срок рассмотрения материала проверки достаточно ограничен и составляет всего 3 суток, в отдельных случаях может быть продлен до 10, а максимум до 30 суток. Проблемным моментом в данном случае является то, что в УПК РФ закреплена лишь специфика проведения следственных действий с несовершеннолетними после возбуждения уголовного дела, а стадия проверки сообщения о преступлении в данном случае игнорируется. Ввиду этого ряд

¹ Судебная статистика. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 22.04.2025).

следователей применяют требования, предъявляемые к предварительному расследованию, по аналогии и при рассмотрении материала проверки с несовершеннолетними, а другие их игнорируют, что в ряде ситуаций является небезопасным для психики последних. Однако видится, что нарушений законодательства со стороны следователей ни в первом, ни во втором случае нет, так как нет законодательно закреплённой четкой регламентации действий на стадии проверки с участием несовершеннолетних. Также в должной степени нормативно не разработан механизм использования данных материалов, полученных на стадии проверки, в качестве последующих доказательств по уголовному делу, что также негативно сказывается в первую очередь на психике несовершеннолетних, пострадавших от совершенных преступлений.

Одним из ключевых моментов в проверке сообщения о преступлении является опрос несовершеннолетнего потерпевшего. Поскольку при их опросе имеются некоторые немаловажные особенности, рассмотрим основные из них.

1. Центральное место в данном процессуальном действии занимает изучение личности несовершеннолетнего, для которого необходимо привлечение специалистов в области педагогики и психологии.

Несмотря на то, что в УПК РФ нет прямого указания на обязательное участие педагога или психолога (педагога-психолога) при опросе несовершеннолетнего, на практике они все равно зачастую привлекаются к участию в данном процессуальном действии по аналогии с допросом несовершеннолетних (ст. 191 УПК РФ). Привлечение данного участника необходимо в первую очередь в целях обеспечения корректного проведения опроса и соблюдения прав несовершеннолетнего опрашиваемого. Кроме того, педагог-психолог выполняет и иные цели, например, такие как создание условий для эффективной коммуникации участников следственного действия; психолого-педагогической коррекции эмоционального состояния участников следственного действия и другие.¹ При этом, что немаловажно, педагог-психолог также оказывает консультативную помощь следователю, обращая внимание на психологические особенности несовершеннолетнего (которые могут обусловить трудности в получении информации от последнего), а также предоставить следователю информацию о типичных особенностях восприятия, памяти, мышления несовершеннолетнего определенного возраста, что будет в дальнейшем способствовать правильному выбору следователем тактических приемов работы с несовершеннолетним.

2. В УПК РФ также нет указания на обязательное участие законного представителя при опросе несовершеннолетнего. По аналогии с участием педагога-психолога законный представитель может внести корректировки в тактику проведения опроса следователем, а также сгладить другие «острые углы» при работе с несовершеннолетним. Вместе с тем данный вопрос участия

¹ Психология допроса малолетних свидетелей: Метод. пособие / М.М. Коченов, Н.Р. Осипова. Москва: Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер. предупреждения преступности, 1984. С. 24.

законного представителя в проведении опроса несовершеннолетнего остается дискуссионным, так как не во всех случаях несовершеннолетние могут рассказать о произошедшем в присутствии своих законных представителей. Каждый такой случай, как видится, индивидуален и требует от следователя профессионального подхода к работе и высокой психологической подготовки.

3. Следователю необходимо понимать, что по аналогии с допросом опрос несовершеннолетнего должен производиться в сокращенное время. Это связано в первую очередь с тем, что у детей достаточно низкая концентрация внимания (от 5 до 15 минут), а также есть необходимость в постоянной смене деятельности (неусидчивость, хочется делать все и сразу и т.д.). Несоблюдение данных требований может привести к неэффективности проведения опроса.

4. Поскольку опрос производится с ребенком, то следователю при построении вопросов необходимо учитывать возраст и уровень развития ребенка и на основе этого оперировать терминами, которые будут понятны несовершеннолетнему.

В связи с тем, что на практике назначение экспертизы и получение заключения эксперта занимает длительное время, следователю необходимо оперативно в первые дни проверки назначить все необходимые экспертизы (судебно-медицинскую, молекулярно-генетическую, сексолого-психолого-психиатрическую и т.д. в зависимости от обстоятельств и собранных данных).

Так, при работе с несовершеннолетними в рамках проведения процессуальной проверки следователь может прибегнуть к помощи педагогов-психологов криминалистического сопровождения следствия на базе Главного управления криминалистики (криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, специалистов подразделений криминалистики региональных следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации, которые в рамках оказания практической помощи следователю могут провести психологическую беседу с несовершеннолетним. Такая беседа даст ориентирующую информацию следователю и может способствовать принятию правильного процессуального решения по результатам доследственной проверки.

Неотъемлемым элементом процессуальной проверки является изучение семьи потерпевшего. Помимо запроса необходимой информации у подразделений по делам несовершеннолетних, характеристик семьи от компетентных органов следователю следует самостоятельно опросить всех членов семьи, педагогов и друзей несовершеннолетнего потерпевшего для получения полной информации о его личности, а также о личности всех интересующих его участников процесса. Несмотря на то, что полученные сведения в определенной степени будут носить субъективный характер, они могут помочь следователю установить характер взаимоотношений между членами семьи, характеристику отдельных членов семьи, понять общую картину взаимоотношений в семье.

Таким образом, можно сделать вывод, что эффективность проверки сообщения о преступлении сексуального характера в отношении несовершеннолетних напрямую зависит от своевременности и корректности

проведения комплекса следственных и иных процессуальных действий. В каждом случае при работе с несовершеннолетним необходимо привлечение специалистов (педагогов-психологов), а также более тщательная подготовка к опросу несовершеннолетнего для повышения информативности производимых следователем действий и для обоснованного и законного принятия процессуального решения по результатам доследственной проверки.

Литература

Психология допроса малолетних свидетелей: Метод. пособие / М.М. Коченов, Н.Р. Осипова. Москва: Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер. предупреждения преступности, 1984. 34 с.

Д.С. Корешников

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева

Проверка материалов оперативно-разыскной деятельности на предмет провокации

Аннотация. Законодательство Российской Федерации предусматривает запрет на провокацию при проведении оперативно-разыскных мероприятий. Несоблюдение этого запрета влечет признание результатов ОРД недопустимыми доказательствами и оправдание привлекаемых к ответственности лиц. В статье обобщена судебная практика по данному вопросу и даны рекомендации по проверке материалов ОРД с целью своевременного выявления признаков провокации.

Ключевые слова: провокация, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскное мероприятие, недопустимые доказательства, отсутствие состава преступления

В отечественном законодательстве прямо закреплен запрет на такой способ выявления преступлений, как провокация. Данный запрет сформулирован в Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – Закон об ОРД).

Согласно Закону об ОРД задачами оперативно-разыскной деятельности являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ст. 2). При этом органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, то есть совершать провокацию (ст. 5).

Отдельно законодатель выделил провокацию взятки, коммерческого подкупа и подкупа в сфере закупок, предусмотрев за эти действия уголовную

¹ СПС КонсультантПлюс.

ответственность (ст. 304 УК РФ). Но провокация может быть не только относительно этих преступлений, незаконно склонять в ходе оперативно-разыскных мероприятий можно и к другим умышленным уголовно наказуемым деяниям¹.

Согласно сложившейся судебной практике, нарушение ст. 5 Закона об ОРД путем совершения провокации влечет признание результатов ОРД недопустимыми доказательствами, а спровоцированное лицо, совершившее деяние, подпадающие под статью Уголовного кодекса Российской Федерации, подлежит освобождению от уголовной ответственности (оправданию)².

На это, в частности, прямо указано в п. 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 09.07.2013 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»³. Согласно данному пункту, принятие спровоцированным должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ)⁴.

Учитывая серьезность данных последствий, необходимо внимательно изучать материалы ОРД на предмет провокации как на стадии доследственной проверки, так и на последующих стадиях уголовного судопроизводства.

Для определения, имела ли место провокация или сотрудниками правоохранительных органов проведено законное документирование противоправной деятельности, необходимо ответить на следующий вопрос: *сформировался ли у лица умысел на совершение преступления независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, или напротив, умысел сформировался в результате их деятельности?* (выделено мной – Д.К.)⁵.

¹ Д.А. Дорогин указывает на возможность провокации, к примеру, розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ), сбыта поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ), получения сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ). См.: Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов: монография. Москва: РГУП, 2017. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

² Кроме случаев, когда в результате провокации лицо совершило преступление с материальным составом и наступили общественно опасные последствия (очевидно, что спровоцированное на убийство лицо в случае умышленного причинения смерти подлежит ответственности по ст. 105 УК РФ).

³ URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8355/> (дата обращения: 12.05.2025).

⁴ Миронов В.В. Провокация преступления как обстоятельство, исключающее основание для возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2011. № 10. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁵ Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с

В первом случае лицо подлежит уголовной ответственности, во втором – имеет место провокация и лицо, принявшее взятку, продавшее наркотические средства, и так далее, не может быть привлечено в качестве обвиняемого.

Анализ судебной практики показывает, что для ответа на данный вопрос судами используются различные критерии, позволяющие им выявить первопричину формирования умысла и установить наличие или отсутствие признаков провокации.

Для удобства изложения материала, посвященного признакам провокации, обозначим участвующих лиц как «проверяемый» и «агент».

Под «проверяемым» будем подразумевать лицо, в отношении которого проводится ОРМ, с целью документирования факта совершения им преступления: должностное лицо, проверяемое на взяточничество, владелец наркотических средств, проверяемый на наркосбыт, и т.д.

«Агентом» будем именовать лицо, которое в ходе ОРМ непосредственно взаимодействует с «проверяемым» по вопросам совершения деяния, содержащего признаки преступления, с целью документирования преступного поведения последнего. «Агентом» может быть сотрудник правоохранительного органа, контактирующий с «проверяемым» под легендой, а также лицо, самостоятельно обратившееся в органы с информацией о готовящемся преступлении и согласившееся принять участие в ОРМ, либо иное лицо, привлеченное сотрудниками правоохранительных органов для участия в указанных мероприятиях.

На основе анализа судебной практики можно выделить следующие признаки провокации.

1. Отсутствие согласия «проверяемого» на совершение деяния, которое предлагает «агент» (выделено мной – Д.К.).

Очевидно, что если «проверяемый» в итоге не согласился на совершение противоправных действий, то нет и признаков какого-либо преступления. Но необходимо иметь в виду, что под дачей согласия понимается не только словесно выраженное положительное отношение к предполагаемому деянию, но и совершение действий, свидетельствующих о таком согласии¹.

Более того, если такого согласия не получено или «проверяемый» прямо отказался от участия в преступной деятельности, то в действиях «агента» и контролирующего его сотрудников органа, осуществляющего оперативно-разыскные мероприятия, при определенных условиях может быть усмотрен состав преступления. Речь идет о преступлении, предусмотренном ст. 304 УК

наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС КонсультантПлюс.

¹ Пункт 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

РФ, – провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок¹.

2. Отказ «проверяемого» от намерения совершить преступление и изменение этого решения под воздействием «агента» (выделено мной – Д.К.).

Возможна такая ситуация, при которой «проверяемый» высказал желание совершить преступление, но в дальнейшем от него отказался. Однако под воздействием «агента» вновь изменил свое решение. В данном случае также имеет место провокация, исключая преступность деяния.

В качестве примера можно привести ситуацию, описанную в решении Верховного Суда Российской Федерации по делу в отношении Черемисовой.

Черемисова сообщила знакомому сотруднику милиции о намерении расправиться с убийцей своего мужа, который, находясь в СИЗО, высказывал угрозы и в ее адрес. Сотрудник милиции отговорил ее от осуществления преступного плана, однако о ее высказываниях сообщил в УБОП. После этого, уже в рамках ОРМ Черемисова была познакомлена с лицом, который якобы мог совершить убийство за вознаграждение. Черемисова дала согласие на совершение им преступления, но затем опять отказалась. После внушения со стороны «агента», что в суде убийцу ее мужа оправдают, он выйдет на свободу и расправится с ней, а также после снижения запрашиваемой «киллером» суммы вознаграждения Черемисова согласилась и передала часть денег. После этого была проведена инсценировка убийства, и Черемисова передала оставшиеся деньги. Оправдывая Черемисову по обвинению в организации покушения на убийство, суд указал, что до начала оперативной разработки у правоохранительных органов не было оснований подозревать Черемисову в организации убийства, поскольку до встречи с ними она лишь высказывала намерение расправиться с находящимся под стражей лицом. Черемисова неоднократно отказывалась от своего преступного намерения, но именно под воздействием лиц, участвующих в ОРМ, в итоге дала согласие на данное убийство².

3. Предложение совершить преступление изначально исходило от «агента» (выделено мной – Д.К.).

¹ В случае, если в результате провокационных действий все-таки получено согласие должностного лица принять взятку, то в деянии сотрудников правоохранительных органов отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ. При этом и в действиях должностного лица, принявшего взятку, не будет признаков состава преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ. См.: Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2014. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.08.2007 № 89-007-33 // СПС КонсультантПлюс. Аналогичная ситуация с оправданием лица, отказывавшегося принимать взятку, но в итоге склоненного к ее получению, описана в апелляционном приговоре Костромского областного суда от 30.09.2020 № 22-643 // СПС КонсультантПлюс.

Проиллюстрируем данный признак примером из практики Ямало-Ненецкого автономного округа.

Д., действуя по предложению сотрудников полиции, обратилась к врачу К. с просьбой оформить для нее листок нетрудоспособности при отсутствии у нее заболевания, а также спросила, должна ли она ему что-то за эту услугу. На ее просьбу К. ответил согласием и дал понять, что за выдачу листка нетрудоспособности она должна будет передать материальное вознаграждение. В итоге Д. передала К. 4000 рублей.

Указывая на отсутствие в действиях К. признаков состава преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 292 УК РФ, суд указал, что в материалах уголовного дела не было достаточных доказательств того, что умысел на совершение преступления возник бы у К. независимо от действий сотрудников полиции. Из материалов уголовного дела следовало, что преступления совершены К. исключительно в результате побуждения со стороны Д., которая, в свою очередь, действовала по предложению сотрудников полиции. Однако подобные действия сотрудников полиции прямо запрещены положениями ст. 5 Закона об ОРД и не соответствуют целям и задачам, предусмотренным этим законом. Получение должностным лицом материального вознаграждения в подобных обстоятельствах не влечет уголовную ответственность¹.

4. Предложение совершить преступление изначально исходит от «проверяемого», но данное предложение вызвано провокационными действиями «агента» (выделено мной – Д.К.).

Текст постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 позволяет прийти к мнению, что «прямого предложения чиновнику со стороны замаскированных сотрудников правоохранительных органов, действующих в процессе оперативно-разыскного мероприятия, принять взятку может и не быть. «Проверяемый на честность» (без законных оснований) чиновник сам может попросить передать ему ценности в ответ на полученное при осуществлении незаконного оперативно-разыскного мероприятия обращения о совершении действий (бездействия) по службе. Однако это также тот случай, когда проводимое в отношении чиновника в нарушение закона оперативно-разыскное мероприятие, названное Пленумом «вмешательство сотрудников правоохранительных органов», порождает или становится необходимым условием зарождения у него умысла на получение взятки»².

¹ Обобщение практики рассмотрения уголовных дел коррупционной направленности за 2012 г. и 1-е полугодие 2013 г. в суда Ямало-Ненецкого автономного округа (подготовлен Судом Ямало-Ненецкого автономного округа). Аналогичная ситуация описана в Апелляционном приговоре Костромского областного суда от 30.09.2020 № 22-643 // СПС КонсультантПлюс.

² Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2014. Доступ из СПС КонсультантПлюс. Пример такого подхода при разрешении дела см. в кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2012 № 11-012-1 // СПС КонсультантПлюс.

5. «Агент» не имел действительного интереса в выполнении «проверяемым» действий, за которые передавалось незаконное вознаграждение (выделено мной – Д.К.).

Верховный Суд Российской Федерации оставил без изменений оправдательный приговор Верховного суда Республики Татарстан по делу о получении взятки¹. Как следует из судебного решения, З. написал в правоохранительные органы заявление о том, что при обращении к председателю Палаты имущественных и земельных отношений муниципального образования с просьбой заключить с обществом с ограниченной ответственностью договор купли-продажи лома последний высказал требования о передачи ему незаконного денежного вознаграждения. Договор между муниципалитетом и обществом в лице Я. (а не заявителя) был подписан, передача денег состоялась, после чего «проверяемого» задержали.

В качестве одного из признаков того, что действия сотрудников правоохранительных органов по проведению оперативного эксперимента с участием З. были «провокационно-подстрекательскими», явился факт, что З., договариваясь с должностным лицом о подписании за взятку договора в интересах коммерческого общества, каких-либо поручений на ведение переговоров от имени организации не имел, не являлся работником или руководителем этого общества, денег для передачи взятки от руководителей и учредителей общества не получал и фактически не имел намерений и возможности выполнения договорных обязательств.

6. Иницируя проведение ОРМ, сотрудники правоохранительных органов не обладали подтвержденной оперативной информацией о противоправной деятельности «проверяемого» (выделено мной – Д.К.).

В уже упомянутом обобщении суда Ямало-Ненецкого автономного округа² суд, оправдывая лицо в связи с наличием в отношении него провокации, указал, что в материалах уголовного дела отсутствовали достаточные доказательства того, что умысел на совершение преступления возник бы у К. независимо от действий сотрудников полиции. В частности, не было достаточных доказательств того, что в отношении К. имелась оперативная информация о предыдущем получении взяток и о его склонности к совершению подобных преступлений. Утверждение допрошенных сотрудников полиции о наличии такой информации носило неконкретный характер и не подтверждалось соответствующими документами.

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2012 № 11-012-1. Аналогичная позиция нашла свое отражение в кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 21.02.2008 № 9-О08-4 // СПС КонсультантПлюс.

² Обобщение практики рассмотрения уголовных дел коррупционной направленности за 2012 г. и 1-е полугодие 2013 г. судами Ямало-Ненецкого автономного округа (подготовлен Судом Ямало-Ненецкого автономного округа).

На аналогичный признак провокации указывал и Верховный Суд Российской Федерации¹ и другие суды². Согласно их позиции простое заявление сотрудников полиции в суде о том, что они располагали секретной информацией о получении должностным лицом взятки, которая не была представлена суду, не может быть принято во внимание.

Здесь необходимо отметить, что, по мнению ряда ученых³, наличие даже подтвержденной оперативной информации о том, что лицо ранее получало взятки (совершало иные преступления), не может являться основанием для проведения оперативно-разыскных мероприятий, в частности оперативного эксперимента, в ходе которого будет предложено, например, решить вопрос за взятку. В качестве обоснования такой позиции указывается на то, что ОРМ проводится для документирования конкретного преступления, а информация о прошлых деяниях не может о нем свидетельствовать, так как оно еще не начало совершаться или готовиться.

7. Сотрудники правоохранительных органов, выявив в ходе ОРМ преступление, не пресекли его сразу, а создали условия для совершения нового преступления (выделено мной – Д.К.).

В качестве примера можно привести решение Верховного суда Республики Татарстан.

В ходе оперативно-разыскных мероприятий, направленных на документирование факта хищения, задержан гражданин А., который предложил «решить вопрос» без оформления. Сотрудники полиции, процессуально не закрепляя полученные результаты ОРМ, свидетельствующие о хищении, предоставили А. возможность искать денежные средства на протяжении не менее 40 минут (уходил за деньгами к своим знакомым), в то время как он был фактически задержан за совершение другого преступления (А. передвигался в сопровождении полицейского). После его возврата факт передачи денег в качестве взятки был задокументирован, а гражданин А. задержан по подозрению в совершении хищения и дачи взятки.

Подтверждая законность оправдательного приговора в отношении А. по ч. 2 ст. 291 УК РФ Верховный суд Республики Татарстан указал, в том числе на то, что имело место нарушение ст. 2, 5, 7 ФЗ Закона об ОРД, согласно которым органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, запрещено подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2012 № 50-012-10, кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2012 № 11-012-1, кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.02.2008 № 9-О08-4 // СПС КонсультантПлюс.

² Обобщение практики рассмотрения уголовных дел коррупционной направленности за 2-е полугодие 2013 г. и 2014 г. в судах Ямало-Ненецкого автономного округа, утв. Президиумом суда Ямало-Ненецкого автономного округа 09.09.2015, апелляционный приговор Костромского областного суда от 30.09.2020 № 22-643 // СПС КонсультантПлюс.

³ Яни П.С. Провокация взятки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

совершению противоправных действий, так как проведение оперативно-разыскных мероприятий допускается законом в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия только реально подготавливаемого, совершаемого или совершенного, а не теоретически возможного преступления¹.

В другом случае «агент» под контролем оперативных сотрудников на протяжении 7 месяцев осуществлял передачи бутылок со спиртными напитками в качестве незаконного вознаграждения. Оперативники пресекли данную деятельность только, когда общая стоимость переданного алкоголя превысила 10 тысяч рублей, необходимых для вменения ст. 290 УК РФ. На это фактическое бездействие, выраженное в несвоевременном пресечении противоправных действий осужденного, как на еще один признак провокации суд указал в своем решении².

Все приведенные признаки провокации можно обобщить, сославшись на неоднократно высказанную позицию Верховного Суда Российской Федерации³ о том, что действия сотрудников оперативно-разыскного органа должны быть расценены как провокационные (нарушающие ст. 5 Закона об ОРД), если данные сотрудники не ограничились пассивным фиксированием предполагаемой преступной деятельности «проверяемого», а инициировали проведение ОРМ с участием подконтрольного «агента», хотя ничего не предполагало, что деяние было бы совершено без их вмешательства.

В связи с этим следователям можно дать следующие рекомендации при работе с результатами оперативно-разыскной деятельности.

Прежде всего, необходимо истребовать у органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, все доступные документы, свидетельствующие об обстоятельствах принятия решения о проведении ОРМ, а также о ходе их проведения. При этом надо ориентироваться на Инструкцию о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности⁴ и требовать предоставления всех предусмотренных в ней материалов (что на практике часто не делается), в том числе:

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 15.03.2024 № 22-1742/2024 // СПС КонсультантПлюс.

² Апелляционный приговор Костромского областного суда от 30.09.2020 № 22-643 // СПС КонсультантПлюс.

³ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2012 № 50-012-10, кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2012 № 11-012-1, кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.02.2008 № 9-О08-4 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденная Приказами МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // СПС КонсультантПлюс.

- постановления руководителя о проведении проверочной закупки, контролируемой поставки, оперативного эксперимента и оперативного внедрения (п. 10 Инструкции);
- результатов проведения всех ранее проведенных проверочных закупок, в ходе которых не удалось задокументировать подготавливаемое, совершаемое или совершенное противоправное деяние (п. 11 Инструкции);
- копии судебных решений о проведении ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища (п. 12 Инструкции);
- полученные (выполненные) при проведении ОРМ материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, а также материальные объекты. При этом информация о времени, месте и обстоятельствах получения прилагаемых материалов, документов и иных объектов должна быть отражена в сообщении (рапорте). При представлении фонограммы к ней прилагается бумажный носитель записи переговоров (п. 16, 17 Инструкции).

Полученные материалы необходимо внимательно проанализировать и выявить действительные мотивы лиц, участвовавших в ОРМ, причины их контактов и фактический ход событий, после чего сделать вывод о наличии или отсутствии указанных признаков провокации.

Литература

1. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов: монография. Москва: РГУП, 2017.
2. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2014.
3. Миронов В.В. Провокация преступления как обстоятельство, исключаящее основание для возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2011. № 10.
4. Яни П.С. Провокация взятки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1.

О некоторых вопросах квалификации преступлений террористической направленности

Аннотация. Увеличение количества совершаемых террористических актов вызывает в правоприменительной практике ряд вопросов, связанных с квалификацией преступлений террористического характера и толкования их признаков, которые предусмотрены в УК РФ. На основании анализа нормативных актов и судебной практики автор предлагает ряд разъяснений по указанным вопросам.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, преступления террористического характера, уничтожение или повреждение имущества, квалификация преступления, мотив, цель

Терроризм представляет комплексную угрозу для стабильности любого государства. Так, Стратегия национальной безопасности РФ для достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности предусматривает решение такой задачи, как предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, попыток совершения актов ядерного, химического и биологического терроризма¹.

Одним из проявлений терроризма выступают преступления террористического характера, среди которых базисным преступлением является деяние, предусмотренное ст. 205 УК РФ «Террористический акт». В последние годы прослеживается устойчивая тенденция к возрастанию подготавливаемых и совершаемых таких актов. Так, по статистическим данным МВД России, в 2021 году было зарегистрировано 41 подобное преступление, в 2022 – 127, 2023 – 410, 2024 – 1191². Увеличение количества совершаемых преступлений создает проблемные вопросы применения существующих уголовно-правовых норм, в том числе и в части квалификации террористических актов, а также разграничения их со смежными составами преступлений.

Следует отметить ряд факторов, влияющих на современную практику квалификации преступлений террористического характера:

1. Расширение круга лиц, совершающих такие деяния. Если ранее встречались лица, идеологически мотивированные к совершению террористических актов, то в настоящее время массово появились субъекты с иной не идеологической мотивацией совершения таких деяний, например, из корыстных побуждений.

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

² МВД России: официальный сайт // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.05.2025).

2. Увеличение количества деяний, оцениваемых как проявления террористического акта, которые крайне редко встречались на практике (например, поджоги), либо ранее описывались только гипотетически (например, разрушение Каховской ГЭС, вызвавшее наводнение, повлекшее гибель людей, имущественный ущерб, причинение вреда окружающей среде; атаки на объекты использования атомной энергии, попытки массового отравления людей с помощью боевых отравляющих веществ и т.д.).

3. Активное применение при совершении террористических актов современных технологий (например, использование средств дистанционного наблюдения и активизации взрывных устройств, беспилотных систем для причинения вреда и т.д.).

В 2022 году в связи с резким ростом совершения деяний против государственной и общественной безопасности как способа ведения боевых действий против российского государства и общества¹ правоприменители не в полной мере оказались готовы квалифицировать преступления по ст. 205 УК РФ. Поэтому множественные факты поджогов зданий и имущества государственных органов квалифицировались по общеуголовным преступлениям, таким как ч. 2 ст. 167 УК РФ «Умышленные уничтожение или повреждение имущества» по признаку совершения «путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом...» либо ст. 213 УК РФ «Хулиганство». При этом от правильной квалификации существенно зависит то, какие меры государственного принуждения будут применены к виновному лицу. Так, например, 24.01.2024 Первоуральский городской суд Свердловской области за совершение покушения на поджог здания Военного комиссариата признал виновной Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ, назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год 6 месяцев². При этом есть и иная практика квалификации за аналогичное деяние. 23.10.2024 Первый Западный окружной военный суд приговорил И. к 10 годам лишения свободы за поджог военкомата по ч. 2 ст. 205 УК РФ³.

Следует отметить, что террористический акт предусматривает как объективные признаки в виде совершения взрыва, поджога или иных действий, под которыми следует понимать действия, сопоставимые по последствиям со взрывом или поджогом, например устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; заражение

¹ Косарев М.Н. Уголовно-правовые средства обеспечения военной безопасности: состояние и перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 123.

² Приговор Первоуральского городского суда Свердловской области от 24.01.2024 № 1-81/2024. URL: https://pervouralsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=409333559&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.05.2025).

³ Приговор Первого Западного окружного военного суда № 2-3/2025 (2-65/2024). URL: https://1zovs--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=78OV0000&srv_num=1&delo_id=1540006&case_type=0&judicial_uid=78OV0000-01-2024-000070-56 (дата обращения: 15.05.2025)

источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию; радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности; вооруженное нападение на населенные пункты, обстрелы жилых домов, школ, больниц, административных зданий, мест дислокации (расположения) военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов; захват и (или) разрушение зданий, вокзалов, портов, культурных или религиозных сооружений¹. При этом к иным деяниям может быть отнесено также и массовое нападение в общественных местах с применением ножей и иных предметов, использование автомобилей для наезда и причинения вреда людям и т.д.

Описанные деяния помимо внешнего проявления, которое схоже с различными общеопасными деяниями, должны «устрашать население». При этом устрашающими население могут быть признаны такие действия, которые по своему характеру способны вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества и т.п.² То есть люди, восприняв совершенное преступление непосредственно либо через различный мультимедийный контент, могут поставить себя и своих близких на место предполагаемых потерпевших от подобного преступления в будущем, что и создает устрашение. В связи с этим при совершении преступления приоритетно выбираются места массового пребывания людей, объекты органов власти, объекты, обеспечивающие жизнеобеспечение населения. На устрашение направленно и последующее распространение контента с совершенным преступлением в средствах массовой информации, социальных сетях. Поэтому фиксация совершения деяния, трансляция преступления в прямом эфире будут характеризовать признак совершаемого устрашения. Террористический акт характеризуется стремлением к увеличению причиняемого деянием вреда, поэтому наличие различных поражающих элементов во взрывном устройстве, характеристики используемых способа, взрывных устройств или иных орудий, способных причинить максимальный комплексный вред человеку и предметам материального мира, также говорит о внешней устрашающей характеристике деяния.

Для квалификации по ст. 205 УК РФ следует установить наличие опасности гибели хотя бы одного человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Эта опасность должна быть реальной, что определяется в каждом конкретном случае с учетом места, времени, орудий, средств, способа совершения преступления и других обстоятельств дела (данных о количестве людей, находившихся в районе места

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС КонсультантПлюс.

² Там же.

взрыва, о мощности и поражающей способности использованного взрывного устройства и т.п.)¹.

Наибольшие вопросы при квалификации возникают относительно субъективной стороны совершаемого террористического акта. Данное преступление предусматривает, как минимум, одну из двух альтернативных целей: 1. дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций; 2. воздействие на принятие ими решений.

При определении направленности умысла виновного лица на дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, время, место, способ, обстановку, орудия и средства совершения преступления, характер и размер наступивших или предполагаемых последствий, а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного. О цели оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями может свидетельствовать побуждение соответствующих субъектов к совершению определенных действий либо к воздержанию от их совершения, содержание требований участников преступления².

При этом мотивация совершения террористического акта может быть идеологической либо лишенной такого содержания. Как показывает практика совершения террористических актов, в настоящее время встречается корыстный мотив, мотив возврата ранее похищенного имущества, мотив, основанный на обмане (например, под видом участия в каких-либо операциях правоохранительных органов, но явно осознаваемых виновным как общеопасные). Все эти мотивы присущи субъекту, который достиг возраста уголовной ответственности и является вменяемым.

Следует также выяснять предыдущее поведение лица, его отношение к общественно-политической ситуации в России, публичную и непубличную коммуникацию. Относительно лиц, которые идеологически не мотивированы, при совершении террористического акта цель дестабилизации деятельности органов власти возможно установить на основании выяснения осведомленности лица о общественно-политических событиях в России, уровне его образования, жизненного опыта, понимании места и времени деяния, обстановки проведения специальной военной операции, которые в своей совокупности создают в сознании лица презумпцию недопустимости совершения общеопасных действий, объективно дестабилизирующих деятельность органов власти самим фактом их совершения.

Таким образом, в обстановке проведения специальной военной операции любой факт публичного общеопасного деяния при выяснении обстоятельств

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС КонсультантПлюс.

² Там же.

случившегося необходимо проверять на предмет возможного совершения террористического акта.

Литература

Косарев М.Н. Уголовно-правовые средства обеспечения военной безопасности: состояние и перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 119–123.

Е.В. Лежнев

Четвертое следственное управление (с дислокацией в городе Екатеринбург)
Главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации

Проблемы прекращения уголовного преследования в связи с непричастностью подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления вследствие истечения сроков давности

Аннотация. В статье обозначены проблемы, связанные с введением в действие ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, обязывающей правоприменителя прекратить уголовное преследование по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, то есть в связи с непричастностью подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления вследствие истечения сроков давности. Предлагаются рекомендации по нивелированию этих проблем.

Ключевые слова: истечение сроков давности уголовного преследования, прекращение уголовного преследования, непричастность подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления, часть 2.2 ст. 27 УПК РФ

24 июня 2023 г. вступила в силу ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, согласно которой, если производство по уголовному делу продолжено в обычном порядке в связи с наличием возражений подозреваемого (обвиняемого) против прекращения уголовного преследования по основанию, указанному в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, и уголовное дело не передано в суд или не прекращено по иному основанию в порядке, установленном УПК РФ, уголовное преследование подлежит прекращению по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, то есть в связи с непричастностью подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления, по истечении 2 месяцев производства предварительного расследования с момента истечения сроков давности уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, 3 месяцев – в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, 12 месяцев – в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Внесение изменений в уголовно-процессуальный закон связано с принятием высшим судебным органом Постановления от 18.07.2022 № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова»¹ (далее – Постановление от 18.07.2022 № 33-П). Конституционный Суд РФ попытался устранить пробел в праве, из-за которого допускалось продолжение уголовного преследования после истечения на досудебной стадии уголовного судопроизводства срока давности привлечения к уголовной ответственности, если подозреваемый (обвиняемый) возражал в момент истечения этого срока против прекращения уголовного преследования по данному нереабилитирующему основанию, и, как следствие, не гарантировалось достижение в разумные сроки определенности правового положения такого лица применительно к подозрению или обвинению в совершении преступления (уголовно-процессуальный закон не устанавливал каких-либо предельных сроков допустимого продолжения расследования).

Вместе с тем правовая позиция высшей судебной инстанции в определенной мере не нашла своего отражения в положениях, введенных в уголовно-процессуальный закон.

Так, согласно Постановлению от 18.07.2022 № 33-П до внесения изменений в законодательство предусматривалось следующее: продолжение расследования уголовного дела по истечении срока давности уголовного преследования, когда подозреваемый (обвиняемый) возражал в момент истечения этого срока против прекращения уголовного дела по данному нереабилитирующему основанию, допускается в срок, не превышающий 12 месяцев со дня истечения срока давности уголовного преследования; по истечении указанного срока, если уголовное дело в установленном порядке не передано в суд, оно подлежит незамедлительному прекращению и без согласия на то подозреваемого (обвиняемого), который вправе оспорить такое решение в суд, а суд обязан разрешить его жалобу по правилам, предусмотренным ст. 125.1 УПК РФ; вводимый этим судебным актом порядок начинает применяться по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести через 3 месяца, о преступлениях средней тяжести – через 6 месяцев, о тяжких преступлениях – через 9 месяцев, об особо тяжких преступлениях – через 1 год после вступления в силу Постановления².

Таким образом, принципиальными отличиями между позициями высшего судебного органа и законодателя является, во-первых, то, что согласно подходу Суда уголовное дело должно быть прекращено по основанию,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова» // СПС КонсультантПлюс.

² Постановление опубликовано и вступило в силу 21.07.2022.

предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, а, по мнению законодателя, уголовное преследование должно быть прекращено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, то есть в связи с непричастностью подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления; во-вторых, согласно подходу Суда расследование уголовного дела после истечения сроков давности уголовного преследования может продолжаться в течение 12 месяцев вне зависимости от категории совершенного преступления, а, по мнению законодателя, – только в течение 2, 3 и 12 месяцев для преступлений небольшой, средней тяжести, а также тяжких и особо тяжких преступлений соответственно.

Введение в действие указанной правовой нормы повлекло возникновение следующих проблем¹.

1. Срок предварительного следствия, установленный законодателем, по ряду преступлений небольшой тяжести экономической направленности, к числу которых, например, относятся ч. 1 и 2 ст. 145.1², ч. 1 ст. 199 УК РФ, является недостаточным для направления уголовного дела в суд. Законодателем установлено, что указанные уголовные дела могут расследоваться в пределах срока давности уголовного преследования, то есть в течение 2 лет с момента совершения преступления и 2 месяцев с момента истечения срока давности уголовного преследования. Это создает риски вынесения реабилитирующего решения в отношении виновного лица в силу объективных факторов. К таковым относятся: 1) значительное время, которое может пройти с момента совершения преступления до момента получения органами следствия данной информации (например, проведение в течение длительного времени налоговой проверки и обжалование решения налоговой проверки, взыскание заработной платы с работодателя в судебном порядке в различных судебных инстанциях и т.д.); 2) повышенный уровень сложности расследования (признание потерпевшими свыше тысячи работников, проживающих на территории различных субъектов Российской Федерации, поиск, изъятие документов и

¹ См. об этом также статью в настоящем сборнике: Казаков А.А. Вопросы применения ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных и иных работ (на конкретном практическом примере).

² Ситуацию в некоторой степени может облегчить то обстоятельство, что сроки давности уголовного преследования за совершение преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, исчисляются с момента его фактического окончания, в частности со дня погашения задолженности, увольнения виновного лица или временного отстранения его от должности. См.: п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС КонсультантПлюс. Однако, как видно, например, увольнение предполагаемого субъекта преступления вновь актуализирует проблему предельных сроков расследования.

проведение длительных налоговых и экономических экспертиз и т.д.); 3) действия подозреваемого (обвиняемого) по затягиванию срока следствия.

В данной связи органам предварительного расследования рекомендуется с учетом прогнозирования соответствующих рисков организовать работу таким образом, чтобы завершить расследование уголовного дела в установленные законодателем сроки.

2. Законодатель не урегулировал ситуацию, когда сроки давности уголовного преследования истекли до момента возбуждения уголовного дела, и лицо возражает против отказа в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующему основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. В этом случае можно предположить, что, если, например, также истекли двух (трех) месячные сроки с момента истечения сроков давности уголовного преследования для преступлений небольшой или средней тяжести, уголовное дело в случае его возбуждения в отношении конкретного лица подлежит немедленному прекращению в день его возбуждения, то есть фактически законодателем введен запрет на возбуждение уголовного дела в случае истечения срока давности уголовного преследования (при установлении лица в ходе следствия уголовное преследование подлежит прекращению в момент получения этим лицом процессуального статуса подозреваемого (обвиняемого). В данной ситуации игнорируются положения п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, согласно которому уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. В результате этого потерпевшие лишаются возможности защитить свои права в рамках уголовного процесса. В данной связи в указанном случае видится правильным исчислять двух (трех, двенадцати) месячный срок, установленный ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, с момента возбуждения уголовного дела, так как согласно указанной норме уголовное преследование подлежит прекращению по истечении двух (трех, двенадцати) месяцев производства предварительного расследования (то есть по логике законодателя расследование в любом случае должно быть) с момента истечения сроков давности уголовного преследования.

3. Прекращение уголовного преследования по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, то есть в связи с непричастностью подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления, препятствует восстановлению социальной справедливости, так как виновное лицо признается непричастным к совершению преступления только на том основании, что истекли сроки давности уголовного преследования, при этом подозрение, обвинение его в совершении преступления может являться законным и обоснованным. Более того, виновное лицо получает право на реабилитацию.

Кроме того, законодатель не регламентировал, является ли прекращение уголовного преследования в связи с непричастностью подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления основанием для прекращения уголовного дела, либо расследование уголовное дело должно быть продолжено.

В связи с этим в случае истечения сроков давности уголовного преследования и истечения сроков предварительного расследования,

установленных ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, представляется правильным уголовное преследование в отношении подозреваемого (обвиняемого) прекратить по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, а уголовное дело (в случае отсутствия в деяниях подозреваемого (обвиняемого) признаков иных составов преступлений и отсутствия иных подозреваемых (обвиняемых) в уголовном деле) – по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. При этом в постановлении о прекращении уголовного дела и уголовного преследования рекомендуется указать установленные в ходе расследования обстоятельства совершенного преступления, а также привести все собранные доказательства виновности подозреваемого (обвиняемого), после чего указать, что причиной прекращения уголовного преследования по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, является именно истечение соответствующих сроков. Это даст возможность потерпевшим попытаться защитить свои права в рамках гражданского судопроизводства¹.

Литература

Казаков А.А. Истечение сроков давности уголовного преследования в разрезе последующего восстановления прав лица, пострадавшего от преступления, в гражданском процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1 (45). С. 80–86.

Н.Н. Лунина

Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева

Возбуждение уголовного дела в отношении судьи: актуальные вопросы защиты

Аннотация. Особый порядок производства по уголовным делам в отношении судей, провозглашенный ч. 2 ст. 122 Конституции Российской Федерации, установлен в качестве гарантии неприкосновенности. Как и любая другая процедура, регламентированная Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, особый порядок производства по уголовным делам в отношении судей нуждается в неукоснительном соблюдении: в противном случае нарушаются не только принципы уголовного судопроизводства, но и конституционные нормы. Отмечается, что реализация права на защиту происходит только после того, как лицу становится известно о нарушенном праве. Сделан вывод о том, что нарушение права на защиту становится возможным при нарушении порядка выполнения процессуальных действий.

¹ См. об этом также: Казаков А.А. Истечение сроков давности уголовного преследования в разрезе последующего восстановления прав лица, пострадавшего от преступления, в гражданском процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1 (45). С. 80–86.

Ключевые слова: судья, привлечение к уголовной ответственности, особый порядок, нарушенное право, право на защиту

Процессуальная деятельность следователей (дознавателей) в первую очередь связана с возбуждением уголовных дел. Уголовные дела возбуждаются как в отношении обычных субъектов, так и в отношении лиц с особым статусом: в обоих случаях возбуждение уголовного дела должно отвечать принципу законности.

Пункт 2 ч. 1 ст. 447 УПК РФ выделяет судей в качестве лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам, являющийся гарантией неприкосновенности судей.

За 9 месяцев 2024 года к уголовной ответственности в Российской Федерации было привлечено 22 судьи: такие цифры сообщил Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин¹. В свою очередь председатель Высшей квалификационной коллегии судей РФ Н.В. Тимошин 29 ноября 2022 года привел следующие данные: «за отчетный период (с 2017 года – прим. ТАСС) квалификационными коллегиями дано 104 согласия на возбуждение уголовных дел в отношении действующих и бывших судей, 21 согласие на привлечение в качестве обвиняемого»². К сожалению, приходится констатировать, что привлечение судьи к уголовной ответственности становится делом обыденным. С этой тенденцией нельзя не согласиться с точки зрения соблюдения социальной справедливости, поскольку «70% представлений касались преступлений коррупционной направленности»³.

Порядок рассмотрения представления Председателя Следственного комитета Российской Федерации о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по уголовному делу хотя и не регламентирован уголовно-процессуальным законом, но является определенным и содержится в Положении о порядке работы квалификационных коллегий судей, утвержденной Высшей квалификационной коллегией судей РФ (далее – ВККС РФ) 22.03.2007⁴. Положением разрешены процедурные вопросы о сроках и порядке рассмотрения представлений о даче согласия на привлечение судей к уголовной ответственности, в том числе о порядке извещения судьи о рассмотрении представления, о праве привлечения представителя судьи, в отношении которого рассматривается представление, о праве ознакомления с представленными материалами процессуальной проверки. Пунктом 3 ст. 21 КАС РФ, ст. 26 Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах

¹ Бастрыкин А.И. Список преступлений с конфискацией надо расширить // Российская газета: федеральный выпуск № 6 (9545), 15 января 2025 г. URL: <https://rg.ru/2025/01/15/order-na-arrest.html> (дата обращения: 15.05.2025).

² Агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/16450225> (дата обращения: 24.04.2025).

³ Там же (дата обращения: 24.04.2025).

⁴ СПС КонсультантПлюс.

судейского сообщества в Российской Федерации»¹ урегулирован порядок обжалования принятого решения по итогам рассмотрения представления. На наш взгляд, обозначенный процедурный механизм позволяет судье реализовать право на защиту на этапе решения вопроса о даче разрешения на возбуждение уголовного дела. Безусловно, любая процедура может рассматриваться с точки зрения дальнейшего совершенствования, однако, в настоящих тезисах, полагаю, следует обратить особое внимание на процессуальную проверку и ее результаты как основание для обращения с представлением в ВККС РФ.

Об отсутствии комплексного правового регулирования порядка осуществления процессуальной проверки, процессуального статуса лиц, вовлеченных в проверку, на протяжении многих лет говорят как теоретики уголовно-процессуального права, так и правоприменители норм уголовно-процессуального закона², и эта проблема по сей день остается законодательно неразрешенной, то есть актуальной. Приходится признать, что фактически оперативные сотрудники, а затем только следователи формируют ту доказательную базу, которая образует обоснование дачи согласия на возбуждение уголовного дела. В этой связи практикозначимым является анализ заявлений, ходатайств, изложенных подсудимыми (обвиняемыми), неприкосновенность которых была преодолена решениями ВККС РФ. Так, изучение судебных решений позволило сделать вывод о том, что судебной оценке подлежали следующие доводы:

- о нарушении порядка проведения процессуальных действий до возбуждения уголовного дела;
- о недостаточности оснований для возбуждения уголовного дела;
- о нарушении права на защиту.

Следует отметить, что недостаточность оснований для возбуждения уголовного дела, нарушение права на защиту прежде всего является следствием игнорирования порядка проведения процессуальных действий, выполняемых до возбуждения уголовного дела.

На стадии проведения доследственной проверки право на защиту может быть реализовано лишь при обжаловании действий должностных лиц. Вместе с тем такое право возникает после того, как лицу стало известно о нарушенном праве.

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что проведение оперативно-разыскной деятельности в отношении судьи не нарушает п. 7 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в РФ»³, то есть не противоречит Конституции Российской Федерации⁴. Следовательно, фундаментальным требованием к оперативно-

¹ СПС КонсультантПлюс.

² Ильницкая Л.И., Кузнецов К.В. О процессуальном статусе участников доследственной проверки // Аграрное и земельное право. 2022. № 5 (209). С. 121–124.

³ СПС КонсультантПлюс.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.06.2011 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9

разыскным мероприятиям является законность таковых, ведь именно результаты оперативно-разыскной деятельности составляют поводы и основания к возбуждению уголовного дела.

На взгляд автора, значимым судебным решением в исследуемой проблеме стало кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.03.2025 № 77-648/2025¹, которым удовлетворена кассационная жалоба заинтересованного лица, действующего в интересах обвиняемого К.: постановление Бабушкинского районного суда г. Москвы от 19.09.2023, которым разрешено производство обыска в жилище К., и апелляционное постановление Московского городского суда от 10.04.2024, оставившего жалобу К. без удовлетворения, а постановление суда первой инстанции без изменения, отменены. Из материалов дела следовало, что следователь обратился в суд с ходатайством о производстве обыска в жилище. Перед началом обыска от собственника жилого помещения поступило заявление, что обыск производится с нарушением закона, поскольку жилище принадлежит федеральному судье. Ходатайство следователем проигнорировано: обыск произведен, изъяты предметы и документы. По мнению суда апелляционной инстанции, поскольку на момент вынесения судебного решения судом первой инстанции о статусе собственника жилища ничего не было известно, обыск и судебное решение следует признать законным. Судом кассационной инстанции фактически разъяснены положения Конституции Российской Федерации, Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: разрешение на обыск дано неполномочным составом суда; производство по ходатайству следователя было прекращено. Подчеркнуто, что юридически значимым обстоятельством является сам факт отнесения лица, в жилище которого производится следственное действие, к категории тех лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам, следовательно, если уголовное дело в отношении судьи не возбуждено и судья не привлечен в качестве обвиняемого, разрешение на обыск в жилище судьи должно приниматься судебным решением в составе трех судей соответствующего суда.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что при производстве процессуального (следственного) действия только непосредственный правоприменитель оценивает законность своих действий: не всегда такие действия основаны на законе. Упрощенчество юридических процедур приводит к нарушению закона и, как следствие, утрате доказательств по уголовному делу, а также к удовлетворению требований административных истцов о возмещении морального вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц.

Для следователя является важным досконально знать положения уголовно-

Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И.В. Аносова» // СПС КонсультантПлюс.

¹ СПС КонсультантПлюс.

процессуального законодательства Российской Федерации и правильно применять их. Для обоснованного разрешения вопросов о проведении обыска следует полно устанавливать юридически значимую информации о статусе собственника жилища, которая должна быть проверена уже на этапе формирования ходатайства к суду.

Литература

1. Бастрыкин А.И. Список преступлений с конфискацией надо расширить // Российская газета: федеральный выпуск № 6 (9545), 15 января 2025 г. URL: <https://rg.ru/2025/01/15/order-na-arest.html> (дата обращения: 15.05.2025).

2. Ильницкая Л.И., Кузнецов К.В. О процессуальном статусе участников доследственной проверки // Аграрное и земельное право. 2022. № 5 (209). С. 121–124.

Д.С. Малышев

четвертое следственное управление
(с дислокацией в городе Екатеринбург)

Главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации

Некоторые проблемы квалификации и доказывания преступления, предусмотренного ст. 173³ УК РФ

Аннотация. В статье на основе конкретного примера следственной практики рассматриваются сложности доказывания организации деятельности по незаконному обороту подложных счетов-фактур и налоговых деклараций, а также квалификации таких противоправных деяний. Уделено внимание вопросу о возможности оценки действий организаторов такой деятельности по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 173³ УК РФ и ст. 159 УК РФ либо ст. 198 или 199 УК РФ. Резюмировано, что квалификация зависит от доказанности наличия или отсутствия признаков соучастия в действиях заказчика «бумажного НДС» и организатора незаконного оборота подложных документов.

Ключевые слова: налоговое преступление, налоговое мошенничество, «бумажный НДС», «техническая» компания, ст. 173³ УК РФ

Сохранение финансовой стабильности является одним из главных приоритетов государства, важной составной частью национальной безопасности нашей страны¹. Совершение финансовых преступлений нередко взаимосвязано с неисполнением предусмотренной в ст. 57 Конституции РФ обязанности каждого лица платить законно установленные налоги и сборы. Эти

¹ Бастрыкин А.И. О практике взаимодействия следственных органов Следственного комитета Российской Федерации с Федеральной таможенной службой // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 1 (39). С. 15.

обязательные платежи составляют доходную часть федерального, регионального и местного бюджетов. Уклонение от уплаты таких платежей или злоупотребление правом на получение налоговых вычетов по отдельным налогам может серьезно повлиять на экономику России. Не случайно в литературе давно обсуждается проблема уголовно-правового противодействия налоговым преступлениям¹.

Нормы уголовного закона об ответственности за деяния, посягающие на установленный порядок взимания налогов, сборов, страховых взносов в последние годы претерпевают изменения. В частности, Уголовный кодекс РФ дополнен новой статьей 173³ «Сбыт и (или) представление в налоговые органы заведомо подложных счетов-фактур и налоговых деклараций». Она введена Федеральным законом от 23.11.2024 № 406-ФЗ² и вызывает множество вопросов, искать ответы, на которые предстоит правоприменителям.

В пояснительной записке к законопроекту № 263208-8 актуальность введения ст. 173³ УК РФ обоснована данными Федеральной налоговой службы, согласно которым в 2021 году с использованием подложных документов юридических лиц, зарегистрированных на подставных лиц, были оформлены незаконные налоговые вычеты на сумму порядка 1 трлн рублей. Авторы законопроекта привели схему данной преступной деятельности. Она заключается в том, что изначально злоумышленниками приобретаются указанные нефункционирующие организации, а затем от их имени изготавливаются подложные счета-фактуры и налоговые декларации, подтверждающих налоговые вычеты для недобросовестных налогоплательщиков. Данные фиктивные документы направляются заказчику либо по его поручению предоставляются в налоговые органы. Организаторы противоправной деятельности, сбывая «бумажный НДС», получают незаконное вознаграждение в виде определенного процента (к примеру, 2-3%) от суммы, указанной в фиктивных документах³.

Представляется, что данная противоправная деятельность схожа по своей сути с пособничеством. Но поскольку состав преступления, предусмотренного ст. 173³ УК РФ, новый, следует сначала уделить внимание его краткой уголовно-правовой характеристике.

¹ Цуканов А.Н. О некоторых проблемах противодействия незаконным действиям с НДС уголовно-правовыми средствами // Права человека: история, теория, практика: десятая Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей, Курск, 15 ноября 2022 года / Юго-Западный государственный университет. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2022. С. 76.

² Федеральный закон от 23.11.2024 № 406-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2024. 27 ноября.

³ Законопроект № 263208-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28-1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/263208-8#bh_histras (дата обращения: 29.04.2025).

Основным непосредственным объектом являются общественные отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, предметом – подложные счета-фактуры, налоговые декларации (расчеты) от имени юридических лиц, образованных через подставных лиц, либо с использованием персональных данных, полученных незаконным путем (далее – подложные документы). Такие организации являются «техническими» компаниями, их признаки конкретизированы в разделе IV Письма ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@¹.

Согласно примечанию к ст. 173³ УК РФ подложными являются счета-фактуры и (или) налоговые декларации (расчеты), если они содержат ложные сведения об отгрузке товаров, о выполнении работ, об оказании услуг, о передаче имущественных прав.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 173³ УК РФ, характеризуется деяниями в форме альтернативных действий по организации деятельности по представлению в налоговые органы РФ подложных документов либо сбыту подложных документов, сопряженных с извлечением дохода в крупном размере (ч. 1) или особо крупном размере (п. «б» ч. 2)². По конструкции объективной стороны состав формальный.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 173³ УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла. Обязательному доказыванию подлежит заведомая осведомленность лица о подложности документа. Субъект преступления общий.

Чтобы понять значение использования подложных документов при совершении налогового мошенничества (ст. 159 УК РФ) или налогового преступления (ст. 198, 199 УК РФ)³, необходимо обратиться к положениям налогового законодательства.

В соответствии со ст. 169 Налогового кодекса РФ «счет-фактура является документом, служащим основанием для принятия покупателем предъявленных продавцом товаров (работ, услуг), имущественных прав (включая комиссионера, агента, которые осуществляют реализацию товаров (работ, услуг), имущественных прав от своего имени) сумм налога к вычету». По общему правилу, счета-фактуры составляются и выставляются в бумажном виде. Счета-фактуры оформляются в электронной форме только по соглашению сторон и при наличии технической возможности.

Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 03.06.2014 № 17-П «обязанность продавца уплатить налог на добавленную стоимость в бюджет и право покупателя применить налоговый вычет связаны с одним и тем же юридическим фактом – выставлением счета-фактуры: право покупателя на

¹ Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

² Суммы, образующие крупный и особо крупный размер для целей ст. 173³ УК РФ предусмотрены примечанием к ст. 170² УК РФ.

³ О допустимости такой квалификации см.: Лошкарёв В.В. От незаконного обналичивания к «бумажному НДС» // Законность. 2021. № 1 (1035). С. 46

такой вычет ставится в зависимость от предъявления ему продавцом сумм налога на добавленную стоимость в порядке, предусмотренном данным Кодексом, т.е. посредством счета-фактуры (пункт 1 статьи 169), а обязанность продавца перечислить сумму этого налога в бюджет обусловлена выставлением им счета-фактуры с выделением в нем соответствующей суммы отдельной строкой»¹.

Порядок применения налоговых вычетов НДС определен в ст. 172 Налогового кодекса РФ². Согласно ст. 176 этого нормативного правового акта сумма превышения по итогам налогового периода суммы налоговых вычетов общей суммы НДС, исчисленной по операциям, признаваемым объектом налогообложения, подлежит возмещению налогоплательщику после проведения камеральной проверки представленной налоговой декларации. В случаях, предусмотренных ст. 176¹ Налогового кодекса РФ, налогоплательщик может воспользоваться правом на заявительный порядок возмещения НДС.

В соответствии со ст. 88 Налогового кодекса РФ налоговый орган проводит камеральную налоговую проверку на основании налоговой декларации и документов, представленных налогоплательщиком, а также других документов о деятельности налогоплательщика, имеющихся у налогового органа. Налоговый орган имеет право истребовать у налогоплательщика документы, подтверждающие правомерность применения вычетов; истребовать у налогоплательщика счета-фактуры, первичные и иные документы, относящиеся к указанным операциям в случаях выявления противоречий между сведениями об операциях, содержащимися в налоговой декларации налогоплательщика НДС, сведениям об указанных операциях, содержащимся в налоговой декларации по налогу на добавленную стоимость, представленной в налоговый орган другим налогоплательщиком.

Учитывая, что НДС относится к числу косвенных налогов, совершение налогового преступления или налогового мошенничества маловероятно без предоставления в налоговый орган подложных документов, содержащих заведомо ложные сведения об операциях между этими налогоплательщиками.

До введения новой ст. 173³ УК РФ привлечение организаторов и участников «площадок», на которых организован незаконный оборот подложных счетов-фактур и налоговых деклараций (далее – «площадок»), представляло серьезные сложности. При отсутствии результатов оперативно-разыскной деятельности (прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.06.2014 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 6 и 7 статьи 168 и пункта 5 статьи 173 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом «Камснаб»

² Расследование налоговых преступлений: Учебное пособие для студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры, слушателей, аспирантов и адъюнктов, преподавателей юридических вузов и факультетов / Е.Г. Быкова, Н.Б. Вахмянина, П.В. Вдовцев [и др.]. – 3-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2023. С. 49.

каналов связи и т.д.) было проблематично доказать согласованность действий заказчиков подложных документов и «площадок». Вследствие этого привлечение всех соучастников к ответственности было маловероятно. В рамках действующей редакции уголовного закона имеется возможность в кратчайшие сроки привлекать к уголовной ответственности лиц, занимающихся фиктивным документооборотом в интересах заказчиков. Квалификация не зависит от установления приобретателей подобных поддельных документов и привлечения их к ответственности. Важно собрать достаточную доказательственную базу.

Так, незаконная деятельность «площадок» может быть задокументирована в ходе оперативно-разыскных мероприятий и подтверждена доказательствами, позволяющими в числе прочего определить размер извлеченного преступного дохода от противоправной деятельности.

Сложности выявления и документирования рассматриваемой противоправной схемы связаны с тем, что заказчики приобретения подобных незаконных документов у «площадок», как и организаторы и участники «площадок», принимают серьезные меры для конспирации своей деятельности.

На основе собственного опыта расследования таких уголовных дел можно выделить использование серверов, находящихся за пределами России, а также программ, которые шифруют IP-адреса; разработку подробных инструкций на случай проведения сотрудниками правоохранительных органов обысков (осмотров), допросов; направление на допросы «номинальных» руководителей совместно с адвокатами с целью недопущения дачи показаний, изобличающих организаторов незаконной деятельности; маскировку своих преступных действий под реальные финансово-хозяйственные отношения без намерения создать соответствующие правовые последствия (например, заключение ничтожных договоров); использование в схемах фиктивных взаиморасчетов сомнительных операций, в которых отсутствует централизованная система учета (например, учета выдачи векселей и перехода прав на них либо уступка несуществующих долгов).

Так, в следственный орган СК России из налогового органа поступили материалы о деятельности на территориях нескольких российских регионов «площадок», занимающихся продажей «бумажного НДС» и обналичиванием денежных средств. Один из выгодоприобретателей этой незаконной схемы возместил НДС и причинил материальный ущерб бюджету РФ на сумму более полумиллиарда рублей. Было возбуждено одно уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ по факту хищения бюджетных средств в конкретном налоговом периоде. Следователями совместно с сотрудниками ФСБ России и ФНС России были организованы и проведены обыски, в том числе по месту расположения серверов, использующихся «площадками» для незаконной деятельности. Это позволило оперативно и точно изъять как бумажные, так и электронные следы деятельности «площадок» (черная касса, сведения о заказчиках и иные). В результате удалось найти «технические» компании (индивидуальных предпринимателей и физических лиц), которые декларировали недостоверные

сведения о хозяйственной деятельности. Были задержаны предполагаемые организаторы и соучастники преступления.

Одновременно с расследованием уголовного дела налоговыми органами была организована и проведена выездная налоговая проверка за три предшествующих финансовых года в отношении юридического лица, занимающегося незаконным возмещением НДС (заказчика). Установлены иные заказчики «бумажного НДС», получавшие незаконные вычеты.

Изъятые в ходе проведенных следователями обысков документы, допросы заказчиков позволили установить порядок взаимодействия «площадок» с заказчиками, способы обмена фиктивными документами, размер незаконного вознаграждения в виде процентов от суммы, указанной в фиктивных документах, а также способы расчета заказчика с «площадкой» за полученный «бумажный НДС».

Имеющаяся доказательственная база свидетельствовала о том, что сами «площадки» занимались незаконным возмещением. Было установлено, что заказчики подобной схемы и лица, содействовавшие совершению хищения бюджетных средств (организатор «площадки», бухгалтер «площадки», юрист «площадки», кассир «площадки», а также дроповод (сленговое) «площадки»), являются участниками одной организованной группы. Причем длительность ее функционирования была связана с коррупционными проявлениями в правоохранительных и налоговых органах, а также сложностью схемы совершаемого преступления. Она состояла в формировании необоснованной налоговой минимизации по документально оформленным сделкам с «техническими» компаниями. На самом деле совершались сделки, по которым поставка продукции действительно осуществлялась, но напрямую от реальных поставщиков до конечных покупателей, минуя «технические» компании. Это позволило искусственно увеличить стоимость товара посредством его закупки у «технических» компаний с наценкой по отдельным позициям от 100 до 400 %.

По данному уголовному делу была проведена судебная финансово-экономическая экспертиза с целью установления суммы НДС, незаконно возмещенного из бюджета, без учета сделок с «техническими» компаниями, при условии, что вместо них имели место сделки с заводами-изготовителями, торговыми домами (проведена «налоговая реконструкция»¹). По ее результатам проверены и подтверждены расчеты налогового органа. Это немаловажный факт, поскольку неустановление точного размера недоимки, которая имеет криминообразующее значение, препятствует разрешению дела по существу².

¹ Это способ расчета сумм доначислений по налогам исходя из их реального экономического смысла. То есть по сделке, по которой произошло злоупотребление или искажение фактов хозяйственной деятельности, доначисления рассчитываются с учетом действительной стоимости товара, реально понесенных налогоплательщиком расходов и вычетов НДС, как если бы налогоплательщик не допускал нарушений (п. 2 Письма ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@).

² Зубцов А.А. К вопросу о налоговой реконструкции в уголовных делах // Уголовное право. 2024. № 6 (166). С. 15.

Таким образом, при расследовании уголовного дела по факту налогового мошенничества собрана достаточная доказательственная база. Однако возникло множество квалификационных проблем. В рамках данной публикации следует уделить внимание вопросу о необходимости квалификации действий организаторов «площадок» по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ и ст. 173³ УК РФ.

Как видится, по аналогии с правоприменительной практикой по уголовным делам о незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ), связанной с налоговым мошенничеством (ст. 159 УК РФ) или налоговыми преступлениями (ст. 198, 199 УК РФ), ответ на обозначенный вопрос обусловлен присутствием одной из типичных ситуаций.

В первой из них заказчик «бумажного НДС» и организаторы «площадки» являются участниками одной организованной группы. Среди них есть лица, которые путем обмана, т.е. представления содержащей заведомо ложные сведения налоговой декларации НДС и сопутствующих документов, предпринимают попытку неуплаты налога в бюджет (если уменьшается налогооблагаемая база) или возмещения суммы налога из бюджета, то есть совершают налоговое мошенничество или налоговое преступление. Другие участники этой же организованной группы представляют от имени «технических» компаний в налоговый орган документы, которые в ходе проведения камеральной налоговой проверки методом «встречной проверки» создают видимость достоверности сведений, представленных налогоплательщиком, заявившим право на вычеты или возмещение НДС из бюджета. Получается, что такие субъекты предоставляют налогоплательщику средства совершения налогового мошенничества или налогового преступления либо обещают скрыть следы такого преступления. Ввиду того, что в организованной группе все субъекты, умыслом которых охватывалось совершение преступления, независимо от роли являются соисполнителями, содеянное всеми соучастниками видится необходимым оценивать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 159 либо ст. 198 или 199 УК РФ и ст. 173³ УК РФ без ссылки на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Во второй ситуации заказчик «бумажного НДС» вступает в предварительный сговор с организаторами «площадки» на приобретение у последних поддельных счетов-фактур или представления в налоговый орган налоговой декларации «технической» компании. Организаторы «площадки», осведомленные о преступном умысле «заказчика», как и в предыдущей ситуации, совершают действия, являющиеся по своей сути пособничеством в преступлении: сбывают поддельные документы (предоставляет средство совершения преступления) либо представляют такие документы в налоговый орган (скрывает следы преступления). Ввиду того, что заказчик «бумажного НДС» и организаторы «площадки» не являются участниками одной организованной группы, квалификация меняется. Содеянное заказчиком «бумажного НДС» в зависимости от обстоятельств дела оценивается по ст. 159 УК РФ либо ст. 198 или ст. 199 УК РФ, действия организаторов «площадки» – по совокупности

преступлений, предусмотренных ст. 173³ УК РФ и ч. 5 ст. 33, ст. 159 УК РФ или ст. 198, 199 УК РФ.

В третьей ситуации, послужившей поводом для дополнения уголовного закона ст. 173³ УК РФ, организаторы «площадки» не осведомлены о замыслах заказчика «бумажного НДС». У них своя цель – получить преступный доход от действий с подложными документами. Поскольку обязательным субъективным признаком соучастия в преступлении является единый преступный умысел у всех соучастников, отсутствие осведомленности организаторов «площадки» о целях приобретения документов или о целях представления в налоговый орган налоговых деклараций от имени «технических» компаний, как видится, делает невозможным признание этих субъектов соучастниками преступления, совершаемого организатором. В настоящее время препятствий для привлечения таких лиц к ответственности не существует. Действия «заказчика» по-прежнему оцениваются ст. 159 УК РФ или ст. 198, 199 УК РФ. Содеянное организатором «площадки» следует квалифицировать по ст. 173³ УК РФ.

По итогам проведенного исследования можно заключить, что для квалификации содеянного заказчиком «бумажного НДС» и организаторами «площадки» следует устанавливать, какие договоренности достигнуты между ними, как осуществлялось взаимодействие, какими документами они обменивались. Кроме того, нужно доказывать факт отсутствия реальных хозяйственных взаимоотношений между заказчиком-налогоплательщиком и «техническими» компаниями. На квалификацию содеянного по ст. 173³ УК РФ действий организаторов «площадок» не влияет факт неустановления заказчиков. Вместе с тем наличие осведомленности организаторов «площадки» о целях приобретения заказчиком подложных счетов-фактур или представления в налоговый орган от имени «технических» компаний подложной налоговой декларации либо счетов-фактур может свидетельствовать о соучастии организаторов «площадок» в совершении налогового преступления или налогового мошенничества, что потребует дополнительной правовой оценки с учетом положений о соучастии в преступлении.

Литература

1. Бастрыкин А.И. О практике взаимодействия следственных органов Следственного комитета Российской Федерации с Федеральной таможенной службой // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 1 (39). С. 15–18.
2. Зубцов А.А. К вопросу о налоговой реконструкции в уголовных делах // Уголовное право. 2024. № 6 (166). С. 14–21.
3. Лошкарев В.В. От незаконного обналичивания к «бумажному НДС» // Законность. 2021. № 1 (1035). С. 45–47.
4. Расследование налоговых преступлений: Учебное пособие для студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры, слушателей, аспирантов и адъюнктов, преподавателей юридических вузов и факультетов / Е.Г. Быкова,

Н.Б. Вахмянина, П.В. Вдовцев [и др.]. – 3-е издание, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2023. 322 с.

5. Цуканов А.Н. О некоторых проблемах противодействия незаконным действиям с НДС уголовно-правовыми средствами // Права человека: история, теория, практика: XX Всероссийская научно-практическая конференция: сб. статей, Курск, 15 ноября 2022 г. / Юго-Западный государственный университет. Курск: Университетская книга, 2022. С. 73–77.

Д.С. Могильников
четвертое следственное управление
(с дислокацией в городе Екатеринбург)
Главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации

Затягивание процесса ознакомления с материалами многоэпизодных и многофигурантных уголовных дел

Аннотация. В приведенной статье рассматриваются проблемы длительности процесса ознакомления с материалами уголовных дел после принятия решения об окончании предварительного следствия. Описаны типичные проблемы, возникающие на практике при подготовке и рассмотрении ходатайств об установлении определенных сроков ознакомления с делом потерпевших и их представителей, а также обвиняемых и их защитников. Автором с учетом собственного практического опыта проанализирована актуальная судебная практика по освещаемому вопросу.

Ключевые слова: ограничение сроков ознакомления с материалами уголовного дела, направление уголовного дела прокурору, судебный контроль, злоупотребление правом, разумный срок

В научной литературе справедливо отмечается, что предоставленные на этапе ознакомления с материалами уголовного дела стороне защиты юридические преференции содержат в себе потенциал для злоупотребления правом¹. Отмечается, что при всей парадоксальности представители следствия порой сталкиваются с большими сложностями не в процессе доказывания признаков преступления, совершенного определенными субъектами, а в рамках выполнения требований ст. 215-219 УПК РФ с их участием².

В этом убеждает и анализ практики расследования многоэпизодных и многофигурантных уголовных дел, который показывает, что временной период ознакомления с материалами таких уголовных дел сопоставим со сроками предшествующего ему расследования, а порой может и значительно превышать их. Это ведет к истечению сроков давности привлечения к уголовной

¹ Россинский С.Б. Правила ознакомления с материалами уголовного дела: требуются новые подходы // Российский следователь. 2025. № 3. С. 16–20.

² Казаков А.А., Каркошко Ю.С. Некоторые проблемы ознакомления с материалами уголовных дел обвиняемых, не содержащихся под стражей // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 2 (24). С. 81.

ответственности и соответствующему прекращению уголовного преследования. Данное обстоятельство предполагает изменение объема обвинения и необходимость дополнения материалов уголовного дела в процессе выполнения требований ст. 217 УПК РФ новыми постановлениями о привлечении в качестве обвиняемых и их допросами. Тем самым в очередной раз усложняется процессуальная деятельность следователя. Одновременно встает вопрос о нарушении прав потерпевших на рассмотрение дела судом в разумный срок, а также невозможности взыскания ими ущерба, причиненного преступлением, без самостоятельного обращения в суд в рамках гражданского судопроизводства.

Возникновение указанных проблем обусловлено следующими факторами.

В соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК РФ, если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время ознакомления с указанными материалами, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке ч. 3 ст. 125 УПК РФ, устанавливается определенный срок ознакомления с материалами уголовного дела.

При этом, если трактовать указанную норму буквально, то ограничить в сроках ознакомления возможно только обвиняемых и их защитников, приступивших к ознакомлению.

Вопрос о допустимости применения этой процедуры в отношении обвиняемых и их защитников, не приступивших к ознакомлению, является дискуссионным. Вместе с тем при решении указанного вопроса всегда необходимо исходить из фактических обстоятельств организации рассматриваемого процесса, в том числе и предоставления возможности знакомиться с материалами уголовного дела ранее, в случае если ознакомление проводится повторно, а уголовное дело предварительно возвращалось прокурором либо судом.

В связи с этим видится возможным привести положительную практику. Так, при рассмотрении ходатайства об установлении определенного срока для ознакомления обвиняемой и ее защитнику, не приступившим к ознакомлению, Ленинским районным судом города Екатеринбурга и Свердловским областным судом учтено, что ранее (до возвращения дела прокурором) данные участники с материалами уголовного дела знакомились. Учитывая указанные обстоятельства, было принято решение об удовлетворении соответствующего ходатайства¹.

Поэтому при возбуждении ходатайств об установлении определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемых и их защитников необходимо руководствоваться фактическими данными о динамике этого процесса, принимая во внимание, в том числе и предшествующие периоды ознакомлений при их наличии.

¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 29.01.2025 № 22К-529/2025 // Материалы уголовного дела № 160204909.

Также дискуссионным является вопрос об ограничении в сроках ознакомления с материалами уголовного дела потерпевших и их представителей.

Судебная практика по этому вопросу неоднозначна. Встречаются решения, согласно которым установление определенных сроков для ознакомления с материалами уголовного дела для потерпевших и их представителей в порядке ч. 3 ст. 217 УПК РФ невозможно¹, так как, по мнению суда, действующий уголовно-процессуальный закон не предусматривает такой процедуры².

Указанная позиция суда представляется несостоятельной, поскольку противоречит принципу состязательности сторон в уголовном процессе. В связи с этим видится возможным применение ч. 3 ст. 217 УПК РФ по аналогии в рассматриваемых случаях.

Еще одной проблемой, возникающей при рассмотрении ходатайств об установлении определенных сроков ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемым и их защитникам, является порядок такого рассмотрения, предусмотренный ст. 125 УПК РФ. Исходя из буквального толкования приведенной нормы, ходатайство следователя рассматривается в судебном заседании с участием самого следователя, прокурора, обвиняемого и его защитника. Неявка лиц, своевременно извещенных о времени рассмотрения ходатайства и не настаивающих на рассмотрении ходатайства с их участием, не является препятствием для рассмотрения ходатайства судом³.

Вместе с тем фактическое рассмотрение ходатайства без участия обвиняемого или защитника, права которых в ознакомлении ограничиваются, (даже при наличии защитника по назначению) может привести к отмене принятого судом решения в апелляционном порядке по причине нарушения права на защиту⁴.

Соответственно, думается, что рассмотрение судами ходатайств об установлении определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемым и их защитникам без их фактического участия в процессе не является целесообразным.

Также отдельной сложностью в организации ознакомления с материалами уголовного дела является процесс дополнения этих материалов в порядке ст. 219 УПК РФ. Существует практика составления по результатам ознакомления с такими материалами протоколов в соответствии со ст. 218 УПК РФ, что подразумевает возможность заявления различного рода ходатайств со стороны обвиняемых и их защитников, в том числе и о

¹ Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 04.02.2020 № 22-304/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ugUaEjM2UsHW/> (дата обращения: 15.05.2025).

² Там же

³ Копейкина И.В. Особенности ограничения ознакомления с материалами уголовного дела // Научное образование. 2024. № 1 (22). С. 142.

⁴ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 28.02.2025 № 22К-1169/2025 // Материалы уголовного дела № 160204909.

дополнении материалов уголовного дела, с которыми после составления соответствующих протоколов вновь возникает необходимость знакомить всех участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, при расследовании многоэпизодных и многофигурантных уголовных дел может сложиться ситуация постоянного заявления ходатайств о дополнении их материалов, что ставит вопрос о невозможности окончания соответствующей процедуры ввиду необходимости составления протоколов ознакомления с новыми и новыми материалами участников производства.

Представляется, что указанную проблему возможно решить при изложении в резолютивной части ходатайств следователей об установлении сроков ознакомления с делом просьб об ограничении обвиняемых и их защитников в сроках для заявления ходатайств о дополнении материалов уголовного дела, а также об ознакомлении с этими материалами. При оценке судами этих просьб, подкрепленных необходимыми доводами, на практике допустимо рассчитывать на определение конкретных сроков для завершения процесса ознакомления со всеми материалами уголовного дела, в том числе и полученными в ходе выполнения требований ст. 217 УПК РФ.

Литература

1. Казаков А.А., Каркошко Ю.С. Некоторые проблемы ознакомления с материалами уголовных дел обвиняемых, не содержащихся под стражей // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 2 (24). С. 81–84.

2. Копейкина И.В. Особенности ограничения ознакомления с материалами уголовного дела // Научное образование. 2024. № 1 (22). С. 141–144.

3. Россинский С.Б. Правила ознакомления с материалами уголовного дела: требуются новые подходы // Российский следователь. 2025. № 3. С. 16–20.

З.А. Незнамова

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева

Разграничение продолжаемых и повторных хищений в следственной и судебной практике

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы разграничения продолжаемых и повторных хищений в российской следственной и судебной практике. Автор анализирует правоприменительные подходы на основе постановлений Пленума Верховного Суда РФ, в том числе актуализированных в недавнем постановлении от 12.12.2023 № 43. Определяются ключевые признаки продолжаемого преступления: наличие двух и более тождественных деяний, противоправность, единство умысла, незначительный временной разрыв, аналогичный способ совершения, а также направленность на достижение общей цели. Особое внимание уделено различиям между продолжаемым хищением и совокупностью преступлений. Приведены

примеры судебной практики, демонстрирующие как корректное, так и ошибочное применение указанных критериев. Анализ показывает необходимость единообразного подхода к оценке признаков продолжаемых хищений в целях обеспечения справедливости и законности при рассмотрении уголовных дел.

Ключевые слова: продолжаемое преступление, продолжаемое хищение, совокупность преступлений, судебная практика

Длительное время понятие продолжаемого преступления и его отличие от таких видов множественности преступлений, как совокупность и повторность (неоднократность), было определено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям». В этом документе продолжаемое преступление определялось таким образом: «Весьма сходны с длящимися преступлениями преступления продолжаемые, т.е. преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. К этим преступлениям относится, например, истязание, выражающееся в систематическом нанесении побоев (ст. 113 УК РСФСР)»¹.

Данное определение использовалось правоприменительными органами без малого 100 лет. Нельзя сказать, что в практике Верховного Суда РФ вопрос относительно понятия и уголовно-правовой оценки продолжаемых преступлений не обсуждался совсем. Некоторые положения были закреплены в постановлениях Пленума Верховного суда РФ, посвященных отдельным видам преступлений, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»² или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»³.

Однако вновь к понятию длящихся и продолжаемых преступлений Верховный Суд РФ обратился лишь в 2023 году в постановлении от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 № 23 (ред. от 14.03.1963) «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» // СПС КонсультантПлюс.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

о длящихся и продолжаемых преступлениях»¹ (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43). В п. 4 этого документа продолжаемое преступление определяется как «состоящее из двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом». При этом высшая судебная инстанция разъясняет, что «продолжаемое преступление может быть образовано как деяниями, каждое из которых в отдельности содержит все признаки состава преступления (в частности, при получении или даче взятки в несколько приемов; легализации имущества, добытого преступным путем, посредством нескольких финансовых операций или сделок с таким имуществом), так и деяниями, каждое или часть из которых не содержат всех признаков состава преступления, но в своей совокупности составляют одно преступление (например, при хищениях путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты с противоправным изъятием чужого имущества по частям, когда отдельные деяния с учетом стоимости похищенного имущества не являются уголовно наказуемыми)». Пленум Верховного Суда РФ акцентирует внимание на необходимости установления единого умысла виновного, о котором «могут свидетельствовать, в частности, такие обстоятельства, как совершение тождественных деяний с незначительным разрывом во времени, аналогичным способом, в отношении одного и того же объекта преступного посягательства и (или) предмета преступления, направленность деяний на достижение общей цели».

Из данного определения следует выделить подлежащие установлению по уголовному делу признаки продолжаемого преступления, позволяющие правоприменителям отграничивать такие деяния от совокупности преступлений.

Во-первых, продолжаемое преступление складывается из двух и более деяний. Два эпизода – это минимальное количество, а максимальное количество может быть сколь угодно. Поскольку Верховный Суд РФ употребляет термин «деяние», можно сделать вывод, что продолжаемое преступление может совершаться как путем действия, так и путем бездействия.

Во-вторых, данные деяния должны быть тождественными. Речь идет не о фактической, а о юридической тождественности, хотя следует отметить, что в большинстве случаев в продолжаемом преступлении имеет место и фактическая тождественность поведения. Этот признак особенно важен для продолжаемых хищений, которые будут предметом исследования в данной работе. Тождественные деяния при хищении предполагают совершение хищения одним способом. Иными словами, продолжаемым хищением может быть признано несколько краж, но не кража и мошенничество, или кража и присвоение и растрата.

В-третьих, деяния должны быть противоправными. Верховный Суд РФ по этому поводу поясняет, что каждый эпизод продолжаемого преступления не

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 1.

обязательно должен быть преступным. Это может быть несколько административных правонарушений. Для хищения это указание является важным в связи с наличием предусмотренной в ст. 7.27 КоАП РФ административной ответственности за некоторые мелкие хищения.

Четвертым признаком продолжаемого преступления является единство умысла. Эта особенность субъективной стороны позволяет ограничивать продолжаемое преступление от совокупности преступлений, ибо три предыдущих признака (совершение двух или более тождественных и противоправных деяний) могут иметь место и при совокупности преступлений.

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 приводится еще ряд признаков продолжаемого преступления, которые, однако, не выделяются как самостоятельные, а рассматриваются в качестве доказательства единства умысла. Вместе с тем они представляются нам крайне важными для решения вопроса о признании или непризнании преступления продолжаемым. Речь идет о незначительном разрыве во времени, аналогичном способе посягательства и едином объекте и (или) предмете преступления, а также направленности деяний на достижение общей цели.

Значимость данных признаков подчеркивается в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29), согласно которому «от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление»¹.

В чем же отличие данного определения продолжаемого хищения от определения продолжаемого преступления?

Первое из них заключается в том, что согласно приведенному разъяснению постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 продолжаемыми следует считать ряд тождественных преступных действий, тогда как в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 данные действия могут быть как преступными, так и не преступными, а противоправными. Представляется, что новая редакция продолжаемого преступления должна быть распространена и на продолжаемые хищения, поскольку в действительности каждый эпизод продолжаемого хищения может быть признан мелким хищением.

Второе отличие состоит в толковании признака «изъятие имущества из одного и того же источника». Он представляется определяющим при разграничении продолжаемого хищения и совокупности нескольких хищений, ибо незначительный промежуток времени является весьма и весьма оценочным понятием, чего не скажешь о едином источнике хищения. Единство источника

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.

предполагает и единого потерпевшего. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 этот признак четко не зафиксирован, хотя имеется указание на единство объекта и (или) предмета преступного посягательства.

Учитывая, что «суды и судьи в процессе отправления правосудия могут толковать закон только буквально, то есть в полном соответствии с его буквой и духом»¹, хотелось бы обратиться к тому, как правоприменительные органы толкуют указанные выше признаки продолжаемого преступления и какая уголовно-правовая оценка дается данному поведению.

Так, по приговору суда ФИО1 осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ за мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, в особо крупном размере. ФИО1 вводил граждан в заблуждение относительно наличия у кооператива и у него лично законной возможности возвести и ввести в эксплуатацию многоквартирные жилые дома и передать им в собственность индивидуально-определенные жилые помещения в них в короткие сроки по цене ниже рыночной и заключал договоры о паевом участии в строительстве с ЖСК, либо заключать предварительные договоры купли-продажи помещения с ним как с физическим лицом, на основании которых граждане должны были передавать в адрес кооператива либо ему как физическому лицу денежные средства в наличной и безналичной формах в качестве оплаты паевых взносов и цены договора соответственно, а полученные от граждан деньги он намеревался безвозмездно обращать в свою пользу и распоряжаться ими по своему усмотрению на свои корыстные цели. Всего ФИО1 в период с 13.09.2016 по 07.09.2021 путем обмана и злоупотребления доверием совершил хищение принадлежащих 20-ти гражданам денежных средств в особо крупном размере в общей сумме 17203041,00 рублей, распорядился ими по своему усмотрению, а взятые от своего имени и имени ЖСК обязательства перед этими гражданами не выполнил².

Как следует из приговора, хищение совершалось в течение 5 лет, что вряд ли можно признать незначительным промежутком времени между отдельными эпизодами. Изъятие денег совершено у 20 разных лиц в разное время. В каждом из этих 20 эпизодов страдал разный непосредственный объект преступления в виде частной собственности конкретных граждан, вред причинялся различным потерпевшим. Все это дает основания считать, что в данном случае имеет место 20 самостоятельных эпизодов хищения, образующих реальную совокупность преступлений. С учетом сумм причиненного отдельным потерпевшим материального ущерба имело место хищение в крупном или особо крупном размере.

Между тем суд пришел к выводу, что «ФИО1 действовал с единым умыслом на хищение денежных средств путем мошенничества у неопределенного круга

¹ Незнамова З.А. Расширительное толкование: пределы судебного усмотрения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 4 (44). С. 169.

² Приговор Ленинского районного суда г. Севастополя от 13.09.2024 № 1-375/2023 (дело № 1-375/2023) // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.05.2025).

граждан, преступление являлось продолжаемым, совершалось одним способом. Таким образом, действия ФИО1 подлежат квалификации как единое преступление»¹.

В другом случае ФИО5 осужден по ч. 3 ст. 159 УК РФ за хищение в период с 19 июня 2018 года по 28 февраля 2019 года денежных средств, принадлежащих потерпевшей ФИО, в общей сумме 410 000 рублей, что в соответствии с примечанием 4 к ст. 158 УК РФ является крупным размером, тем самым причинив последней ущерб на указанную сумму. Виновный совершил несколько эпизодов мошенничества в отношении одной и той же потерпевшей, обманывая ее относительно необходимости получения денег на лечение своей матери либо на организацию ее похорон².

Единство объекта преступного посягательства, единый источник изъятия, одна потерпевшая, относительно небольшой промежуток времени между эпизодами, юридически тождественный способ хищения – путем обмана, свидетельствует о продолжаемом преступлении. Как видится, органы следствия в данном случае квалифицировали действие виновного правильно.

Между тем суд пришел к другому выводу: «Из обстоятельств предъявленного обвинения судом установлено, что каждый раз в различные периоды времени у ФИО5 возникал умысел на совершение мошенничества в разных денежных суммах в отношении ФИО путем злоупотребления доверием последней и введения ее в заблуждение в результате различных способов обмана³. По смыслу закона, если лицо совершило **не продолжаемое преступление** (выделено Незнамовой З.А.), а несколько разных хищений, определять его размер, исходя из общей стоимости похищенного имущества, недопустимо. При таких обстоятельствах содеянное ФИО5 не может расцениваться как **продолжаемое преступление** (выделено Незнамовой З.А.), данные действия образуют **совокупность преступлений** (выделено Незнамовой З.А.) и подлежат переквалификации с ч. 3 ст. 159 УК РФ на ч. 1 ст. 159 УК РФ по каждому эпизоду преступлений, совершенных в отношении потерпевшей ФИО, как мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана»⁴.

И уж совсем странным представляется приговор суда, постановленный в отношении ФИО7. Суд указал, что согласно предъявленному ФИО7 обвинению он примерно в 15 часов 49 минут завладел денежными средствами в сумме 600 000 рублей, которые потерпевшая, будучи введенной в заблуждение, получила, оформив на свое имя кредит в «Альфа-Банке», после чего скрылся с

¹ Там же.

² Постановление Вологодского городского суда от 21.07.2024 № 1-792/2024 (дело № 1-792/2024) // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Заметим, способ совершения хищения юридически был тождественным – обман. Различались лишь фактические признаки обмана – лечение матери, смерть матери, иные сведения.

⁴ Постановление Вологодского городского суда от 21.07.2024 № 1-792/2024 (дело № 1-792/2024) // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.05.2025).

места происшествия. Далее потерпевшая под влиянием обмана в 19 часов 14 минут вновь попыталась оформить на свое имя кредит в размере 600 000 рублей в ПАО «ВТБ», однако поняла, что ее обманывают, и обратилась в полицию. По мнению суда, при таких обстоятельствах действия ФИО7 необходимо квалифицировать, как два самостоятельных преступления, поскольку «по смыслу закона, если лицо совершило не продолжаемое преступление, а несколько разных хищений, определять его размер, исходя из общей стоимости похищенного имущества, недопустимо»¹.

Преступление совершено с интервалом в несколько часов, одним и тем же способом (путем обмана потерпевшей, оформлявшей кредиты в разных банках), из одного источника, пострадали один и тот же объект и потерпевшая. Несмотря на эти обстоятельства, очевидно свидетельствующие о признаках продолжаемого хищения, суд решил, что имеет место совокупность преступлений.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что органы следствия и суды сталкиваются с проблемой произвольного толкования признаков продолжаемого хищения, а также затруднениями в разграничении таких деяний с совокупностью преступлений. Анализ показывает необходимость единообразного подхода к оценке признаков продолжаемых хищений в целях обеспечения справедливости и законности при рассмотрении уголовных дел.

Литература

Незнамова З.А. Расширительное толкование: пределы судебного усмотрения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 4 (44). С. 168–174.

Е.В. Пейсикова^{1,2}

¹ Верховный Суд Российской Федерации

² Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева

Проблемы применения статьи 238 УК РФ

Аннотация. Публикация посвящена анализу практики применения судами примечания к ст. 238 УК РФ, введенного Федеральным законом от 28.12.2024 № 514-ФЗ, согласно которому действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи. Автор анализирует вопросы разграничения понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга», а также проблемы разграничения смежных преступлений, совершаемых медицинскими работниками.

¹ Приговор Химкинского городского суда от 06.06.2023 № 1-380/2023 (дело № 1-380/2023). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.05.2025).

Ключевые слова: оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, медицинские работники, медицинская помощь, медицинские услуги

Как любая другая норма, содержащая уголовно-правовые запреты с большим количеством оценочных признаков, то есть таких признаков, содержание которых не раскрывается в уголовном законе, но именно наличие их в норме вызывает определенные трудности для правоприменения, ст. 238 УК РФ по совокупности правоприменительных проблем находится в широком кругу лидеров.

Вообще трудно найти норму в действующем уголовном законе, которая бы не вызывала вопросов в толковании и применении. Однако именно ст. 238 УК РФ долгие годы является объектом изучения теоретиками уголовного права: анализируются ее криминообразующие и квалифицирующие признаки, выявляются противоречия в толковании и применении в различных сферах общественных отношений.

Установление содержания оценочных признаков, отражающих отдельные свойства или характеристики состава преступления, возложено на самого правоприменителя – на суд.

Безусловно, чем больше оценочных признаков в норме, тем шире рамки правовой неопределенности в регулировании тех или иных правоотношений, создающих, в свою очередь, опасность для произвольного толкования закона судом.

Судебная практика, опираясь на разъяснения в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам и практикообразующие решения, в целом успешно преодолевает соответствующую неопределенность.

Вместе с тем жизнь подбрасывает нам новые правоприменительные проблемы, которые актуальны и сложны для разрешения и требуют отдельного анализа и изучения.

Одной из таких актуальных проблем на сегодняшний день является проблема применения примечания к ст. 238 УК РФ.

Федеральным законом от 28.12.2024 № 514-ФЗ¹ ст. 238 УК РФ дополнена примечанием, согласно которому действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи.

В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что в правоприменительной практике встречаются случаи, когда оказываемая медицинским работником медицинская помощь необоснованно относится к услугам в рамках гражданско-правовых отношений и, как следствие, деяния квалифицируются по ст. 238 УК РФ.

¹ Федеральный закон от 28.12.2024 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Когда этот законопроект¹ вносился в Государственную Думу РФ в марте 2024 г., он изучался в Верховном Суде РФ. Дважды на него был дан критический отзыв, в котором указывалось, что это примечание не будет отвечать критерию правовой определенности без предварительного разграничения в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»² (далее – Закон об охране здоровья) двух понятий: «медицинская помощь» и «медицинская услуга».

Между тем мы не были услышаны, и обозначенная проблема актуализировалась с введением данного примечания, вступившего в силу с 8 января 2025 г.

Действительно, многие проблемы правоприменения носят «рукотворный характер» и образуются вопреки воле Верховного Суда РФ, и даже, более того, при его активном предостережении о неизбежном возникновении негативных последствий в виде правовой неопределенности.

Проблема ограничения ответственности медицинских работников за оказание небезопасных медицинских услуг (по ст. 238 УК РФ) от ответственности за причинение вреда жизни и здоровью человека по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (по ст. 109 и 118 УК РФ) была достаточно острой и до внесения указанных изменений в ст. 238 УК РФ.

Правовая неопределенность в вопросе разграничения ст. 238 УК РФ и ст. 109 УК РФ явилась основанием для обращения гражданки Бесединой в Конституционный Суд РФ³, у которой умерла дочь, находившаяся под воздействием седативных препаратов без должного контроля и постоянного контакта, то есть в результате небрежности оказания медицинской помощи, допущенной врачом анестезиологом-реаниматологом и медицинской сестрой, в отношении которых было прекращено уголовное дело по ч. 2 ст. 109 УК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Действия медиков привели к остановке дыхания и сердечной деятельности у ребенка с последующим его летальным исходом. Заявительница указывала в жалобе на нарушение ее конституционных прав ч. 2 ст. 109 и п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, поскольку, как она указывала в жалобе, по первой норме квалифицируются действия работников медицинских учреждений, связанных с оказанием медицинской помощи в рамках обязательного медицинского страхования, а по второй более строгой – квалифицируются аналогичные действия таких же лиц,

¹ Авторы поправки – депутаты Государственной Думы П.В. Крашенинников, Б.Н. Башанкаев; сенаторы Российской Федерации А.А. Клишас, Ж.Ю. Чефранова, И.В. Новиков, Н.С. Кувшинова, паспорт проекта № 670471-8 // СПС КонсультантПлюс.

² СПС КонсультантПлюс.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2024 № 1476-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бесединой Ильины Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 109 и пунктом «в» части второй статьи 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision772216.pdf> (дата обращения: 16.05.2025).

оказывающих медицинскую помощь на коммерческой основе по гражданско-правовому договору. Конституционный Суд РФ не нашел каких-либо противоречий в указанных нормах и отказал в принятии жалобы Бесединой, указав в Определении от 25.06.2024 № 1476-О, что данные нормы не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявительницы.

Между тем, несмотря на правовую позицию Конституционного Суда РФ, не нашедшего противоречий в разграничении этих норм, судебная практика применения указанных норм не отличалась единообразием. Вот два примера.

Так, по приговору Мещанского районного суда г. Москвы от 15.06.2021 был осужден Морозов С.В., работавший в клинике пластическим хирургом. Он произвел потерпевшей операцию «вторичная ринопластика» с использованием реберного трансплантата, взятого у пациентки.

В результате проведения некачественной медицинской манипуляции при заборе реберного трансплантата пациента у хирурга соскользнул заборный медицинский инструмент – скальпель, в результате чего потерпевшей было повреждено правое легкое, пристеночная плевра и легочная плевра, у нее развилось опасное для жизни состояние в виде гемопневмоторакса, то есть ей был причинен тяжкий вред здоровью. Действия врача были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, назначено наказание в виде 3 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима¹.

Второй пример.

По приговору Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области от 24.04.2023 Побокин С.А. – врач-хирург и он же заведующий хирургическим отделением клиники – не проконтролировал правильность определения степени тяжести состояния потерпевшей при поступлении в больницу, правильность проведения хирургического иссечения некротизированных мягких тканей в зоне пролежня, не обеспечил полноценное наблюдение и лечение послеоперационной пролежневой раны, без объективных оснований выписал больную из стационара на амбулаторное лечение при отрицательной лабораторной динамике, указывавшей на развитие сепсиса, от чего потерпевшая скончалась в результате сердечно-сосудистой и дыхательной недостаточности на фоне прогрессирования отека головного мозга. Действия врача квалифицированы по ч. 2 ст. 109 УК РФ, наказание назначено в виде 1 года ограничения свободы².

Таким образом, мы видим, что проблема разграничения ст. 238 и ст. 109 УК РФ в сфере медицины не нова.

Обобщение новейшей судебной практики показывает, что с введением обсуждаемого примечания, ограничивающего распространение ст. 238 УК РФ на медиков, данная проблема еще более усугубилась.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2022 № 5-УД22-91-К2 // СПС КонсультантПлюс.

² Приговор Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области от 24.04.2023 № 1-20/2023 // СПС КонсультантПлюс.

Так, ст. 238 УК РФ в числе иных предусматривает уголовную ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

При этом в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹ (далее – постановление № 18) разъясняется, что ст. 238 УК РФ предусмотрена ответственность за оказание услуг, которые по своему качеству не отвечают требованиям нормативных актов, если эти услуги являются опасными для жизни или здоровья человека (п. 1); что такие деяния характеризуются умышленной формой вины, и что несоответствие оказания услуг требованиям безопасности должно охватываться умыслом лица (п. 6).

В настоящее время применение ст. 238 УК РФ (в силу бланкетного характера нормы) при правовой оценке умышленных деяний, выразившихся в оказании медицинскими работниками медицинских услуг, опасных для жизни или здоровья человека, в первую очередь обусловлено положениями п. 3 и 4 ч. 1 ст. 2 Закона об охране здоровья.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 2 этого Закона «медицинская помощь» представляет собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг.

«Медицинская услуга» представляет собой медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение (п. 4 ч. 1 ст. 2 Закона об охране здоровья).

Как усматривается из данных положений, «медицинские услуги» являются частью «медицинской помощи».

В специальной литературе практически все исследователи приходят к выводу, что с правовой точки зрения разграничить эти понятия практически невозможно, в том числе и для целей уголовного права.

В связи с этим, как представляется, толкование примечания к ст. 238 УК РФ таким образом, что оно применяется только в отношении «медицинской помощи» и не распространяется на оказание медицинским работником «медицинских услуг», является сомнительным.

Из буквального толкования норм Закона об охране здоровья следует, что «медицинской помощью» должна признаваться и лечебная деятельность, направленная непосредственно на пациента, и деятельность по созданию условий для оказания медицинских услуг, а также деятельность по профилактике заболеваний, целью которой является поддержание здоровья граждан, но которая не направлена непосредственно на излечение пациента, а равно почти любая деятельность лиц, подпадающих под определение

¹ URL: <https://vsrf.ru/documents/own/28031/> (дата обращения: 16.05.2025).

медицинского работника, выполняемая в рамках исполнения профессиональных обязанностей.

Следовательно, можно сделать вывод, что из сферы действия ст. 238 УК РФ выводится практически любая деятельность медицинского работника при исполнении им профессиональных обязанностей, а не только подпадающая под определение медицинской услуги как действий, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний. Такое понимание терминов указывает на то, что введенное примечание исключает уголовную ответственность медицинских работников по ст. 238 УК РФ при оказании медицинских услуг, являющихся составной частью медицинской помощи, оказываемой пациенту в пределах их компетенции.

Судебная практика по применению судами этой уголовно-правовой новеллы – всего это 45 судебных решений – в настоящее время обобщена отделом систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ¹.

Анализ судебных решений показывает, что единообразный подход в применении примечания к ст. 238 УК РФ отсутствует, суды приходят к выводу о невозможности найти разграничение между понятиями «медицинской помощи» и «медицинской услуги».

Верховному Суду РФ еще предстоит дать оценку такой противоречивой судебной практике и найти то самое золотое зерно, которое позволит единообразно подойти к толкованию этой уголовно-правовой нормы применительно к медицинским работникам и определить практику применения указанного примечания.

Согласно новейшей судебной практике, суды делают вывод, что медицинские работники подлежат привлечению к ответственности по иным статьям уголовного закона при наличии указанных в них условий, и переквалифицируют их действия по оказанию небезопасных медицинских услуг на ст. 109 и 118 УК РФ. Вместе с тем имеются случаи прекращения уголовных дел или освобождения от наказания в связи с декриминализацией таких деяний. Имел место также и отказ в применении судом примечания к ст. 238 УК РФ.

Так, примером переквалификации действий по оказанию небезопасных медицинских услуг с п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ на ч. 2 ст. 109 УК РФ является дело в отношении Шелест Т.А. – врача акушера-гинеколога женской консультации ГБУЗ МО «Балашихинский родильный дом» – осужденной по приговору Железнодорожного городского суда Московской области от

¹ Справка о практике применения судами примечания к статье 238 УК РФ в отношении медицинских работников, подготовлена отделом систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации // Архив Верховного Суда Российской Федерации.

21.11.2023 за то, что она ввела с помощью шприца и пустотелой иглы в организм пациентки для местной анестезии половых органов 600 мг. препарата лидокаин 10%, купленного самой пациенткой до проведения процедуры и принесенного с собой, что является по объему смертельной дозой.

В результате оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, у потерпевшей развилось postanoxическое поражение головного мозга с развитием вегетативного состояния, в результате которого через 6 месяцев потерпевшая скончалась в отделении реанимации филиала № 3 ЦГБ им А.М. Дегонского. Между действиями врача и смертью потерпевшей имеется прямая причинно-следственная связь.

Шелест была осуждена по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ на 3 года в исправительной колонии общего режима с лишением права заниматься медицинской деятельностью сроком на 2 года.

Определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2025 ее действия были переквалифицированы на ч. 2 ст. 109 УК РФ и назначено наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 год 10 месяцев с лишением права заниматься медицинской деятельностью сроком на 2 года. На основании п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ она была освобождена от наказания в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности¹.

Примером оценки примечания как основания для декриминализации ст. 238 УК РФ в отношении медицинских работников явилось уголовное дело в отношении врача – сердечно-сосудистого хирурга ООО «Академик» Сагайдак, которая осуществляла коммерческую деятельность по общей врачебной практике.

Она обвинялась по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ. В результате ее преступных действий при проведении оперативного медицинского вмешательства – оказании медицинских услуг потерпевшему – были допущены дефекты в виде проведения оперативного лечения под наркозом. Данная операция была проведена, во-первых, без контроля анестезиолога, во-вторых, без адекватного мониторинга сознания, дыхания, сердечно-сосудистой деятельности пациента, при несвоевременном протезировании жизненно-важных функций организма, в условиях неадекватно проводимых реанимационных мероприятий. Все это в результате привело к развитию острой дыхательной, сердечно-сосудистой недостаточности тяжелой степени потерпевшего и его смерти.

Вместе с тем судом было удовлетворено ходатайство подсудимой Сагайдак и постановлением Прикубанского районного суда г. Краснодара от 05.02.2025 в соответствии с примечанием к ст. 238 УК РФ уголовное дело в отношении нее было прекращено на основании п. 2 ч. 1 и ч. 2 ст. 24 УПК РФ в связи с

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2025 в отношении Шелест Т.А. / Справка по результатам изучения практики рассмотрения судами Московской области уголовных дел по обвинению медицинских работников // Архив Верховного Суда Российской Федерации.

отсутствием в деянии состава преступления¹. Государственный обвинитель в судебном заседании, кстати, возражал против прекращения уголовного дела.

Другим примером применения примечания к ст. 238 УК РФ как основания для прекращения уголовного дела в связи с декриминализацией указанной статьи в отношении медицинских работников является дело врачей акушеров-гинекологов Солоповой, Забровской и Ильиной, которые обвинялись по п. «а», «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ в связи с совместным причинением тяжкого вреда здоровью роженицы и причинением смерти новорожденному ребенку.

Суд первой инстанции – Правобережный районный суд г. Липецка, не найдя оснований для переквалификации действий подсудимой Забровской на ч. 2 ст. 293 УК РФ – халатность, а подсудимой Солоповой – на ч. 3 ст. 109 УК РФ – причинение смерти по неосторожности двум или более лицам, 31.01.2025 вынес постановление, которым прекратил уголовное дело в отношении указанных лиц за отсутствием в их действиях составов преступлений по основанию, предусмотренному ст. 10 УК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с декриминализацией деяния в соответствии с примечанием к ст. 238 УК РФ. Производство по делу по обвинению Ильиной было приостановлено до розыска подсудимой².

Еще один пример. Постановлением Уссурийского районного суда Приморского края от 03.03.2025 прекращено уголовное дело в отношении врача-эндоскописта Лисицина. Он обвинялся по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, им был причинен тяжкий вред потерпевшему во время проведения диагностической фиброколоноскопии под общей анестезией. Уголовное дело было прекращено «в соответствии с ч. 2 ст. 24 УПК РФ ввиду издания уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния – примечания к статье 238 УК РФ». Суд, прекращая дело, в то же время пришел к выводу, что «Лисицин, осознавая, что от качества оказанной им медицинской услуги зависела безопасность жизни и здоровья пациента, умышленно нарушил требования, предъявляемые к его профессиональным обязанностям»³.

Есть только одно судебное решение, которым было отказано в удовлетворении ходатайства осужденного об освобождении от наказания на основании примечания к ст. 238 УК РФ в порядке ст. 10 УК РФ.

Так, Тахаува – врач-гинеколог частной клиники – осуждена по приговору Советского районного суда г. Нижнего Новгорода от 24.06.2024 по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ. По постановлению Кстовского городского суда Нижегородской области от 3 февраля 2025 г. ей было отказано в удовлетворении ходатайства об освобождении от наказания на основании примечания к ст. 238 УК РФ в порядке ст. 10 УК РФ.

¹ Постановление Прикубанского районного суда г. Краснодара от 05.02.2025 в отношении Сагайдак // Архив Верховного Суда Российской Федерации.

² Постановление Правобережного районного суда г. Липецка от 31.01.2025 в отношении Солоповой, Забровской // Архив Верховного Суда Российской Федерации.

³ Постановление Уссурийского районного суда Приморского края от 03.03.2025 в отношении Лисицина // Архив Верховного Суда Российской Федерации.

В постановлении судьи указывается, что в порядке ст. 10 УК РФ подлежат рассмотрению лишь вопросы об освобождении от наказания за совершение только тех деяний, декриминализация которых определена в силу прямого указания закона, а приведенные осужденной требования фактически направлены на пересмотр постановленного в отношении ее приговора в части наличия в действиях осужденной состава преступления, поэтому пересмотр судебного решения в порядке исполнения приговора невозможен. Вместе с тем в судебном решении было приведено суждение суда о том, что общественно опасное деяние, подпадающее под признаки преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, по мнению судьи, «не было декриминализовано законодателем и примечание к статье 238 УК РФ не устраняет преступность деяния, а лишь разъясняет правильность определения квалификации деяния по субъекту преступления и объективной стороны преступления, что не исключает возможность квалифицировать действия виновного по другому составу преступления при условии неухудшения положения виновного лица»¹.

Помимо анализа судебных решений Верховным Судом РФ был произведен мониторинг мнения судов областного звена, который показал следующие интересные результаты. Так, было установлено, что 40% судов субъектов Российской Федерации придерживаются мнения, что медицинские работники подлежат привлечению к ответственности по иным статьям уголовного закона. Вместе с тем большинство – а именно 60% – судов полагают возможным привлечение медицинских работников по ст. 238 УК РФ при определенных условиях. Эти условия формулируются следующим образом.

В соответствии со ст. 37 Закона об охране здоровья медицинская помощь, гарантированная Конституцией Российской Федерации (ст. 41), организуется и оказывается в соответствии: с положением об организации оказания медицинской помощи по видам медицинской помощи; порядками оказания медицинской помощи; на основе клинических рекомендаций; с учетом стандартов медицинской помощи.

Таким образом, у судов есть предложение рассматривать медицинскую услугу через положения Гражданского кодекса РФ (т.е. ст. 779 ГК РФ), под которой понимается определенное действие или деятельность, осуществляемые исполнителем по заданию заказчика².

На основании этого отдельными судами предлагается выделить следующие критерии разграничения медицинской помощи от медицинской услуги для целей ст. 238 УК РФ:

1) гарантированность оказания государством медицинской помощи гражданам как реализация права на охрану здоровья, обеспечиваемая нормами отраслевого законодательства; в свою очередь, медицинская услуга оказывается

¹ Постановление Кстовского городского суда Нижегородской области от 03.02.2025 в отношении Тахаува // Архив Верховного Суда Российской Федерации.

² Систематизированный перечень наименований медицинских услуг в здравоохранении утвержден Приказом Минздрава России от 13.10.2017 № 804н «Об утверждении номенклатуры медицинских услуг» // СПС КонсультантПлюс.

самостоятельно либо в дополнение к медицинской помощи по желанию пациента – потребителя (заказчика услуги) на договорной основе в порядке гражданско-правовых отношений;

2) безвозмездность медицинской помощи в отличие от медицинской услуги, являющейся платной;

3) вид и форма оказания медицинской помощи определяются самостоятельно исходя из обстоятельств и состояния больного, мнение которого при этом не учитывается, поскольку зачастую стоит вопрос о жизни или смерти пациента; а неоказание либо несвоевременное оказание медицинской помощи может повлечь тяжкие последствия для больного;

4) вид и форма медицинской услуги определяется медицинским работником по согласованию с ее потребителем в зависимости от желания пациента получить конкретный вид сервиса, что оговаривается в условиях заключаемого, как правило, письменного соглашения на оказание соответствующей медицинской услуги.

Если встать на эту позицию, то медицинский работник, оказавший медицинскую услугу, не отвечающую требованиям безопасности жизни или здоровья потребителя, может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ, поскольку, согласно примечанию, данная норма закона не распространяется лишь на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи. А гарантированное конституционное право на медицинскую помощь не может быть приравнено к понятию «услуга»¹.

Таким образом, приведены три совершенно разных направления возможного развития правоприменительной практики относительно применения примечания к ст. 238 УК РФ.

Явная правовая неопределенность этой нормы нуждается в дальнейшей проработке и, соответственно, потребует внесения изменений в постановление № 18, касающихся правил квалификации действий медицинских работников в сфере оказания медицинских услуг и медицинской помощи.

С.В. Петраков

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета

Порядок активации аппаратного криптокошелька для изъятия цифровой валюты в ходе досудебного производства по уголовному делу

Аннотация. В статье автор рассматривает порядок активации аппаратного криптокошелька при изъятии цифровой валюты в случае ее обнаружения при производстве следственных действий. Обозначается проблема законодательно

¹ Справка по результатам изучения практики рассмотрения судами Московской области уголовных дел по обвинению медицинских работников // Архив Верховного Суда Российской Федерации.

отсутствующей процедуры соответствующего действия. Предлагается авторский подход на основании технических особенностей, связанных с оборотом цифровой валюты, и обобщенной следственной практики.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, аппаратный криптокошелек, адрес-идентификатор

Несмотря на то, что в 2024 г. в федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ были внесены существенные дополнения, устанавливающие применительно к криптовалютному адресу термин «адрес-идентификатор» и указание на то, что такие адреса будут открываться для органов предварительного следствия, кардинальных изменений для практики это не повлекло. При этом Правительство РФ постановлением от 01.11.2024 № 1467 утвердило Правила предоставления (открытия) адреса-идентификатора федеральным органам исполнительной власти, органам прокуратуры, органам дознания и органам предварительного следствия, органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Вместе с тем данные Правила носят достаточно «рамочный» характер, так как технически вопрос остался вопросом. В то же время в практике продолжают возникать ситуации, связанные с изъятием цифровой валюты в случае ее обнаружения при производстве по уголовному делу. Здесь стоит оговориться, что речь, естественно, идет о случаях, когда имеются доказательства, устанавливающие, что цифровая валюта получена в результате совершения преступления.

Одни из значимых научных трудов по цифровой валюте² также не содержат конкретных практических рекомендаций. Вместе с тем практические сотрудники нуждаются именно в них. С учетом того, что получение адресов-идентификаторов (криптовалютных адресов) до сих пор является задачей следственных и оперативных подразделений, практика нашла выход в использовании аппаратных криптокошельков, на адреса которых и изымается цифровая валюта. Данная практика, по мнению автора статьи, будет существовать до тех пор, пока нормативно не будет установлен перечень организаций, официально открывающих адреса-идентификаторы для нужд следствия.

Основной сложностью перед открытием адресов-идентификаторов на аппаратных криптокошельках является активация соответствующих кошельков и обеспечение информационной безопасности в связи с наличием в ряде кошельков SEED-фразы и, соответственно, возможностью резервного

¹ СПС КонсультантПлюс.

² Смоляков А.Н. Хищение безналичных, электронных денежных средств и цифровой валюты: вопросы юридической техники и дифференциации ответственности: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки). СПб., 2023; Собираание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. Москва: Проспект, 2022.

восстановления доступа к криптовалютным адресам соответствующего кошелька. В практике в основном распространено использование аппаратных криптокошельков Ledger иностранного производства в связи с отсутствием на настоящий период отечественных разработок, замещающих импортное производство. В криптокошельках Ledger технически возможно установить парольную фразу (PASSPHRASE или 25-е слово), без ввода пароля к которому адреса-идентификаторы, созданные в аппаратном кошельке, будут защищены от несанкционированного доступа. По этой причине в процедуре активации аппаратного криптокошелька должны принимать участие, как минимум, два сотрудника. Один знает SEED-фразу и пароль к аппаратному криптокошельку, а второй – пароль к парольной фразе. При этом пароль для работы с кошельком и пароль к парольной фразе должны быть разными. В противном случае теряется смысл в обеспечении безопасности. Помимо них обязательно должен присутствовать специалист, который будет устно давать все необходимые пояснения, подлежащие занесению в протокол.

Сама активация аппаратного криптокошелька должна оформляться протоколом осмотра, а SEED-фраза, пароль к аппаратному криптокошельку и пароль к парольной фразе должны упаковываться в разные пакеты (желательно пластиковые непрозрачные пакеты одноразового использования, позволяющие фиксировать их вскрытие без дальнейшей возможности сокрытия следов вскрытия). Как пример можно привести пластиковые пакеты «Почта России».

Поскольку протокол активации кошелька будет достаточно специфичным, учитывая нужды практики, автор статьи специально излагает структурное содержание соответствующего протокола. Данное содержание не является эталонным и может корректировать применительно к протоколу в соответствии с правоприменительным усмотрением лица, активирующего кошелек. Итак, в протоколе должно быть указано:

1) что специалист пояснил, что для работы необходимо подсоединение рабочего ноутбука к сети Интернет. После подключения специалист подсоединяет аппаратный криптокошелек (далее по тексту – кошелек) к рабочему ноутбуку. На экране кошелька отображается меню для создания ПИН-кода для доступа к кошельку. Следовательно устанавливает ПИН-код, состоящий из 8 цифр, которые записываются, а специалист поясняет, что данный ПИН-код в целях безопасности не должен сообщаться ему и сотруднику № 2, а также фиксироваться в протоколе следственного действия. Лист бумаги с ПИН-кодом упаковывается согласно рекомендации, приведенной выше относительно пакета;

2) специалист устанавливает на рабочий ноутбук программу «Ledger Live» для работы с кошельком. После этого в соответствующей программе выбирается параметр для создания нового криптокошелька. Кошельком предлагается SEED-фраза, состоящая из 24 слов в определенном порядке. Специалист при этом поясняет, что SEED-фраза – это слова для резервного восстановления доступа к криптовалютным адресам, которые будут созданы на кошельке на случай его утраты или технического повреждения. Далее специалист поясняет, что такое восстановление возможно практически через

любое криптовалютное приложение вследствие чего будет создан еще один криптовалютный кошелек, при этом совершение транзакций по криптовалютным адресам кошелька возможно будет осуществлять как с использованием этого кошелька, так и с нового криптовалютного кошелька. В связи с этим SEED-фразу не должны видеть какие-либо лица, включая его и сотрудника № 2, в целях исключения незаконного распоряжения криптовалютой, находящейся на криптовалютных адресах кошелька. При этом слова SEED-фразы необходимо записать именно в таком порядке, в каком они предложены на кошельке. Следователь записывает SEED-фразу на лист бумаги, который упаковывается в соответствии с вышеуказанной рекомендацией;

3) далее специалист поясняет, что для создания нового криптовалютного адреса сначала в программе Ledger Live необходимо установить приложение того вида криптовалюты, адрес которого необходимо создать. После соответствующих пояснений следователя специалист активирует соответствующий вид криптовалюты;

4) после этого специалист поясняет, что для дополнительной защиты криптовалютных адресов, в случае компрометации SEED-фразы или ПИН-кода устройства, необходимо добавить парольную фразу (PASSPHRASE или 25-е слово). Без ввода в устройство заданной парольной фразы (PASSPHRASE) невозможно получить доступ к адресам (счетам) криптокошелька, которые были созданы при использовании парольной фразы (PASSPHRASE). Для установки парольной фразы (PASSPHRASE) специалист на экране устройства путем одновременного нажатия и удержания обеих кнопок устройства, переходит в меню Control Center (Центр управления). Затем последовательно выбрав пункты Settings (Настройки) / Security (Безопасность) / Passphrase (Парольная фраза) / Set up Passphrase» (Выбрать парольную фразу) / Attach to PIN (Прикрепить к ПИН-коду), поясняет, что можно использовать предыдущий пароль, установленный изначально или указать для парольной фразы отдельный ПИН-код, но в целях безопасности необходимо установить новый, состоящий из 8 символов, включающих прописную, заглавную буквы, цифры и символы. При этом пароль к парольной фразе должен вести присутствующий сотрудник № 2 и он не должен сообщать его следователю для создания баланса безопасности, когда в руках одного должностного лица отсутствует доступ к изымаемой в будущем криптовалюте. Сотрудник № 2, используя режим выбора и ввода символов на кошельке, придумывает парольную фразу PASSPHRASE и подтверждает ее на кошельке, после чего записывает ее на листке и упаковывает его по правилам, приведенным выше;

5) специалист поясняет, что необходимо ввести на устройстве изначально ПИН-код. Следователь вводит на кошельке изначально ПИН-код и показывает всем присутствующим, что на экране кошелька отобразилась надпись Processing (Обработка) и Passphrase set (Парольная фраза установлена);

6) после этого специалист поясняет, что необходимо выключить и включить устройство для загрузки в устройство приватных ключей, созданных с парольной фразой. Специалист отключает кошелек от рабочего ноутбука и

включает вновь, после чего сотрудник № 2 вводит пароль к парольной фразе на кошельке;

7) специалист открывает на рабочем ноутбуке программу «Ledger Live» и поясняет, что сейчас в папке «Счета» в программе он путем нажатия на кнопку «Добавить счет» в правом верхнем углу экрана программы активирует процесс создания криптовалютного адреса, который будет создан случайным образом;

8) следователь указывает непосредственно криптовалютный адрес (адрес-идентификатор), который будет сгенерирован и на который будет изыматься цифровая валюта.

Таковы, по мнению автора статьи, текстовые блоки, которые необходимо отразить в протоколе осмотра по активации аппаратного криптокошелька до урегулирования процедуры по созданию адресов-идентификаторов для следственных органов.

Литература

1. Смоляков А.Н. Хищение безналичных, электронных денежных средств и цифровой валюты: вопросы юридической техники и дифференциации ответственности: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки). СПб., 2023. 22 с.

2. Собираение электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: монография / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. Москва: Проспект, 2022. 168 с.

М.С. Полев

Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре

Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные меры борьбы с преступлениями в сфере миграции: практика Следственного комитета Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются особенности уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер по борьбе с преступлениями в сфере миграции с учетом практики Следственного комитета Российской Федерации. Анализируются последние изменения в законодательстве, затрагивающие вопросы расследования данной категории дел. Особое внимание уделено изъятию электронных носителей информации и копированию с них данных.

Ключевые слова: миграция, незаконная миграция, преступление, расследование, уголовное дело

Миграционные процессы в современном мире, приобретающие все большие масштабы, влекут за собой не только положительные, но и негативные последствия, влияющие на состояние законности и правопорядка в стране.

Преступления в сфере миграции становятся все более распространенными, а их характер чаще приобретает организованные, транснациональные формы. Сказанное свидетельствует о необходимости использования более эффективных и современных подходов при расследовании указанных преступлений правоохрнительными органами.

Незаконная миграция, подделка документов, фиктивная постановка на учет – это лишь малая часть преступлений, имеющих отношение к миграционной сфере. Такие преступления часто сопряжены с иными опасными деяниями, включая коррупцию, экстремизм, терроризм, торговлю людьми.

Следственный комитет Российской Федерации, являясь органом по расследованию тяжких и особо тяжких преступлений, играет важную роль в выявлении, расследовании и предупреждении преступлений в сфере миграции.

Успех расследования уголовных дел о преступлениях в сфере миграции зависит от несколько факторов. Первый фактор эффективного расследования преступлений в сфере миграции – знание законодательства.

Расследование преступлений в сфере миграции требует от следователей знаний не только уголовного, уголовно-процессуального, но и миграционного законодательства. В частности, органами государственной власти России в последнее время ведется серьезная работа, направленная на совершенствование законодательства в целях снижения негативных последствий возросшей миграции. Последние законодательные нововведения повлияли и на изменение правового поля для борьбы с преступлениями в сфере миграции¹.

Основной фактор успешного расследования уголовных дел о преступлениях в сфере миграции представляет собой знание и использование уголовно-процессуальных норм об изъятии и фиксации электронных носителей информации.

Преступления в сфере миграции часто совершаются с использованием цифровых технологий: переписка с мигрантами, обработка персональных данных, хранение скан-копий поддельных документов, ведение списков клиентов. Такие сведения, как правило, содержатся на мобильных устройствах организаторов; компьютерах с шаблонами фиктивных регистраций; флеш-накопителях с базами данных и анкетами.

Изъятие электронных носителей информации при расследовании миграционных преступлений должно осуществляться с учетом цифровых реалий и требований законодательства. Статья 164.1 УПК РФ предоставляет следователю как правовые ориентиры, так и ограничения, обеспечивающие защиту цифровых прав граждан. Практическая реализация ее положений требует профессионализма, технической грамотности и процессуальной аккуратности. Только в этом случае цифровые следы станут эффективным инструментом раскрытия преступлений, а доказательства — допустимыми и убедительными в суде.

¹ См. подробнее: Мельников Е.А. Правовое обеспечение противодействия незаконной миграции // Миграционное право. 2025. № 1. С. 15-17.

Статья 164.1 УПК РФ, введенная в действие Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ¹, направлена на баланс между интересами следствия и правами лиц, информация которых содержится на электронных носителях. Ключевые положения включают:

- принцип исключения необоснованного изъятия: носители могут быть изъяты только в трех случаях (назначение экспертизы, наличие судебного решения, угроза утраты информации);
- обязательное участие специалиста при копировании данных;
- фиксация всех действий в протоколе, включая используемые технические средства и результат копирования;
- приоритет копирования над физическим изъятием в целях минимизации вмешательства в частную цифровую среду.

Изъятие указанных носителей может нарушать права граждан при неправильной правовой оценке и недостаточной технической подготовке следователя, что требует четкого соблюдения ст. 164.1 УПК РФ.

На основе анализа статьи 164.1 УПК РФ и правоприменительной практики можно сформулировать следующие рекомендации для следователей:

1. необходимо оценивать необходимость изъятия в каждом конкретном случае. Если данные можно скопировать без утраты целостности и с участием специалиста, приоритет должен отдаваться именно копированию;

2. следует привлекать квалифицированных специалистов по информационным технологиям для оценки рисков утраты, проведения хэш-сверки, копирования и сохранения данных в первозданном виде;

3. важно заблаговременно готовить технические средства, обеспечивающие надежность копирования: внешние накопители, криминалистические комплексы;

4. нужно обеспечивать полную фиксацию действий: от серийных номеров устройств до настроек копирования и хэшей. Это критично для последующей оценки допустимости доказательств в суде;

5. в случае невозможности копирования следует предпринять процессуальные меры для физического изъятия технических средств (постановление о назначении экспертизы либо ходатайство в суд);

6. надлежит учитывать специфику облачных хранилищ и удаленного доступа. Изъятие в этом случае должно сопровождаться запросами к провайдерам и фиксацией сетевой активности. В случаях, когда прямой доступ к облачному хранилищу невозможен, может быть полезным анализ сетевой активности, которая включает мониторинг интернет-трафика, логины доступа, запросы на серверы и другую информацию, связанную с деятельностью подозреваемых. Это может помочь следствию выявить, какие данные были загружены или скачаны, а также установить связи между участниками преступления. Для работы с облачными хранилищами важно привлекать специалистов в области информационных технологий, которые могут воспользоваться современными инструментами для восстановления данных,

¹ СПС КонсультантПлюс.

использования API облачных сервисов и проведения расследования в удаленных хранилищах. Без таких специалистов следователь рискует потерять важную информацию или даже нарушить законность своих действий.

Итак, расследование преступлений в сфере миграции – это задача высокой сложности, требующая межведомственного взаимодействия. Эффективность работы Следственного комитета Российской Федерации в этом направлении напрямую зависит от нормативной базы, технического обеспечения и квалификации кадров.

Рост миграционной преступности требует комплексного подхода, включающего строгое применение обновленного законодательства и современных следственных методик. Ключевые направления:

1. четкое соблюдение новых норм (блокировка сайтов-однодневок, запрет фиктивных экзаменов, ужесточение наказаний по ст. 322.1 УК РФ);

2. активное использование цифровых доказательств с соблюдением ст. 164.1 УПК РФ: приоритет копирования данных над изъятием носителей, обязательное привлечение IT-специалистов, фиксация действий для признания допустимости доказательств.

Также необходимо учитывать специфику работы с провайдерами облачных сервисов для изъятия удаленной информации.

Литература

Мельников Е.А. Правовое обеспечение противодействия незаконной миграции // Миграционное право. 2025. № 1. С. 15–17.

С.В. Полубинская
Институт государства и права
Российской академии наук

Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости: проблемы применения

Аннотация. В статье рассматриваются особенности уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости. Внимание обращается на характеристики медицинского и юридического критериев, закрепленных в ст. 22 УК РФ, приводятся данные судебно-психиатрической статистики по ее применению в экспертной практике. Специальное внимание обращается на подготовку следователем материалов для судебно-психиатрической экспертизы и формулирование вопросов для экспертного задания.

Ключевые слова: психическое расстройство, вменяемость, уголовная ответственность, обязательное назначение судебно-психиатрической экспертизы, экспертное задание.

Новеллой УК РФ стала регламентация уголовно-правового значения психического расстройства субъекта преступления, не исключающего его вменяемости. В соответствии с ч. 1 ст. 22 данного кодифицированного акта вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности. В ч. 2 установлено, что психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

Целью включения этих положений в уголовный закон было законодательное закрепление возможности дифференциации уголовной ответственности с учетом наличия у субъекта преступления психического расстройства. В ст. 22 УК РФ речь не идет о промежуточном состоянии между вменяемостью и невменяемостью. Закон прямо говорит о вменяемом субъекте преступления с психическим расстройством, не позволяющем по тяжести и глубине поражения психики ставить вопрос о невменяемости, но при этом нарушающем его способность к сознательному и волевому поведению. Психическое расстройство может ограничивать свободу выбора субъектом варианта поведения и (или) предвидение его последствий, снижать самоконтроль. Как указывают специалисты, «наличие нарушений интеллектуальных и эмоционально-волевых функций... могут сказываться на способах реализации преступных намерений, ограничивать возможности воздержаться от преступного поведения»¹.

В юридической и судебно-психиатрической литературе применительно к ст. 22 УК РФ употребляются термины «ограниченная» или «уменьшенная» вменяемость. Однако уголовный закон таких понятий не содержит, и потому использовать их в юридических документах и в судебно-психиатрических экспертных заключениях неправомерно.

В ч. 1 ст. 22 УК РФ медицинский критерий, обуславливающий снижение способностей субъекта понимать фактический характер и социальный смысл своих действий (бездействия) и руководить своим поведением, описан как «психическое расстройство». Законодатель имеет в виду относительно нетяжелые болезненные (психопатологические) нарушения психики, к которым относятся, в том числе, расстройства личности, последствия черепно-мозговых травм, органические заболевания головного мозга, неглубокие степени умственной отсталости.

Юридический критерий сформулирован в ч. 1 ст. 22 УК РФ как «[вменяемое лицо] ...не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими». Интеллектуальный признак юридического критерия указывает на ослабленную

¹ Руководство по судебной психиатрии. В 2 т. Том 1: практ. пособие / под ред. А.А. Ткаченко. 4-е изд, перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. С. 147.

способность лица к осознанным действиям (бездействию), а волевой – на пониженную способность лица руководить своим поведением.

Как и в случае установления состояния невменяемости, ст. 22 УК РФ применяется только в отношении конкретного преступления и только в момент его совершения. Решение принимается судом на основании обязательного заключения судебно-психиатрической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы¹ (п. 3 ст. 196 УПК РФ).

Лицо, о котором говорится в ч. 1 ст. 22 УК РФ, подлежит уголовной ответственности. Наличие у него психического расстройства, не исключающего вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для применения к нему принудительных мер медицинского характера. Рекомендация о нуждаемости лица в принудительном лечении при наличии оснований, предусмотренных в ст. 97 УК РФ, должна содержаться в экспертном заключении. По прямому указанию закона такое лечение возможно только в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях (ч. 2 ст. 99 УК РФ).

Принудительные меры медицинского характера назначаются судом при вынесении обвинительного приговора вместе с наказанием (п. 16 ч. 1 ст. 299, ч. 4 ст. 433 УПК РФ, п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»²). Они исполняются либо по месту отбывания наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы (ст. 18 УИК РФ), либо – если наказание не связано с лишением свободы – в медицинских организациях государственной системы здравоохранения, оказывающих психиатрическую помощь в амбулаторных условиях (ч. 1 ст. 104 УК РФ).

По данным государственной судебно-психиатрической статистики, доля лиц, в отношении которых экспертами выносились рекомендации о применении ст. 22 УК РФ, в общем числе прошедших судебно-психиатрическую экспертизу обвиняемых и подозреваемых весьма незначительна – 1,9% (3741 человек) в 2019 г. и 1,7% (3430 человек) в 2023 г. За период с 2019 г. по 2023 г. количество таких рекомендаций сократилось на 8,3%³.

В 2023 г. принудительное лечение было рекомендовано 95,2% из рассматриваемой категории подэкспертных. Среди поставленных диагнозов преобладали органические психические расстройства (42,5%), умственная

¹ См.: Шишков С.Н. Назначение судебно-психиатрической экспертизы // Законность. 2012. № 10. С. 25–29.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 (ред. от 03.03.2015) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // СПС КонсультантПлюс.

³ См.: Шпорт С.В., Макушкина О.А. Муганцева Л.А. Судебно-психиатрическая экспертиза и профилактика в психиатрической службе Российской Федерации (2019 - 2023 гг.) Монография. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2024. С. 88.

отсталость (34,9%), шизофрения (7,9%) и расстройства личности (7,7%)¹, из которых 1,8% составили испытуемые с диагнозом «педофилия»².

Данные статистики также свидетельствуют о неоднозначном отношении судебных экспертов к вынесению рекомендаций о применении ст. 22 УК РФ. Так, в 2023 г. в ряде регионов Российской Федерации не было ни одного подобного экспертного решения (к примеру, Республика Дагестан, Магаданская область, Забайкальский край, Ненецкий автономный округ). В других регионах таких решений было от 1 (в том числе, Сахалинская, Пензенская области, Чукотский автономный округ) до 3 (в частности, Новгородская, Тверская, Ростовская области, Хабаровский край)³.

Региональные особенности судебно-экспертной деятельности могут быть обусловлены различными факторами, требующими самостоятельного научного анализа, однако влияние на них сложившейся следственной практики назначения судебно-психиатрических экспертиз в том или ином регионе исключать нельзя⁴. На деле возможна как переоценка, так и недооценка следователями наличия психических расстройств у подозреваемых и обвиняемых. В этой связи практическую значимость приобретают обоснованность назначения судебно-психиатрических экспертиз, полнота материалов, собранных следователем и предоставляемых экспертам, и формулирование экспертного задания.

Применительно к ст. 22 УК РФ назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы в отношении подозреваемого и обвиняемого является обязательным в случае, когда возникает сомнение в его вменяемости (п. 3 ст. 196 УПК РФ⁵). Если по уголовному делу обстоятельства, вызывающие

¹ Там же. С. 88-89.

² Применение ст. 22 вместе с п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ может быть одним из вариантов экспертных решений, если «испытуемый с диагнозом «педофилия» обнаруживает также психическое расстройство, не исключающее вменяемости, лишившее его во время совершения инкриминируемого ему деяния способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими (ч. 1 ст. 22 УК РФ)». См.: Ткаченко А.А., Шишков С.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза по определению расстройств сексуальных предпочтений в свете Федерального закона от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»: Информационное письмо. М.: ГНЦССП им. В. П. Сербского, 2012. С. 4–5.

³ См.: Шпорт С.В., Макушкина О.А. Муганцева Л.А. Указ. соч. С. 90–92.

⁴ См., например: Горбатых И.М. О проблемных вопросах назначения судебно-психиатрических экспертиз на стадии предварительного расследования // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 2. С. 11–15.

⁵ Иные основания для обязательного назначения судебно-психиатрической экспертизы не рассматриваются, поскольку не относятся к теме статьи.

сомнения в психической полноценности такого лица, установлены не были, то оснований для такой экспертизы у следователя и суда не имеется¹.

В п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 приводится примерный перечень обстоятельств, дающих следователю и суду основания сомневаться во вменяемости подозреваемого или обвиняемого: «... наличие данных о том, что лицу в прошлом оказывалась психиатрическая помощь (у него диагностировалось врачами психическое расстройство, ему оказывалась амбулаторная психиатрическая помощь, он помещался в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, признавался невменяемым по другому уголовному делу, негодным к военной службе по состоянию психического здоровья и т.п.), о нахождении его на обучении в учреждении для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии, о получении им в прошлом черепно-мозговых травм, а также странности в поступках и высказываниях лица, свидетельствующие о возможном наличии психического расстройства, его собственные высказывания об испытываемых им болезненных (психопатологических) переживаниях и др.».

Таким образом, «в зависимости от конкретных обстоятельств, вызвавших сомнения в психической полноценности данного субъекта, следователь должен запланировать и осуществить действия по подготовке предстоящей судебно-психиатрической экспертизы»². К примеру, при наличии данных, что субъекту ранее оказывалась психиатрическая помощь, необходимо истребовать медицинскую документацию из всех медицинских организаций, где он наблюдался и проходил лечение. Медицинская документация включает в себя «амбулаторные и стационарные медицинские карты, заключения врачебных комиссий, заключения и акты медицинских экспертиз и пр.»³.

Обязательной частью экспертного исследования является сбор объективного анамнеза – сведений «о личности и поведении лица на протяжении всей его жизни»⁴. В анамнез входят, в том числе, «данные о наследственной отягощенности психическими расстройствами, об особенностях психического развития, о семейном и социальном статусе, об особенностях реагирования на

¹ См., к примеру: определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2021 № 77-5270/2021; кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2022 № 77-4613/2022; кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2024 по делу № 77-1749/2024 // СПС КонсультантПлюс.

² Дмитриева Т.Б., Шишков С.Н., Щукина Е.Я., Макушкин Е.В., Ткаченко А.А., Сафуанов Ф.С., Дозорцева Е.Г. Подготовка следователем материалов для судебно-психиатрической экспертизы: Практическое пособие. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2010. С. 5.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 13.

различные жизненные ситуации, о психических травмах...»¹, информация о перенесенных, в том числе, в детстве, заболеваниях, черепно-мозговых травмах, успеваемости и поведении во время учебы, выполнении трудовых обязанностей и т.д. Такие сведения могут предоставить, прежде всего, родные, близкие, коллеги лица, образовательные организации, медицинские организации общего профиля, а также сам субъект, направляемый на судебно-психиатрическую экспертизу.

Эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования (п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ), сбор всех необходимых материалов – обязанность следователя. В литературе справедливо отмечается, что «от качества подготовительной работы во многом зависят полнота и всесторонность предстоящего экспертного исследования, надежность экспертных выводов»².

Не менее важным является формулирование вопросов, подлежащих разрешению экспертами. Как отмечает С.Н. Шишков, «для каждого вида судебно-психиатрической экспертизы... характерен определенный набор определенным образом сформулированных вопросов», что «позволяет обеспечить единообразное их понимание следователями, судьями, экспертами и другими участниками процесса», а также гарантирует «формулирование ответов на них с той степенью надежности, которая необходима для экспертного заключения как судебного доказательства»³.

Применительно к ст. 22 УК РФ обязательными являются вопросы, страдал ли обвиняемый во время совершения инкриминируемого ему деяния психическим расстройством, и если да, то не лишало ли оно его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими?⁴

Кроме того, «перед экспертами следует ставить также вопросы и о том, связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него и других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда, нуждается ли такое лицо в применении принудительной меры медицинского характера и какой именно, а также может ли это лицо с учетом характера и степени психического расстройства лично осуществлять свои процессуальные права» (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6).

¹ П. 10 Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы, утвержденного приказом Минздрава России от 12.01.2017 № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» // СПС КонсультантПлюс.

² Дмитриева Т.Б., Шишков С.Н., Щукина Е.Я., Макушкин Е.В., Ткаченко А.А., Сафуанов Ф.С., Дозорцева Е.Г. Указ. соч. С. 3.

³ Шишков С.Н. Некорректно формулируемое экспертное задание при назначении судебно-психиатрической экспертизы // Законность. 2020. № 6. С. 60.

⁴ См.: Руководство по судебной психиатрии. С. 149; Дмитриева Т.Б. [и др.]. Указ. соч. С. 23.

Литература

1. Горбатов И.М. О проблемных вопросах назначения судебно-психиатрических экспертиз на стадии предварительного расследования // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 2. С. 11–15.
2. Дмитриева Т.Б., Шишков С.Н., Щукина Е.Я., Макушкин Е.В., Ткаченко А.А., Сафуанов Ф.С., Дозорцева Е.Г. Подготовка следователем материалов для судебно-психиатрической экспертизы: практическое пособие. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрова», 2010. 62 с.
3. Руководство по судебной психиатрии. В 2-х т. Том 1: практ. пособие / под ред. А.А. Ткаченко. – 4-е изд, перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. 523 с.
4. Ткаченко А.А., Шишков С.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза по определению расстройств сексуальных предпочтений в свете Федерального закона от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»: Информационное письмо. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В. П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2012. 10 с.
5. Шишков С.Н. Назначение судебно-психиатрической экспертизы // Законность. 2012. № 10. С. 25–29.
6. Шишков С.Н. Некорректно формулируемое экспертное задание при назначении судебно-психиатрической экспертизы // Законность. 2020. № 6. С. 55–60.
7. Шпорт С.В., Макушкина О.А., Муганцева Л.А. Судебно-психиатрическая экспертиза и профилактика в психиатрической службе Российской Федерации (2019–2023) Монография. М.: НМИЦ ПН им. В.П. Сербского Минздрава России, 2024. 241 с.

Е.Б. Серова

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Несколько слов о порядке и основаниях заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым (подозреваемым)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым (подозреваемыми). Исследуется субъектный состав соглашения, процессуальные и материальные основания заключения, полномочия прокурора в связи с реализацией данного правового института.

Ключевые слова: прокурор, досудебное соглашение о сотрудничестве, расследование, следователь, обвиняемый (подозреваемый)

Досудебное соглашение о сотрудничестве – относительно новый процессуальный институт, который в настоящее время достаточно активно применяется на практике и является эффективным инструментом противодействия наиболее тяжким преступлениям, в том числе совершенным организованными преступными группами. По своей природе досудебное соглашение представляет собой своего рода взаимовыгодный договор (сделку) между стороной обвинения и стороной защиты. Для стороны обвинения, от имени которой выступает прокурор, заключение соглашения способствует достижению назначения уголовного судопроизводства, эффективному решению задач раскрытия и расследования преступлений, возмещению ущерба, причиненного преступлением, соблюдению разумных сроков судопроизводства и, что немаловажно, сокращает бюджетные расходы. Для стороны защиты такая сделка выгодна, поскольку влияет, прежде всего, на меру наказания.

Досудебное соглашение уже неоднократно становилось предметом научных исследований. Нам лично импонирует позиция Н.А. Дудиной, согласно которой досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой одну из форм реализации в уголовном процессе уголовно-правовых норм о деятельном раскаянии, так как добровольное сообщение подозреваемым (обвиняемым) полных и достоверных сведений о совершенном им преступлении существенно облегчает процесс доказывания и последующее привлечение его к установленной законом ответственности¹.

Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторые вопросы применения данного процессуального института до настоящего времени требуют своего разъяснения как в рамках теории, так и на практике. В частности, анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии неоднозначных подходов к определению оснований и порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Ранее мы уже обращались к исследованию данной проблематики², однако, полагая необходимым, опираясь на уже полученные результаты, вернуться к освещению указанных вопросов повторно.

В соответствии с положениями главы 40.1 УПК РФ досудебное соглашение заключается прокурором с подозреваемым (обвиняемым) по письменному ходатайству последнего, подписанному защитником, поддержанному следователем и согласованному руководителем следственного органа. Поскольку особый порядок принятия решения в порядке гл. 40.1 УПК РФ не может применяться по уголовным делам, по которым в силу ч. 3 ст. 150 УПК

¹ Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 – уголовный процесс. Томск, 2015. С. 13–15.

² Серова В.Е., Серова Е.Б. Основания и порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс: от истоков к современности: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 сентября 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 103–111.

РФ проводится дознание, для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо принятие прокурором решения (при наличии к тому оснований) о передаче дела для производства предварительного следствия.

Ходатайство о заключении досудебного соглашения не может быть заключено напрямую между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором. В процедуре заключения соглашения существенную роль играют защитник, следователь и руководитель следственного органа, что позволяет нам говорить, пользуясь гражданско-процессуальной терминологией, о своего рода процессуальном соучастии: с одной стороны, лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, и его защитник, обеспечивающий реализацию права на защиту, а с другой – прокурор, следователь и его руководитель. При этом следователь и руководитель следственного органа не являются стороной соглашения, но без их согласия заключение соглашения невозможно. В случае отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого (обвиняемого) закон не обязывает следателя уведомлять о факте поступления такого ходатайства и результатах его рассмотрения прокурора, как и не предоставляет прокурору право отмены незаконного и необоснованного отказа следателя.

Для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо наличие соответствующих оснований, которые мы подразделяем на процессуальные и материальные.

Процессуальным основанием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является поступление прокурору ходатайства обвиняемого (подозреваемого), составленного и поданного с соблюдением требований УПК РФ и постановления следателя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, согласованного с руководителем следственного органа.

Поскольку УПК РФ не предусматривает обязанности следателя по разъяснению подозреваемому (обвиняемому) права на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, его сущности и правовых последствий, представляется интересной практика ряда регионов Российской Федерации: до начала первого допроса обвиняемого (подозреваемого) следователь в обязательном порядке разъясняет ему наряду с прочими процессуальными правами право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, в том числе сущность такого соглашения, механизм реализации и правовые последствия, о чем составляется отдельный протокол. Необходимость в таком разъяснении обусловлена тем, что не все подозреваемые (обвиняемые), готовые пойти на «сделку», знают о возможности ее заключения и понимают ее суть.

Кроме того, для максимальной реализации прав обвиняемого (подозреваемого) и достижения целей досудебного соглашения до его заключения прокурору целесообразно провести личную встречу с лицом, заявившем ходатайство, в присутствии его защитника и следателя, в ходе которой он дополнительно разъяснит все последствия заключения соглашения, включая последствия нарушения принятых обязательств. Такой подход в полной мере соответствует п. 1.9 Приказа Генерального прокурора Российской

Федерации от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам»¹ и позволяет свести к минимуму количество фактов прекращения надзирающими прокурорами досудебных соглашений о сотрудничестве.

Следует также отметить, что нормы главы 40.1 УПК РФ не содержат каких-либо ограничений относительно заключения соглашения о сотрудничестве одновременно с несколькими обвиняемыми, которые привлекаются к уголовной ответственности по одному уголовному делу. Досудебные соглашения о сотрудничестве могут быть заключены как с одним, так и с несколькими подозреваемыми (обвиняемыми) или с каждым из них. Точно также нет ограничений относительно того, с кем из соучастников может быть заключено соглашение. Роль в совершении преступления значения не играет, что позволяет заключить соглашение как со второстепенными участниками, так и с теми, кто сыграл ключевую роль в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

В теории и на практике возникает вопрос о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с лицом, совершившим преступление единолично. Мнения ученых и практиков по данному вопросу расходятся. Сторонники положительного ответа на данный вопрос ссылаются на отсутствие на это прямого запрета в ст. 317.5 УПК РФ. Возражая на это, П.В. Вдовцев приходит к выводу о невозможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым), совершившим преступление единолично, поскольку при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на первый план должны выходить соображения борьбы с преступностью, выявление, раскрытие преступлений². Анализ судебной практики показывает, что случаи заключения досудебного соглашения при совершении преступления единолично имеются.

Так, Б. был осужден по ч. 3 ст. 228 УК РФ к 6 годам лишения свободы. Уголовное дело в отношении него было рассмотрено в особом порядке при заключенном с ним досудебном соглашении о сотрудничестве. Б. активно способствовал следствию в раскрытии и расследовании совершенного им преступления, а также указал местонахождение тайника, в котором находилось вещество массой 211,8 грамма, содержащее в своем составе наркотическое средство – метамфетамин (первитин), что позволило возбудить уголовное дело в отношении неустановленного лица по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Таким образом, Б. в полном объеме выполнил принятые на себя при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обязательства. Досудебное соглашение о сотрудничестве с Б.

¹ СПС КонсультантПлюс.

² Вдовцев П.В. Возможно ли заключить досудебное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым, совершившим преступление единолично (в отсутствие соучастников)? // Российский следователь. 2017. № 10. С. 15-17.

было заключено именно на указанных условиях¹.

По нашему мнению, приведенный пример не противоречит позиции П.В. Вдовцева, поскольку, хотя по конкретному делу к уголовной ответственности привлекалось только одно лицо, оно предприняло меры к выявлению преступлений других лиц, точными данными которых оно не располагало, и цели противодействия преступности, выявления, раскрытия и расследования ранее не известного правоохранительным органам преступления в данном случае были, несомненно, достигнуты.

Необходимо отметить, что в ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и, как следствие, собственно в досудебном соглашении о сотрудничестве, должны быть перечислены конкретные действия подозреваемого (обвиняемого), которые он обязуется совершить. Прокурор, принимающий решение о возможности заключения досудебного соглашения, должен оценить значение информации, которой владеет субъект, для раскрытия и расследования преступления, достижения назначения уголовного судопроизводства. Указанные сведения А.В. Пиук определяет как материальное основание для заключения досудебного соглашения².

С материальным основанием соглашения связан вопрос о необходимости перезаключения соглашения в случае переквалификации действий обвиняемого на более тяжкий состав. Практика в этом вопросе достаточно противоречива. По нашему мнению, в данном случае перезаключение соглашения не является обязательным и вопрос в каждом случае должен решаться индивидуально. Если требовать перезаключения соглашения в каждом случае, возникнет проблема определения содержания соглашения, поскольку вся информация от обвиняемого уже получена и ничего нового он сообщить не может. Заключение же дополнительного соглашения законом вообще не предусмотрено.

Анализ УПК РФ показывает, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве является не только исключительной прерогативой, но и правом прокурора, на что неоднократно обращается внимание в литературе³. По этому пути идет и судебная практика, однозначно исключаяющая понуждение прокурора к заключению соглашения в случае обжалования постановления об отказе в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в суд. Однако, важно подчеркнуть, какое бы решение ни принял прокурор, оно должно быть мотивированным (нарушение подозреваемым (обвиняемым), его защитником или следователем процедуры заявления ходатайства либо отсутствие «материального» основания, выражающееся в незначительности для целей уголовного преследования той информации, которую готов сообщить субъект).

В случае заключения соглашения в целях предупреждения возможного злоупотребления подозреваемым (обвиняемым) предоставленным ему правом и

¹ Архив Ленинского районного суда г. Мурманска за 2017 год.

² Пиук А.В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2016. № 12 (986). С. 54–56.

³ См., например: Рыжаков А.П. Обновленные правила досудебного соглашения о сотрудничестве // ЭПС «Система ГАРАНТ».

возможности дальнейшего расторжения заключенного досудебного соглашения в случаях сообщения подозреваемым (обвиняемым) информации общего характера, не имеющей фактического значения для хода и перспектив расследования, действия подозреваемого (обвиняемого) и существо его показаний должны быть максимально детально и четко определены в досудебном соглашении. Он должен знать и понимать, что полное исполнение обязанностей по досудебному соглашению о сотрудничестве включает в себя не только дачу изобличающих себя и соучастников показаний на предварительном следствии, в судебном заседании при рассмотрении собственного дела, но и их подтверждение при рассмотрении в ходе иных следственных действий, представление материальных доказательств, а также при даче в дальнейшем показаний в суде в отношении соучастников. В качестве примера расторжения соглашения можно привести уголовное дело в отношении С., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. При заключении соглашения он принимал на себя обязательство активно способствовать расследованию преступления, сообщить сведения о соучастнике, неизвестном предварительному следствию, подтвердить показания при проведении очных ставок, проверки показаний на месте в случае, если в этом возникнет необходимость. Первоначально С. дал показания, изобличающие в совершении преступления Р., однако в последующем от них отказался и перестал признавать вину, в связи с чем прокурором района вынесено постановление о прекращении досудебного сотрудничества¹.

Подводя итог, отметим, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве оказал положительное влияние на эффективность противодействия преступности, в первую очередь, имеющей признаки организованности. Вместе с тем остаются нерешенные вопросы, которые требуют разъяснений, адресованных правоприменителю.

Литература

1. Вдовцев П.В. Возможно ли заключить досудебное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым, совершившим преступление единолично (в отсутствие соучастников)? // Российский следователь. 2017. № 10. С. 15–17.

2. Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс. Томск, 2015. 24 с.

3. Пиюк А.В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2016. № 12 (986). С. 54–56.

4. Рыжаков А.П. Обновленные правила досудебного соглашения о сотрудничестве // ЭПС «Система ГАРАНТ».

¹ Архив Лазовского районного суда Приморского края за 2023 год.

5. Серова В.Е., Серова Е.Б. Основания и порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс: от истоков к современности: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 сентября 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 103–111.

А.Н. Старжинская^{1,2}

А.Б. Нямина²

¹ Управление контроля за следственными органами
Главного следственного управления

Следственного комитета Российской Федерации

² Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

Применение цифровых технологий и систем искусственного интеллекта в исследовании доказательств

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о возможностях цифровых технологий и систем искусственного интеллекта при исследовании доказательств в рамках уголовного судопроизводства. Приводится краткий обзор существующих подходов к использованию технологий искусственного интеллекта в доказывании. Отмечается важность внедрения обозначенных технологий в сферу уголовного судопроизводства одновременно с разработкой и внедрением соответствующих программ обучения следственных работников и работников суда. Отмечена важность использования технологий искусственного интеллекта совместно с традиционными методами исследования доказательств, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: доказывание, уголовное судопроизводство, технологии искусственного интеллекта, цифровые технологии, специальные знания

В современном мире новые технологии стремительно внедряются во все сферы жизни общества, что можно сказать и об искусственном интеллекте. На сегодняшний день технологии искусственного интеллекта являются одними из самых быстроразвивающихся, в связи с чем у многих исследователей вызывает научный интерес разрешение вопроса о признании искусственных интеллектуальных систем субъектами права ввиду достижения ими уровня принятия полностью автономных решений и потенциального проявления «субъективной воли»¹, а также о возможности их применения в уголовном процессе.

Поскольку преступность также трансформируется с учетом новых научных достижений, а действия преступников по сокрытию следов преступлений

¹ Filipova, I.A. & Koroteev, V.D. (2023) Future of the Artificial Intelligence: Object of Law or Legal Personality? *Journal of Digital Nechnologies and Law*, vol. 1, no. 2, pp. 359–386. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.15>

становятся все более изощренными, нередко случаи, когда по уголовным делам доказательственная база складывается исключительно на косвенных доказательствах. Отмеченное требует совершенствования деятельности следственных, оперативных работников, а также экспертов и специалистов, которые с такими доказательствами работают.

Например, исследуя вопросы получения оперативно значимой и криминалистической информации из облачных хранилищ, В.Ф. Васюков и Д.А. Батраченко отмечали, что в качестве первого шага в поиске фигурантов может стать сбор сведений и идентификация лиц или организаций, потенциально связанных с аккаунтами в облачном хранилище. В таких случаях целесообразно изучать как профили в социальных сетях, общедоступные записи в реестрах компаний, блоги и форумы, пресс-релизы и т.д. Кроме того, исследователями отмечалась существенная польза изучения информации об IP-адресах, используемых для доступа к облачной учетной записи или связанным с ней сайтам сети Интернет¹.

Представляется, что именно в таких случаях с целью эффективного решения стоящих перед правоохранительными органами задач и могут быть использованы цифровые технологии и системы искусственного интеллекта.

Исследуя роль искусственного интеллекта в системе уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, Т.В. Радченко отмечал, что цифровизация – процесс использования цифровых технологий с целью ускорения обработки информации, а искусственный интеллект – это нечто большее. Автором отмечалось, что в решении многих задач подобные программы давно перешагнули человеческий интеллект: в части системы распознавания и перевода текстов, распознавания речи².

Обращаясь к проблеме использования искусственного интеллекта и нейросетей в уголовном процессе, С.Е. Русаков также отмечал, что искусственный интеллект предоставляет возможность компьютерам имитировать познавательные способности человека, а также то, что с его помощью машины могут анализировать большие объемы данных, делать выводы, принимать решения и даже предсказывать исходы юридических дел³.

Представляется обоснованным подход разделения цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта по признакам наличия или отсутствия возможности задать процессу определенное поведение и его обучение, что свойственно только человеку.

¹ Батраченко Д.А., Васюков В.Ф. Некоторые вопросы получения оперативно значимой и криминалистической информации из облачных хранилищ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 1 (69). С. 98–107.

² Радченко Т.В. Роль искусственного интеллекта в системе уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6 томах, Казань, 23.09.2022 / Под редакцией И.Р. Бегишева [и др.]. Том 2. Казань: Познание, 2022. С. 181.

³ Русаков С.Е. Проблема использования искусственного интеллекта и нейросетей в уголовном процессе // Человек. Социум. Общество. 2024. № 1. С. 201.

Следующим вопросом, подлежащим рассмотрению, является исследование, каким образом могут помочь установлению обстоятельств совершенного преступления технологии искусственного интеллекта, в том числе при исследовании косвенных доказательств.

Во-первых, четко сформулировав, какие виды косвенных доказательств будут непосредственно анализироваться, можно определить, какие задачи искусственный интеллект будет решать. Такими задачами могут быть автоматический сбор и предварительная обработка данных. Такие действия должны будут осуществляться на основании внесенной ранее информации в базу данных. Здесь можно подумать о создании программы или приложения, которые, в свою очередь, будут зашифрованы и доступ, к которым будет только у уполномоченных лиц. Сбор данных в таких программах либо приложениях будет приравнен к обычным способам сбора данных, но позволит автоматизировать и ускорить данный процесс, а также избежать возможных ошибок. В дополнение целесообразно также задать команду искусственному интеллекту совершать не только сбор данных, но и генерировать в результате их анализа выводы в процессуальной форме.

В разработанном приложении могут присутствовать настройки взаимодействия экспертов с технологиями искусственного интеллекта. Ряд исследователей полагают, что возможно разработать форму «обратной связи» между «роботом» и лицом, осуществляющим расследование либо экспертное исследование¹. Существуют также инициативы, что в рамках уголовного судопроизводства искусственный интеллект может быть использован только как вспомогательный инструмент для ведущего судопроизводство лица в решении вопроса о допустимости доказательств, а также для решения рутинных (организационных) вопросов². При этом приведенные тезисы подтверждают факт, что уровень развития искусственного интеллекта будет зависеть от того, какие возможности (в том числе и ошибки) могут быть заложены человеком в нейронную сеть³.

¹ Алехина А.О. Актуальные вопросы определения допустимости доказательств в контексте их получения с использованием технологий искусственного интеллекта // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 05.04.2024. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 11.

² Малина М.А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 1. С. 92.

³ Кузьминых Н.Д. Оценка доказательств непосредственно и с помощью искусственного интеллекта // Трансформация права в информационном обществе: Материалы III Всероссийского научно-практического форума молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 26.11.2020. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Уральский государственный юридический университет, 2020. С. 538.

Необходимо учитывать, что, предлагая способ использования искусственного интеллекта в исследовании доказательств, нужно будет проводить сравнение результатов искусственного интеллекта с традиционными методами анализа, сбора данных и т.д. Отсюда следует, что, во-вторых, необходимо повышение квалификации и дополнительное обучение лиц, ведущих расследование и представителей судейского корпуса. Для того, чтобы взаимодействие между ними и искусственным интеллектом было эффективным и имело значение, следует подумать о повышении квалификации в формате проведения тренингов для сотрудников на тему работ с технологиями искусственного интеллекта. Поскольку искусственный интеллект проводит определенную обработку информации, находящейся в свободном доступе, есть риски в ее искажении, поэтому обучение должно предусматривать способы своевременного выявления такой проблемы, при которых субъект доказывания и участники процесса должны иметь возможность оценить, каким образом происходила обработка информации¹.

Обучение и в дальнейшем работа должны происходить в соответствии с обновленными и актуальными методическими пособиями и рекомендациями по использованию искусственного интеллекта. Созданием и закреплением таких методических пособий и рекомендаций, очевидно, надлежит заняться совместно следственным работникам, криминалистам, работникам суда, профессиональным аналитикам и сотрудникам ИТ-отрасли.

Необходимо учитывать, что такого рода технологии должны внедряться в уголовный процесс постепенно. Начиная с экспериментальных проектов до введения программы в исследование доказательств в реальных делах. На экспериментальном уровне должно проводиться обновление программы, а тактика исследования доказательств должна меняться незамедлительно при возникновении ошибок. Искусственный интеллект, в свою очередь, сможет адаптироваться и «запоминать» такого рода ошибки, и не допускать в дальнейшем их повторения.

Включение информационных технологий в уголовный процесс имеет свои сложности, поскольку очевидно, что на данном этапе законодатель не успевает за их появлением и развитием ни с точки зрения превентивной работы в части использования для совершения преступления, ни с точки зрения совершенствования механизма применения в процессуальной деятельности. Вместе с тем применение искусственного интеллекта требует четкой регламентации, позволяющей защитить права участников процесса и реализовать назначение уголовного судопроизводства, основываясь на принципах, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве².

¹ Spiridonov, M.S. (2023) Artificial Intelligence Technologies in Criminal Procedural Proving. *Journal of Digital Technologies and Law*, no. 1(2), p. 485. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.20>.

² Михайлов С.Е. Инновационные методы доказывания в уголовном процессе: от классических подходов к цифровым технологиям // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 115–8. С. 66.

В заключении отметим, что внедрение цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта в уголовно-процессуальную деятельность очевидно будет способствовать ускорению и упрощению работы по сбору и оценке доказательств. Вместе с тем учитывая, что результаты работы искусственного интеллекта не всегда объяснимы, могут быть основаны на неполных данных, либо подверженных кибератакам, риск их применения весьма высокий.

Литература

1. Алехина А.О. Актуальные вопросы определения допустимости доказательств в контексте их получения с использованием технологий искусственного интеллекта // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 05.04.2024. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 10–14.
2. Батраченко Д.А., Васюков В.Ф. Некоторые вопросы получения оперативно значимой и криминалистической информации из облачных хранилищ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 1 (69). С. 98–107.
3. Кузьминых Н.Д. Оценка доказательств непосредственно и с помощью искусственного интеллекта // Трансформация права в информационном обществе: Материалы III Всероссийского научно-практического форума молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 26.11.2020. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Уральский государственный юридический университет, 2020. С. 536–540.
4. Михайлов С.Е. Инновационные методы доказывания в уголовном процессе: от классических подходов к цифровым технологиям // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 115–8. С. 65–68.
5. Малина М.А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 1. С. 91–97.
6. Радченко Т.В. Роль искусственного интеллекта в системе уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6 томах, Казань, 23.09.2022 / Под редакцией И.Р. Бегишева [и др.]. Том 2. Казань: Издательство «Познание», 2022. С. 180–184.
7. Русаков С.Е. Проблема использования искусственного интеллекта и нейросетей в уголовном процессе // Человек. Социум. Общество. 2024. № 1. С. 199–212.
9. Filipova, I.A. & Koroteev, V.D. (2023) Future of the Artificial Intelligence: Object of Law or Legal Personality? Journal of Digital Nechnologies and Law, vol. 1, no. 2, pp. 359–386. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.15>.

10. Spiridonov, M.S. (2023) Artificial Intelligence Technologies in Criminal Procedural Proving. Journal of Digital Technologies and Law, no. 1(2), pp. 481–497. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.20.10>.

С.В. Страхова

Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Актуальные проблемы производства осмотра места происшествия

Аннотация. В статье анализируются ошибки и нарушения требований уголовно-процессуального закона, допускаемые следователями при производстве осмотра места происшествия. Акцентируется внимание на том, что от качества осмотра места происшествия во многом зависит объем и качество доказательственной базы по уголовному делу. Значение качества осмотра существенно возрастает при рассмотрении уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей. Нарушения порядка собирания доказательств влекут признание доказательств недопустимыми, недостаточность доказательств в их совокупности для обоснования обвинения в суде. Сделан вывод о необходимости систематического анализа подобных нарушений на межведомственных совещаниях, в рамках учебно-методических семинаров, а также его отражения в учебно-методических изданиях (памятках, руководствах, пособиях) для следователей.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, собирание доказательств, следственные ошибки, нарушения требований уголовно-процессуального закона, суд с участием присяжных заседателей

Судебная статистика свидетельствует о том, что по абсолютному большинству уголовных дел суды в Российской Федерации выносят обвинительные приговоры или прекращают уголовные дела по нереабилитирующим основаниям: число оправданных лиц составляет менее 1 % от общего числа лиц, в отношении которых уголовные дела рассмотрены по существу с вынесением итогового решения. Вместе с тем проблема постановления судами оправдательных приговоров сохраняет свою актуальность, поскольку данный вид судебных решений выносится вопреки позиции государственных обвинителей, при этом, как свидетельствуют материалы судебной и прокурорской практики, основными причинами их постановления являются упущения и неполнота предварительного расследования, нарушения требований уголовно-процессуального закона к собиранию доказательств, что в итоге приводит к недостаточности доказательств в их совокупности для обоснования перед судом виновности подсудимого.

Следует отметить, что значение качества предварительного следствия существенно возрастает при рассмотрении уголовных дел судом с участием присяжных заседателей. Данное обстоятельство обусловлено тем, что присяжные оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению,

руководствуясь, главным образом, нравственным ориентиром – совестью, а также здравым смыслом и жизненным опытом. Законом также не предусмотрена обязанность присяжных мотивировать свой вердикт. Как справедливо замечает А.В. Петров, главным препятствием для формирования у присяжных заседателей внутреннего убеждения в виновности подсудимого даже при наличии в деле серьезных улик является неполнота следствия, дефицит и (или) противоречивость доказательств, что порождает субъективное чувство неуверенности, сомнения и страха осудить невиновного человека¹. Поэтому присяжные заседатели выносят оправдательные вердикты, придерживаясь позиции «лучше оправдать виновного, чем осудить невиновного»². В этой связи доля лиц, оправданных судом с участием присяжных заседателей, на протяжении многих лет остается кратко более высокой, чем данный показатель по уголовным делам, рассмотренным судом в общей форме судебного разбирательства: в 2024 г. – 25,9%, 2023 г. – 28,1%, 2022 г. – 27,9%³.

Осмотр места происшествия является одним из важнейших первоначальных следственных действий, целью которого является обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления (их копий), установление фактических данных, позволяющих сделать вывод о механизме произошедшего. Не вызывает сомнений, что от качества осмотра места происшествия во многом зависит объем и качество доказательственной базы по уголовному делу.

Вместе с тем следователями при производстве осмотра подчас допускаются просчеты и ошибки, нарушения требований уголовно-процессуального закона к собиранию доказательств, проявляющиеся в том, что не осматриваются и не изымаются объекты, имеющие значение для уголовного дела, ненадлежащим образом осуществляется фиксация следов преступления и оформление протокола осмотра места происшествия и др.

Следует подчеркнуть, что нарушение прав личности или установленного уголовно-процессуальным законом порядка собирания доказательств являются основаниями для признания доказательств недопустимыми и влекут невозможность использования их в процессе доказывания. Например, как отмечает В.С. Шадрин, это имеет место, если участникам следственного действия не разъяснены их процессуальные права; в протоколе следственного действия не указаны или неверно указаны дата и время его проведения; протокол не подписан или подписан не всеми участниками следственного

¹ Петров А.В. Организация подготовки к рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей // Законность. 2016. № 11 (985). С. 20.

² Шадрин В.С. Производство предварительного следствия с учетом перспективы использования его результатов в суде присяжных // Правда и закон. 2024. № 2 (28). С. 76.

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022, 2023, 2024 год. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cddep.ru/?id=79> (дата обращения: 14.05.2025).

действия; имеются не оговоренные и не удостоверенные исправления текста протокола; при изъятии в ходе следственного действия предметов, имеющих значение для уголовного дела, они не были надлежащим образом упакованы и опечатаны¹.

Между тем в нарушение требований ч. 5 ст. 166 и ч. 5 ст. 177 УПК РФ следователи не всегда предупреждают участников осмотра о применении при его проведении технических средств, а также не всегда получают согласие на осмотр жилища от проживающих в нем лиц, что в последующем порождает заявление ходатайств стороны защиты об исключении протоколов осмотра места происшествия как недопустимых доказательств².

Существенным нарушением является указание в протоколе осмотра места происшествия и протоколах иных следственных действий одних и тех же даты, времени их производства, либо с незначительным промежутком во времени проведения, но в местах, значительно удаленных друг от друга. Как подчеркивает В.Н. Исаенко, согласно п. 1 ч. 3 ст. 166 УПК РФ в протоколе следственного действия с точностью до минуты указывается время его начала и окончания. Поэтому наличие в деле двух и более протоколов, проведенных в одно и то же время, дает основание считать протоколы сфальсифицированными³.

Так, по уголовному делу об убийстве Л., совершенном группой лиц, в ходе осмотра места происшествия возле трупа потерпевшего на входных воротах во двор его домовладения обнаружены брызги вещества, похожего на кровь, которые следователем в протоколе не описаны, смывы с них не сделаны, фотографирование не осуществлялось. Обнаруженный на грунте след стопы сфотографирован без криминалистической линейки, что в последующем не позволило сопоставить его со стопой одного из подсудимых.

По уголовному делу в отношении Г., обвиняемого по ч. 4 ст. 111 УК РФ, следователем в ходе осмотра места происшествия не изъяты столовые предметы, на которых могли находиться следы биологического происхождения; в домовладении потерпевшего не изъяты следы пальцев рук и обуви. Указанные обстоятельства в совокупности позволили стороне защиты в ходе судебного рассмотрения уголовного дела выдвинуть версию о причастности к совершению преступления иного лица, которую фактически приняли присяжные заседатели.

По другому уголовному делу об убийстве Ш. протоколы осмотра места происшествия и трупа в нарушение ч. 2 ст. 180 УПК РФ не содержали сведений об обнаружения и изъятии волос человека, которые в последующем

¹ Шадрин В.С. Недопустимость доказательств как антипод их допустимости // Криминалист. 2011. № 1 (8). С. 43.

² О недостатках при проведении осмотра места происшествия: информационное письмо от 31.03.2025 / Прокуратура Ростовской области. С. 3.

³ Исаенко В.Н. Оценка прокурором доказательств в досудебном производстве // Законность. 2014. № 11. С. 37.

направлялись для производства сравнительного исследования¹. В этой связи следует отметить, что направление объектов, не осмотренных до направления их для производства судебной экспертизы и изъятие которых не отражено в материалах уголовного дела, влечет признание заключения эксперта недопустимым доказательством в силу законных сомнений в относимости объектов, переданных на экспертизу, к уголовному делу.

Подчас при производстве осмотра места происшествия производится некачественная фотосъемка, без фиксации важных деталей исследуемых событий (расположение трупа, наличие на нем телесных повреждений, орудий преступления, одежды и др.). Следователями субъективно проводится выборка части произведенных фотоснимков, что влечет искажение фактических обстоятельств на месте происшествия. В целях иллюстрации обстановки на месте происшествия цветные фотоснимки приобщаются редко, что препятствует ее объективному восприятию, в том числе в судебном заседании. В нарушение требований ч. 8 ст. 166 УПК РФ не в каждом случае к протоколам осмотров прилагаются диски или флэш-носители с электронными файлами фотографий, приобщенных к фототаблице. При этом следователями не принимается во внимание, что фототаблицы как средство обеспечения наглядности представляемых суду доказательств имеют особое значение для доказывания в процессах с участием присяжных заседателей.

Так, по уголовному делу в отношении О., обвиняемого по ч. 1 ст. 105 УК РФ, изъятое в ходе осмотра места происшествия орудие преступления – нож, следователем в протоколе не описан, фотографирование его не проводилось, в последующем данный нож утрачен. Указанное в совокупности с иными недостатками следствия позволило стороне защиты утверждать о совершении преступления иным лицом, что было принято коллегией присяжных заседателей, вердиктом которых подсудимый оправдан².

При рассмотрении уголовного дела районным судом в отношении И., обвиняемого по ч. 1 ст. 105 УК РФ, стороной защиты заявлено ходатайство о признании ряда доказательств недопустимыми. В частности, одним из оснований послужили недостатки оформления протокола осмотра места происшествия: при осмотре багажного пространства автомобиля, в котором произошло убийство, следователем не описана обнаруженная одежда И., на которой явно имелись следы преступления, одежда не была изъята, судебные экспертизы по следам на ней не проводились. На фототаблице к протоколу осмотра автомобиля не зафиксировано место, где обнаружены варежки, на которых впоследствии обнаружены следы продуктов выстрела и ДНК подсудимого³.

¹ О недостатках при проведении осмотра места происшествия: информационное письмо от 31.03.2025 / Прокуратура Ростовской области. С. 1-2.

² О недостатках при проведении осмотра места происшествия: информационное письмо от 31.03.2025. С. 2.

³ Об ошибках и нарушениях закона, выявленных при рассмотрении уголовных дел областным судом, а также при рассмотрении районными и городскими судами

Отдельно следует отметить, что нередко следователями игнорируется выбор применения технико-криминалистических средств, привлечение специалиста к производству осмотра. Например, следователями самостоятельно при помощи мобильных телефонов определяются и указываются в протоколе географические координаты без привязки к неподвижным объектам. При этом в ходе проверки координат при помощи сертифицированного оборудования устанавливается их несоответствие фактическому месту осмотра. Указанные нарушения получили широкое распространение ввиду применяемых средств подавления GPS-сигнала¹. Подобные просчеты могут быть использованы в суде стороной защиты для компрометации доказательств обвинения.

Подытоживая вышеизложенное, полагаем, что «работа над ошибками», допускаемыми при собирании доказательств, должна систематически проводиться на межведомственных совещаниях, в рамках учебно-методических семинаров, а также находить отражение в учебно-методических изданиях (памятках, руководствах, пособиях) для следователей.

Литература

1. Петров А.В. Организация подготовки к рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей // Законность. 2016. № 11 (985). С. 17–20.
2. Шадрин В.С. Недопустимость доказательств как антипод их допустимости // Криминалистика. 2011. № 1 (8). С. 41–46.
3. Шадрин В.С. Производство предварительного следствия с учетом перспективы использования его результатов в суде присяжных // Правда и закон. 2024. № 2 (28). С. 71–82.

И.О. Ткачев

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева

Спорные вопросы квалификации преступлений против жизни и здоровья, совершенных с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)

Аннотация. В статье дается анализ введенного Федеральным законом от 08.08.2024 № 218-ФЗ признака состава преступлений против жизни и здоровья, заключающегося в совершении деяния с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая

уголовных дел с участием присяжных заседателей по итогам работы за 2 полугодие 2024 года: информационное письмо от 13.02.2025 / Прокуратура Иркутской области. С. 6.

¹ О недостатках при проведении осмотра места происшествия: информационное письмо от 31.03.2025 / Прокуратура Ростовской области. С. 3.

сеть Интернет). Автор приходит к выводу о том, что указанный признак, по мысли авторов соответствующего законопроекта, характеризует обстановку совершения преступления. О наличии такого признака свидетельствует только одновременная публичная демонстрация деяния, например, с использованием стриминговых сервисов.

Ключевые слова: публичная демонстрация, информационно-телекоммуникационные сети, треш-стриминг, преступления против жизни и здоровья, побои

Новеллы Федерального закона от 08.08.2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹, которым ряд преступлений против жизни и здоровья был дополнен новым квалифицирующим (п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «и» ч. 2 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ) или криминообразующим признаком (ст. 116 УК РФ), уже не раз становились предметом анализа на страницах юридической литературы. В рамках настоящего исследования внимание будет уделено вопросу о том, должны ли само деяние, определяющее суть соответствующего преступления против личности, а также его публичная демонстрация быть синхронными либо допустимо, чтобы ранее совершенное деяние уже после его фактического окончания демонстрировалось виновным лицом.

В пользу второго из обозначенных выше вариантов можно привести два аргумента.

Первый из них состоит в том, что, по общему правилу, с учетом требований законодательной техники один и тот же термин в рамках одного нормативного правового акта должен иметь одинаковое значение. Конечно, это требование соблюдается не всегда. Например, Верховный Суд РФ по-разному определяет категорию сбыта применительно к преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов² и преступлениям в сфере незаконного оборота оружия³. Тем не менее к единообразному толкованию терминов необходимо стремиться, в том числе – в области правоприменения.

Применительно к ст. 242 и 242.1 УК РФ высшая судебная инстанция отмечает, что «как публичная демонстрация подлежат квалификации действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 08.08.2024 (дата обращения: 19.05.2025).

² Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // СПС КонсультантПлюс.

³ Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС КонсультантПлюс.

пользователям производить потоковое вещание, – стриминговых сервисах), а также состоящие в размещении запрещенной законом информации (материалов, сведений) на личных страницах и на страницах групп пользователей (в социальных сетях или на интернет-страницах)»¹. Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ применительно к указанным выше составам прямо допустил как одновременную трансляцию соответствующего противоправного контента, так и его последующее размещение в информационно-телекоммуникационных сетях. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что согласно диспозиции ст. 242 и 242.1 УК РФ публичная демонстрация представляет собой одно из альтернативных деяний, совершение которого достаточно для наступления уголовной ответственности по данным уголовно-правовым нормам. В то же время применительно к нормам главы 16 УК РФ публичная демонстрация лишь сопровождает «основное» деяние, представляющее собой насильственное воздействие на потерпевшего.

В связи с этим более показательным является норма п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ. Именно в указанный состав рассматриваемый квалифицирующий признак был впервые введен в отечественное уголовное законодательство². При этом несмотря на то, что, по свидетельству П.А. Филиппова, данный квалифицирующий признак самый редко встречающийся в судебной практике (2,83% изученных дел)³, материалы уголовных дел подтверждают возможность его вменения в ситуации, когда в информационно-телекоммуникационных сетях виновным демонстрировались сцены уже имевшего место ранее жестокого обращения с животными.

Так, П.А. Филиппов приводит в качестве примера обоснованного вменения обсуждаемого квалифицирующего признака приговор Московского районного суда г. Твери от 14.05.2019 по делу № 1-128/2019, которым Б. и П. были осуждены по п. «а» и «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ. Согласно приговору Б. 24.10.2018 *около 22 часов 00 минут* (выделено мной – И.Т.) взял животное – кота, и, удерживая его правой рукой за холку, левой рукой за задние лапы, используя физическую силу, погрузил животное – кота целиком в бак с водой, тем самым причинил ему боль и страдания, ограничил поступление кислорода животному, тем самым причинил гибель животного. В это время П., действуя согласно отведенной ей в совместном преступном плане роли, умышленно осуществляла

¹ Пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3. С. 7.

² Федеральный закон от 20.12.2017 № 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 20.12.2017 (дата обращения: 19.05.2025).

³ Филиппов П.А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука. 2019. № 12. С. 96.

видеосъемку процесса утопления животного – кота на видеокамеру мобильного телефона марки «AURII», принадлежащего Б. Далее Б. 24.10.2018 *около 22 часов 30 минут* (выделено мной – И.Т.) разместил с помощью принадлежащего ему мобильного телефона марки «AURII» видеоролик гибели животного – кота в социальной сети «ВКонтакте»¹.

Аналогичная уголовно-правовая оценка содеянному была дана Сунтарским районным судом Республики Саха (Якутия) в постановлении от 06.04.2021 по уголовному делу № 1-28/2021, рассмотренному в отношении С.Д.А. и С.Н.А., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «а» и «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ. Как указано в постановлении, в период времени *с 16 часов 00 минут до 17 часов 00 минут...* (выделено мной – И.Т.) С.Д.А. и С.Н.А., находясь вместе в кабине трактора «Беларус 82.1»..., заметили лису, и из внезапно возникших хулиганских побуждений С.Д.А. предложил С.Н.А. причинить данной лисе физическую боль и страдания. С.Н.А. согласился на предложение С.Д.А. и они в указанный промежуток времени причинили лисе физические мучения и страдания. После чего в период времени *с 19 часов 30 минут до 20 часов 00 минут* (выделено мной – И.Т.) С.Д.А., находясь в котельной..., публично демонстрировал, распространив через не установленный следствием мобильный телефон марки Samsung видеозапись с жестоким обращением с животным по мессенджеру WhatsApp в группу «Чуоккай уолаттар»².

На возможность вменения п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ в подобных ситуациях указывается и в специальной литературе. Так, Р.Д. Шарапов отмечает, что «публичная демонстрация истязания животного не должна обязательно сопутствовать совершению основного преступного деяния, как, например, в ситуации, когда акт жестокого обращения с животным тут же демонстрируется при помощи видеотехнических средств в сети Интернет в режиме прямого эфира. Публичная демонстрация может последовать за совершенным актом истязания, когда основной состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 245 УК РФ, является оконченным»³. Аналогичной позиции придерживаются М.В. Шкеле и Н.И. Кузнецова⁴.

Второй аргумент заключается в содержании пояснительной записки к соответствующему законопроекту, исходя из которого повышенная общественная опасность актов насилия, сопровождающихся их публичной

¹ Филиппов П.А. Указ. соч. С. 96-97.

² Постановление Сунтарского районного суда Республики Саха (Якутия) от 06.04.2021 № 1-28/2021 // URL: http://suntar.jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=18880506&case_uid=59a4f911-8d1f-484c-87ad-7c1cb4e25519&delo_id=1540006 (дата обращения: 19.05.2025).

³ Шарапов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1. С. 59.

⁴ Шкеле М.В., Кузнецова Н.И. Уголовная ответственность за публичную демонстрацию преступлений против животных в сети «Интернет» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 99.

демонстрацией, обусловлена тем, что такие действия могут быть восприняты как пример для подражания, в том числе формируя представления о допустимости противоправного поведения¹. При этом следует признать, что подобное восприятие никак не зависит от того, одновременным или разновременным будет являться демонстрация сцен применяемого виновным лицом насилия. Соответственно, дифференциация ответственности с использованием рассматриваемого признака в ситуациях последующей демонстрации уже совершенного противоправного деяния не противоречит телеологическому толкованию введенных законопроектом уголовно-правовых норм.

Тем не менее есть достаточные аргументы и в пользу ограничительного истолкования, предусматривающего вменение анализируемого признака только в случае трансляции «основного» деяния в прямом эфире.

Во-первых, об этом, частности, свидетельствует буквальное содержание пояснительной записки к законопроекту, который, по мысли его авторов, «направлен на противодействие распространению в информационном пространстве деструктивного контента в виде треш-стримов»².

Во-вторых, данный вариант толкования соответствует буквальному значению избранной законодателем грамматической конструкции «деяние, совершенное с публичной демонстрацией». Для обозначения связи между явлениями объективной деятельности (чаще всего, деяниями) законодатель использует различные термины. Например, «соединенное с...», «сопряженное с...» и т.п. В данном случае отказ от подобных формулировок, как нам представляется, далеко не случаен. Авторы законопроекта сознательно избрали такую формулировку, которая позволяет судить о публичной демонстрации не как об отдельном деянии, образующем объективную сторону состава соответствующего насильственного преступления, а об обстановке совершения «основного» деяния. Обстановка же сама по себе не имеет хронологических рамок, такие рамки изначально заданы свойствами совершаемого в соответствующей обстановке деяния и им ограничены.

В случаях, когда законодатель использует анализируемую конструкцию, установление того, что соединенное с совершением описанного в диспозиции деяния обстоятельство имело место после окончания преступления, исключает вменение соответствующего квалифицирующего признака. Так, например, вменение состава убийства, *совершенного* (выделено мной – И.Т.) с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), исключается, когда имело место глумление над трупом. Напротив, подчеркивается, что особая жестокость

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (дата обращения 19.05.2025).

² Там же.

должна быть проявлена *перед* (выделено мной – И.Т.) лишением потерпевшего жизни или *в процессе* (выделено мной – И.Т.) совершения убийства¹.

В-третьих, именно данный вариант интерпретации анализируемого признака позволяет избежать серьезной квалификационной проблемы, связанной с определением периода, в течение которого должна иметь место публичная демонстрация ранее совершенного акта насилия. Если допустить, что публичная демонстрация может иметь место уже после совершения «основного» деяния, то на практике становится возможна следующая ситуация. Лицо наносит побои, за что привлекается к административной ответственности по ст. 6.1.1. КоАП РФ. После этого публикует в сети Интернет видеозапись, содержащую сцены ранее примененного насилия. Возможно ли привлечение лица к уголовной ответственности в связи с перерастанием административного правонарушения в преступление?

На первый взгляд, в таком случае можно по аналогии руководствоваться положениями п. 12.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», согласно которому суду следует направить уголовное дело прокурору на основании статьи 237 УПК РФ, поскольку вступившее в законную силу и неотмененное решение о привлечении к административной ответственности лица за совершение тех же действий, которые вменены ему органами предварительного расследования, является препятствием для вынесения приговора². Вместе с тем такое препятствие, как следует из постановления, имеет место только при наличии факта привлечения к административной ответственности *за те же действия* (выделено мной – И.Т.), которые образуют состав преступления. В описанном же выше случае юридически значимый факт – публичная демонстрация акта насилия – имел место уже после совершения действий, за которые лицо было правомерно привлечено к административной ответственности. Какие-либо основания для отмены постановления о привлечении к ответственности, установленные КоАП РФ, отсутствуют. При этом, если полагать, что публичная демонстрация побоев образует состав ст. 116 УК РФ, только если сопровождает «основное» деяние, рекомендация п. 12.1 вышеуказанного постановления вполне применима.

В связи с этим интерпретация рассматриваемого признака как предполагающего исключительно одновременную демонстрацию

¹ Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС КонсультантПлюс.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // СПС КонсультантПлюс.

противоправного контента в виде совершаемых виновным актов насилия представляется предпочтительной.

Литература

1. Филиппов П.А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука. 2019. № 12. С. 92–98.
2. Шарапов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1. С. 51–61.
3. Шкеле М.В., Кузнецова Н.И. Уголовная ответственность за публичную демонстрацию преступлений против животных в сети Интернет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 97–100.

И.Р. Тугузбаев

Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре

Влияние решения налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения на ход досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199 УК РФ

Аннотация. В статье рассматривается и анализируется порядок возбуждения и расследования уголовных дел о налоговых преступлениях с учетом взаимосвязи с положениями налогового законодательства. Автор констатирует необходимость наличия соответствующего решения налогового органа для принятия постановления о возбуждении уголовного дела. Делается вывод о последствиях признания данного решения недействительным на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: повод для возбуждения уголовного дела, налоговые преступления, налоговый орган, проверка сообщения о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199 УК РФ, решение налогового органа о привлечении к ответственности

В последние два десятилетия в уголовном судопроизводстве Российской Федерации в зависимости от социально-экономической обстановки в стране и положения на мировой арене законодателем в разные периоды времени устанавливались специальные нормы уголовного преследования по делам налоговой направленности.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 06.12.2011 № 407-ФЗ¹ и в соответствии с Федеральным законом от 09.03.2022 № 51-ФЗ² были установлены ограничения для инициирования уголовного преследования в связи с совершением данных деяний. В действующей редакции ст. 140 УПК РФ строго указано, что поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

У автора статьи, как и у многих правоприменителей, возникают ежедневные вопросы при расследовании указанных дел: 1) что означает формулировка «только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах»; 2) каковы последствия признания решения налоговых органов недействительными.

Современная редакция актуального применительно к данной ситуации пункта 3 ст. 32 НК РФ сформулирована следующим образом: «Если в течение 75 дней со дня вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения денежных средств, перечисленных и признаваемых в качестве единого налогового платежа, недостаточно для исполнения налогоплательщиком (плательщиком сбора, налоговым агентом, плательщиком страховых взносов) в соответствии со статьей 45 настоящего Кодекса в полном объеме обязанности по уплате сумм недоимок, указанных в таком решении, в отношении неисполненной обязанности, размер которой позволяет предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, соответствующих пеней и штрафов, налоговые органы обязаны в течение 10 дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в следственные органы, уполномоченные производить предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 198-199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - следственные органы), для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

В соответствии с налоговым законодательством по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки руководитель или заместитель руководителя налогового органа выносит решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения либо об отказе в привлечении к ответственности. Определить размер недоимки, соответствующих пеней и штрафов имеет право только налоговый орган и только в порядке, установленном НК РФ.

¹ Федеральный закон от 06.12.2011 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. Данное положение было актуально в период с 2011 по 2014 годы.

² Федеральный закон от 09.03.2022 № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. Данное положение актуально с 2022 года по настоящее время.

При этом в силу п. 3 ст. 108 НК РФ привлечь лицо к ответственности за нарушение налогового законодательства можно только в том случае, если соответствующий факт установлен вступившим в законную силу решением налогового органа.

Как отражает в своей статье В.Ю. Стельмах, налоговый орган по сути является особым участником уголовно-процессуальных отношений, при этом выполняя функции не только и столько заявителя, сколько субъекта, на основе специальных знаний подтверждающего размер ущерба, причиненного неуплатой налога¹.

Таким образом, при решении вопроса о возбуждении уголовных дел, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ, с учетом взаимосвязи положений ст. 32 НК РФ и ст. 140 УПК РФ следует учитывать, что обязательным условием для возбуждения уголовного дела является вступившее в законную силу решение налогового органа с указанием в нем обстоятельств неуплаты (неперечисления) налогоплательщиком (плательщиком сбора, плательщиком страховых взносов, налоговым агентом) в полном объеме суммы недоимки (пени, штрафов). Схожей позиции придерживается А.А. Казаков, отмечающий, что в рамках действующего правового регулирования надлежащим поводом в значении ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ (за одним исключением применительно к ст. 199.2 УК РФ) могут выступать только материалы, направленные в соответствии с п. 3 ст. 32 НК РФ².

Вместе с тем отдельные вопросы, по нашему мнению, остались неразрешенными и по настоящее время. Неясным остается один из главных вопросов о том, как действовать следственным и надзирающим органам в случаях признания решения налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения недействительным.

На практике нередки случаи принятия судебных актов об этом в первой и последующих инстанциях.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»³ указано, что следует исходить из предусмотренного п. 7 ст. 3 НК РФ принципа, согласно которому все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента). По делам о налоговых преступлениях необходимо учитывать особенности действия актов законодательства о налогах и сборах во времени, установленные в ст. 5 НК РФ.

¹ Стельмах В.Ю. Особенности процессуального порядка возбуждения уголовных дел // Экономика и право. 2021. Т. 31, выпуск 1. С. 133-141.

² Казаков А.А. Исключительный повод для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении: сложности восприятия новеллы в правоприменении // Российский судья. 2024. № 6. С. 6-10.

³ СПС КонсультантПлюс.

Кроме того, из указанного постановления следует, что уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, неисполнение обязанностей налогового агента, сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов, возможны только с прямым умыслом, и при решении вопроса о наличии такого умысла необходимо также учитывать обстоятельства, исключающие вину в налоговом правонарушении.

Одним из примеров того, что решение налогового органа оказывает существенное влияние, является уголовное дело в отношении руководства ООО «УАХМ», находившееся в производстве третьего отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Башкортостан¹.

Возбуждение данного дела состоялось еще в период действия норм уголовно-процессуального законодательства, когда сообщения о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.1 УК РФ, могли поступать из органов дознания.

Так, из решения налогового органа № 12-40/25 о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения от 02.07.2018 следовало, что материалы налоговой проверки и дополнительных мероприятий налогового контроля в отношении ООО «УАХМ» не позволяли достоверно установить происхождение изделий, обнаруженных при осмотре у налогоплательщика, и нереальность взаимоотношений ООО «УАХМ» с контрагентом ООО «П...т» не доказана. Различия в документах ООО «П...т», представленных налогоплательщиком, не препятствовали идентификации продавца, покупателя, наименования и стоимости товара и не могли являться основанием для отказа в принятии к вычету сумм налога. В связи с этим налоговым органом указано, что в соответствии с п. 6 ст. 108 НК РФ неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в его пользу, налогоплательщик не подлежит привлечению к ответственности за неполную уплату НДС, а суммы налога и пени доначислению. При этом налоговый орган привлек ООО «УАХМ» к ответственности лишь в связи с неуплатой налога на прибыль организаций и транспортного налога в общем размере не более 600 тыс. руб.

В ходе расследования данного уголовного дела следователем предприняты исчерпывающие меры по опровержению обстоятельств, установленных налоговыми органами, и отмене принятого решения от 02.07.2018. Однако вышестоящий налоговый орган отказал органам следствия в отмене принятого решения № 12-40/25 от 02.07.2018, проведении повторной налоговой проверки, и установлении сумм недочисленного налога, пени и штрафа по нему.

Ввиду этого по делу следователем принято решение о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием события преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 199 УК РФ.

¹ Архив следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Башкортостан.

Данный пример еще раз показал, какое значение может иметь решение налогового органа в разрезе принятия окончательного процессуального решения по уголовному делу. Вместе с тем трактовка ситуации, взятая за основу в представленном случае, не столь однозначна.

По мнению автора статьи, обжалование решения налогового органа в вышестоящем налоговом органе или в суде после возбуждения уголовного дела не должно влиять на судьбу уголовного дела. Так, А.А. Казаков в связи с этим отмечает: «Верным видится исходить из того, что ограничения установлены исключительно на начальном этапе уголовно-процессуальной деятельности. Вступившее в силу решение налогового органа – единственный легальный ключ, открывающий уголовное судопроизводство. Однако его утрата в рамках предварительного следствия или судебного разбирательства не позволяет говорить, что данная дверь была ранее взломана ненадлежащим образом»¹.

Непосредственно только в ходе предварительного следствия устанавливаются действительные обстоятельства произошедших событий, в том числе лица, подлежащие привлечению к ответственности, фактические владельцы и бенефициары, а также наличие умысла у данных лиц на совершение именно налогового преступления.

Литература

1. Казаков А.А. Исключительный повод для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении: сложности восприятия новеллы в правоприменении // Российский судья. 2024. № 6. С. 6–10.

2. Казаков А.А. К вопросу о последствиях признания арбитражным судом недействительным решения налогового органа в ходе расследования уголовного дела // Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 20 марта 2024 года. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. С. 34–37.

2. Стельмах В.Ю. Особенности процессуального порядка возбуждения уголовных дел // Экономика и право. 2021. Т. 31, выпуск 1. С. 133–141.

¹ Казаков А.А. К вопросу о последствиях признания арбитражным судом недействительным решения налогового органа в ходе расследования уголовного дела // Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 20 марта 2024 года. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. С. 37.

Проблемы квалификации хищений из газопровода

Аннотация. Самовольное потребление газа из газопровода при определенных обстоятельствах для физических лиц может повлечь наступление ответственности по п. «б» ч. 3 ст. 158, ч. 1 (ч. 2) ст. 215.3, ч. 3 (ч. 4, ч. 5) ст. 215.3 УК РФ, ч. 1 и ч. 2 ст. 7.19 КоАП РФ. Анализ правоприменительной практики показал наличие проблем, связанных с правилами квалификации случаев хищения газа из газопроводов.

Ключевые слова: хищение, ущерб, газ, газопровод, самовольное подключение, повреждение

По п. «б» ч. 3 ст. 158, ч. 1 или ч. 2 ст. 215.3 УК РФ могут быть квалифицированы случаи хищения, самовольного подключения не только к магистральным газопроводам высокого, среднего и низкого давления, но и к внутридомовым, внутриквартирным инженерным сетям газоснабжения, что находит отражение в правоприменительной практике¹.

Подобный подход согласуется с абзацами пятым-седьмым п. 2 Правил пользования газом в части обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования при предоставлении коммунальной услуги по газоснабжению², согласно которым газопроводы входят в состав внутридомового и внутриквартирного газового оборудования, предназначены для соединения источника газа и газоиспользующего оборудования.

Полагаем возможным квалифицировать по ч. 3-5 ст. 215.3 УК РФ случаи разрушения, повреждения или приведения иным способом в негодное для эксплуатации состояние внутридомового или внутриквартирного газопроводов, совершенных не только посторонними лицами, но и их собственниками.

Согласно требованиям отраслевого законодательства граница эксплуатационной ответственности специализированной организации превышает границу балансовой принадлежности и включает в себя внутридомовые и внутриквартирные газопроводы³.

¹ См.: Постановление Кизилюртовского районного суда Республики Дагестан от 07.09.2018 № 10-7/2018, приговоры Вилюйского районного суда Республики Саха Якутия от 16.01.2024 № 1-6/2024 по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ и Советского районного суда г. Махачкала Республики Дагестан от 29.07.2024 № 1-682/2024 по ч. 1 ст. 215.3 УК РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).

² Постановление Правительства РФ от 14.05.2013 № 410 «О мерах по обеспечению безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования» // СПС КонсультантПлюс.

³ См.: п. 3 Правил подключения (технологического присоединения) газоиспользующего оборудования и объектов капитального строительства к сетям

Газораспределительная система представляет собой имущественный производственный комплекс, состоящий из организационно и экономически взаимосвязанных объектов, предназначенных для транспортировки и подачи газа непосредственно его потребителям¹. Несанкционированное разрушение, повреждение и приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние внутридомовых и внутриквартирных газопроводов влечет нарушение целостности и безопасности всей газораспределительной системы, как единого целого, что угрожает безопасности неопределенного круга лиц. Подобные деяния совершаются в границах эксплуатационной ответственности специализированной организации. Объектом преступления, предусмотренного ст. 215.3 УК РФ, выступают отношения в области обеспечения безопасности трубопроводов и технологически связанных с ними объектов, а не отношения собственности. Следовательно, разрушение (повреждение) собственником действующего внутридомового (внутриквартирного) газового оборудования при наличии иных признаков состава преступления следует квалифицировать по ч. 3-5 ст. 215.3 УК РФ.

Приказом Минэнерго России от 30.12.2020 № 1227² утверждена методика расчета ущерба, причиненного в результате хищения, совершенного из газопровода (далее – Методика), которая с 14.02.2021 определяет единые правила исчисления размера ущерба, причиненного в результате хищения газа из газопровода.

По общему правилу, количество похищенного газа определяется путем умножения величины расхода газа, определенной на основании эксплуатационной документации по максимальной мощности газоиспользующего оборудования, на продолжительность хищения газа с учетом круглосуточной работы газоиспользующего оборудования (п. 3 Методики). В случае если продолжительность хищения газа не установлена, она принимается равной периоду со дня последней проверки целостности газопровода до дня выявления факта его противоправного изъятия специализированной организацией, но не более шести месяцев (п. 4 Методики).

В случае использования виновным не заводского газоиспользующего оборудования либо невозможности определения расхода газа по эксплуатационной документации на него объем похищенного газа определяется

газораспределения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13.09.2021 № 1547; п. 9 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13.08.2006 № 491; п. 2 Правил пользования газом в части обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования при предоставлении коммунальной услуги по газоснабжению, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14.05.2013 № 410 // СПС КонсультантПлюс.

¹ Абз. 5 ст. 2 Федерального закона от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

² Приказ Минэнерго России от 30.12.2020 № 1227 «Об утверждении Методики расчета ущерба, причиненного в результате хищения, совершенного из газопровода» // СПС КонсультантПлюс.

исходя из площади отверстия в газопроводе, к которому осуществлено самовольное подключение, либо минимального внутреннего сечения неправомерно подключенного газопровода (п. 5-7 Методики).

Примечательно, что согласно п. 15 Методики цена газа принимается равной среднемесячной розничной цене на газ, устанавливаемой органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации без учета налога на добавленную стоимость, в зависимости от группы потребителей, определенной в ходе проведения следственных мероприятий, в интересах которой осуществлено хищение газа. Следовательно, при равном объеме похищенного газа размер ущерба в случае его изъятия для нужд юридического и физического лица будет отличаться.

С принятием Методики количество уголовных дел о хищениях газа из газопровода резко возросло, что обусловлено законодательным разрешением с 14.02.2021 проблемы подсчета объема газа, похищенного из газопроводов. Однако, следует признать, что упомянутая Методика расчета объема похищенного газа отстает от классических канонов определения размера ущерба от хищения, т.к. предполагает не реальное, а максимально возможное изъятие газа при заданных условиях.

Так, М. приварил к газовой трубе шаровый кран, присоединил к нему полипропиленовую трубу диаметром 16 мм и проложил ее по ранее выкопанной траншее к дому, где самовольно подключил к газопроводу котел с бойлером для нагрева воды, газовую плиту и духовой шкаф. В результате М. совершил хищение газа объемом 51388,56 куб. м. на общую сумму 353 393 рублей¹.

Осуществление несанкционированных врезок в газопровод уже нарушает его целостность, т.е. происходит его повреждение. Эксплуатация газопровода под давлением с подобной врезкой представляет реальную опасность, поскольку осуществляется без учета изменения конструкции трубопровода. Использование такого газопровода возможно лишь после восстановления его целостности. Следовательно, врезка в газопровод является формой его повреждения.

Однако анализ правоприменительной практики показал, что, несмотря на разъяснения, изложенные в абзаце втором п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»², случаям хищения газа путем осуществления врезок в газопроводы дополнительная юридическая оценка по ч. 3-5 ст. 215.3 УК РФ в большинстве случаев не дается, что иногда влечет возвращение уголовных дел прокурору³. Лишь в единичных случаях факты хищений из трубопроводов

¹ Приговор Раменского городского суда Московской области от 24.06.2024 № 1-459/2024 по п. «б», «в» ч. 3 ст.158 УК РФ // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).

² URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8242/> (дата обращения: 16.04.2025).

³ Постановление Домодедовского городского суда Московской области от 04.10.2018 № 1-621/2018 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).

путем врезок квалифицируются правоприменителем по совокупности рассматриваемых преступлений¹.

Квалификация случаев хищения газа путем врезок в газопроводы по совокупности указанных преступлений является отступлением от доктринальных правил квалификации преступлений способов и преступлений результатов (конкуренция целого и части)². Однако, с учетом разъяснений высшей судебной инстанции никаких препятствий для квалификации случаев хищения газа путем осуществления врезок в газопроводы по п. «б» ч. 3 ст. 158, ч. 3 -5 ст. 215.3 УК РФ не имеется.

Самовольное подключение (ч. 1 и ч. 2 ст. 215.3 УК РФ) в отличие от повреждения путем врезки (ч. 3-5 ст. 215.3 УК РФ) осуществляется путем неправомерного использования существующих элементов газопровода (например, демонтаж установленных ранее заглушек, самостоятельное включение ранее отключенной запорной арматуры и т.п.).

Так, В., будучи привлеченным к административной ответственности по ч. 1 ст. 7.19 КоАП РФ, из корыстных побуждений, вызванных нежеланием оплачивать за потребленные ресурсы, пренебрегая правилами безопасности, не имея полученного в установленном порядке допуска, открутив заглушку которую установили сотрудники газовой службы, путем соединения краника со штуцером к металлической газовой трубе возобновил подачу газа в свое домовладение³.

К числу конструктивных элементов составов преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 215.3 УК РФ, не относятся длительность несанкционированного подключения, объем изъятых газа, а также размер причиненного ущерба. Вместе с тем это вовсе не означает невозможность дополнительной квалификации содеянного по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, т.к. фактически происходит противоправное изъятие газа из газопровода, т.е. его хищение. Следовательно, подобные случаи образуют совокупность преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158, ч. 1 или ч. 2 ст. 215.3 УК РФ.

В обоснование подобной квалификации мы не можем сослаться на положения абзаца второго п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29, т.к. указанные разъяснения даны до внесения изменений в ст. 215.3 УК РФ и фактически предписывают квалифицировать по

¹ Приговор Короневского районного суда Краснодарского края от 27.11.2019 № 1-112/2019 по п. «б» ч. 3 ст. 158, п. «а», «б» ч. 2 ст. 215.3 УК РФ // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).

² Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М.: Изд. дом «Городец», 2007; Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015 // СПС КонсультантПлюс.

³ Приговор Советского районного суда г. Махачкала Республики Дагестан от 29.07.2024 № 1-682/2024 по ч. 1 ст. 215.3 УК РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).

совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158, ч. 3-5 ст. 215.3 УК РФ, случаи кражи газа лишь путем врезок в газопроводы, влекущих их разрушение, повреждение или приведение в негодное для эксплуатации состояние.

Преступления, предусмотренные п. «б» ч. 3 ст. 158 и ч. 1 или ч. 2 ст. 215.3 УК РФ, являются не конкурирующими (целое и часть), а смежными. Еще В.Н. Кудрявцев относил к смежным такие преступления, в которых один состав имеет признак, отсутствующий в другом, но другой состав при этом содержит признак, отсутствующий в первом¹.

Ущерб владельцу (собственнику) газа в результате его противоправного изъятия выступает обязательным элементом состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Состав же преступления, предусмотренный ч. 1 или ч. 2 ст. 215.3 УК РФ, формальный. В ч. 1 или ч. 2 ст. 215.3 УК РФ субъект преступления – специальный (лицо, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние (ч. 1 ст. 7.19 КоАП РФ) в отличие от п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, где субъект общий. Следовательно, ни один из указанных составов в полной мере не поглощает признаки другого.

Таким образом, самовольное подключение к газопроводу специальным субъектом с последующим безвозмездным потреблением газа при наличии иных оснований образует совокупность преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 и ч. 1 или ч. 2 ст. 215.3 УК РФ.

Схожий подход отражен в разъяснениях, изложенных в п. 10.9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»² при квалификации случаев нарушения правил дорожного движения лицом, управлявшим транспортным средством в состоянии опьянения, будучи подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, повлекшее наступление тяжких последствий, по совокупности ст. 264, 264.1 УК РФ.

Однако правоприменитель случаи самовольного подключения к газопроводу как внутри домовладения, так и за его пределами во многих ситуациях квалифицирует по ч. 1 или ч. 2 ст. 215.3 УК РФ без дополнительной оценки действий виновных по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

К примеру, Ч., будучи привлеченным к административной ответственности по ч. 1 ст. 7.19 КоАП РФ, используя разводной ключ обхватил заглушку на трубе и приложив физическое усилие рывком в сторону, сорвал ее. Далее он к металлической трубе прикрутил металлический газовый соединитель, тем самым осуществил повторное подключение к газопроводу с целью

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2007. С. 215, 216.

² URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8156/> (дата обращения: 16.04.2025).

последующего использования природного газа для бытовых нужд, причинив ущерб на сумму 7 339 рублей 50 копеек¹.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Преступления, предусмотренные п. «б» ч. 3 ст. 158, ст. 215.3 УК РФ, могут быть совершены не только на внешних (магистральных), но и на внутридомовых (внутриквартирных) газопроводах.

2. Размер ущерба в результате хищения газа из газопровода следует определять в соответствии с п. 3-7, 15 Методики, утвержденной Приказом Минэнерго России от 30.12.2020 № 1227;

3. Хищение газа путем:

- самовольного подключения специальным субъектом к газопроводу следует квалифицировать по п. «б» ч. 3 ст. 158, ч. 1 или ч. 2 ст. 215.3 УК РФ;

- врезок в газопровод, исходя из повреждения его целостности, следует квалифицировать по п. «б» ч. 3 ст. 158, ч. 3-5 ст. 215.3 УК РФ.

Литература

1. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 288 с.

2. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. 302 с.

3. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М.: Изд. дом «Городец», 2007. 332 с.

Л.Е. Чистова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Проблемы, связанные с использованием заключения специалиста в стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, и пути их решения

Аннотация. В статье проводится анализ существующей в настоящее время практики возбуждения уголовных дел по наркопреступлениям. Исследуются проблемные вопросы использования заключений специалистов на этой стадии. Приводится авторская точка зрения на решение этой проблемы.

Ключевые слова: заключение специалиста, стадия возбуждения уголовного дела, расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, доказательства по уголовным делам, назначение судебной экспертизы

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Махачкала Республики Дагестан от 26.08.2024 № 1-501/2024 по ч. 1 ст. 215.3 УК РФ URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).

Проблемные вопросы применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве, в том числе при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, на протяжении многих лет остаются в центре внимания ученых-криминалистов и практических работников. Несмотря на предпринимаемые законодателем попытки регламентировать порядок использования специальных познаний, значительная часть проблем так и не нашла своего разрешения. Более того, с усложнением способов совершения незаконных действий в рассматриваемой нами сфере, появлением новых видов психоактивных веществ и совершенствованием методов их сокрытия актуальность данного вопроса только возрастает.

Особую остроту в рассматриваемой сфере приобретают вопросы, связанные с назначением и производством судебных экспертиз. Несмотря на прямое указание ч. 1 ст. 144 УПК РФ, разрешающей проведение экспертных исследований уже на этапе доследственной проверки, правоохранные органы крайне неохотно используют эту возможность при решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Как показывает практика (нами было проанкетировано 203 сотрудника органов внутренних дел МВД России, занимающихся расследованием уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ), вопрос о возбуждении уголовного дела по уголовным делам рассматриваемой категории решается на основе справки специалиста.

Анализ сложившейся ситуации позволяет выделить несколько ключевых факторов, обуславливающих такое положение дел. Как установлено ведомственными регламентами, стандартный срок для полноценной судебной экспертизы не превышает 15 суток¹, тогда как предварительное исследование должно быть завершено в пятидневный срок². Подобные сроки, установленные ведомственными инструкциями, зачастую не учитывают реальную нагрузку экспертных подразделений, что приводит к задержкам и снижает эффективность досудебного расследования.

Однако даже эти сроки зачастую оказываются неприемлемыми для оперативных подразделений, которым необходимо в сжатые сроки (часто в пределах 3 часов после задержания подозреваемого) получить формальное

¹ Вопросы организации судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, проводимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»: Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 // СПС КонсультантПлюс.

² Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России (вместе с «Наставлением по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России»: Приказ МВД России от 11.01.2009 № 7 // СПС КонсультантПлюс.

подтверждение наркотической природы изъятого вещества для соблюдения процессуальных сроков.

Проведенные нами исследования и опросы практических работников¹ показывают, что в оперативных подразделениях сложилась устойчивая практика направления объектов на предварительное исследование лишь на стадии процессуального оформления результатов оперативно-разыскных мероприятий. Фактически специалист оказывается в ситуации, когда он вынужден в экстремально сжатые сроки проводить исследование, по своей глубине и тщательности приближающееся к полноценной экспертизе, но оформлять его в виде простой справки.

Однако в связи с тем, что справка, составленная по результатам исследования наркотических средств, надлежащим доказательством не является, после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела все равно необходимо экспертизу назначать. Получается, что специалисты выполняют двойную работу, поскольку при предварительном исследовании наркотических средств используется та же методика, что и при экспертном исследовании в полном ее объеме.

Кроме того, для следователей в таком случае увеличивается количество процессуальных документов, которые необходимы для всестороннего исследования обстоятельств расследуемого преступления.

В качестве основного направления совершенствования сложившейся практики предлагается следующее решение данной проблемы. Учитывая, что согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ заключение специалиста признается самостоятельным доказательством, целесообразно предусмотреть оформление результатов предварительного исследования именно в форме заключения специалиста, а не справки. Это позволит: исключить дублирование исследований; сократить сроки предварительного расследования; уменьшить нагрузку на экспертные учреждения.

Законодатель определяет заключение специалиста как его суждение по тем вопросам, которые поставлены перед ним сторонами. Но он не разъясняет суть этого суждения, т.е. остались не урегулированными вопросы относительно тех оснований, которые могут лежать в основе таких суждений специалиста, а это очень важный вопрос, поскольку выводы специалиста влияют на объективность расследования.

Данный вопрос актуален, поскольку специалист привлекается для содействия следователю, в том числе при применении технических средств с целью обнаружения в ходе следственных действий следов, предметов и объектов, которые в дальнейшем могут стать вещественными доказательствами. Как верно отметил А.М. Зинин, информация, полученная в ходе их исследования, нередко служит основанием для возбуждения уголовного дела, выдвижения

¹ Нами были проанкетированы 89 оперуполномоченных уголовного розыска, специализирующихся на выявлении данных преступлений.

версий, особенно на начальном этапе и определения направлений расследования¹.

В целом предложенный нами вариант позволит исключить необходимость составления справки по результатам предварительного исследования, поскольку само заключение будет иметь доказательственную силу.

В итоге это будет способствовать оптимизации расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ.

Литература

Зинин А.М., Семикаленова А.И., Иванова Е.В. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник / под общ. ред. А.М. Зинина. М.: Проспект. 2024. 247 с.

Р.Д. Шарапов^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

² Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации

Проблема разграничения составов злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, совершенного из корыстной или иной личной заинтересованности

Аннотация. В статье анализируется вопрос об основании уголовной ответственности должностного лица, совершившего из корыстной или иной личной заинтересованности в отсутствие служебной необходимости действия, связанные с использованием предоставленных ему прав или возложенных на него обязанностей. Показаны варианты квалификации указанных действий либо как злоупотребление должностными полномочиями, либо как превышение должностных полномочий.

Ключевые слова: злоупотребление, превышение, должностные полномочия, должностное лицо, корыстная заинтересованность, личная заинтересованность, должностное преступление

Актуальный для правоприменительной практики вопрос о разграничении составов злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) (далее – злоупотребление) и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) (далее – превышение) обычно решался исходя из двух критериев: 1) в

¹ Зинин А.М., Семикаленова А.И., Иванова Е.В. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник / под общ. ред. А.М. Зинина. М.: Проспект. 2024. С. 73.

отличие от злоупотребления, которое может выражаться как в форме действия, так и в форме бездействия, превышение может совершаться только в форме «активных действий»¹; 2) «если должностное лицо, – пишет П.С. Яни, – совершило действия, которые оно могло совершить только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте, а такие обстоятельства отсутствовали, и данные действия повлекли наступление общественно опасных последствий, названных в ст.ст. 285 и 286 УК, то содеянное квалифицируется как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий в зависимости от наличия в первом случае либо отсутствия во втором мотива в виде корыстной или иной личной заинтересованности»².

С принятием Федерального закона от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»³ в статью 286 УК РФ были внесены изменения, согласно которым особо квалифицированный состав превышения был дополнен новыми отягчающими обстоятельствами, в том числе совершением этого преступления из корыстной или иной личной заинтересованности (п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Вопрос о разграничении злоупотребления и превышения приобрел еще большую сложность, поскольку если должностное лицо совершило в отсутствие служебной необходимости (т.е. при отсутствии юридических оснований) действия, связанные с использованием предоставленных ему прав или возложенных на него обязанностей, и при этом установлено, что действия совершены из корыстной или иной личной заинтересованности, то содеянное соответствует признакам одновременно двух составов преступлений: основному составу злоупотребления (ч. 1 ст. 285 УК РФ) и особо квалифицированному составу превышения (п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

В судебной практике распространена позиция, согласно которой бесосновательное использование должностным лицом своих служебных полномочий из корыстной или иной личной заинтересованности квалифицируется как превышение при особо отягчающем обстоятельстве (п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Причем такая квалификация дается, в том числе действиям, которые согласно пункту 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 приведены в качестве примеров злоупотребления. Так, по п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ осужден исполняющий обязанности командира батальона, который за взятку временно освободил от исполнения

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (пункты 15, 19) // СПС КонсультантПлюс.

² См.: Яни П.С. Разграничение должностного злоупотребления и превышения должностных полномочий // Законность. 2007. № 12. С. 12; Яни П.С. Должностное злоупотребление – частный случай превышения полномочий // Законность. 2011. № 12. С. 12; Никонов П.В., Шиханов В.Н. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ): учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. Иркутск, 2019. С. 504.

³ СПС КонсультантПлюс.

обязанностей военной службы подчиненного военнослужащего, скрывая его незаконное отсутствие на службе¹.

Поскольку описанная коллизия связана с сомнением в том, в каком преступлении должностное лицо следует считать виновным (в злоупотреблении или в превышении?), разрешение указанной коллизии возможно на основе одного из положений принципа презумпции невиновности – неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ, ч. 3 ст. 14 УПК РФ). В итоге, содеянное нужно квалифицировать как злоупотребление, основной состав которого предусматривает преступление средней тяжести, а не как превышение, особо квалифицированный состав которого предусматривает тяжкое преступление.

Вместе с тем все же нет причин для того, чтобы следовать предложенной рекомендации во всех без исключения случаях разрешения описанной коллизии между составами злоупотребления и превышения. Дело в том, что основание уголовной ответственности за превышение характеризуется более широким набором квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков состава по сравнению со злоупотреблением. Например, такие отягчающие обстоятельства, как применение насилия или угроза его применения, применение оружия или специальных средств, группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, в отношении несовершеннолетнего, применение пытки, причинение по неосторожности смерти или тяжкого вреда здоровью потерпевшего в результате пытки, не предусмотрены в числе признаков квалифицированного и особо квалифицированного составов злоупотребления. Согласно закону, вменение указанных обстоятельств при превышении возможно при любом мотиве этого преступления, в том числе при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности. Поэтому, если руководствоваться предложенным правилом разрешения коллизии между злоупотреблением и превышением, не придавая значения различию в дифференциации уголовной ответственности за данные преступления, придется, например, использование представителем власти своего права на применение физической силы, но в отсутствие законных оснований, при установленной корыстной или иной личной заинтересованности квалифицировать вместо превышения (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ – тяжкое преступление) как злоупотребление (ч. 1 ст. 285 УК РФ – преступление средней тяжести), и, напротив, оценивать содеянное как превышение по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, если указанный мотив не установлен. Такой алгоритм квалификации идет вразрез с принципом справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ), поскольку наказание за насильственное нарушение должностных полномочий из корыстной или иной личной заинтересованности (мотив, повышающий степень общественной опасности деяния) не может быть менее строгим по сравнению с наказанием за такое же деяние, но совершенное при отсутствии указанных мотивов, например, из ложно понятых интересов службы. Поэтому

¹ Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 24.11.2023 № 22-650/2023 // СПС КонсультантПлюс.

исследователи, ставящие вопрос о том, какую из двух упомянутых статей главы 30 УК РФ (злоупотребление или превышение) «следует выбрать, если применение насилия, оружия, специальных средств входит в служебную компетенцию должностного лица, и оно применило их по службе, но в отсутствие необходимых для этого оснований или условий, и действовало из корыстной или иной личной заинтересованности?», дают обоснованный ответ: «применение насилия, угрозы насилием, а также применение оружия и специальных средств при любой мотивации не могут быть квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями»¹. Это превышение.

Таким образом, если должностное лицо совершило в отсутствие служебной необходимости действия, связанные с использованием предоставленных ему прав или возложенных на него обязанностей, и при этом установлено, что действия совершены из корыстной или иной личной заинтересованности, то содеянное следует квалифицировать как превышение при условии, что в содеянном помимо обстоятельств, предусмотренных пунктами «е» и «в» части 3 статьи 286 УК РФ, содержится хотя бы еще один из квалифицирующих признаков, предусмотренных частями 3, 4 или 5 ст. 286 УК РФ. Иначе такое преступление соответствует злоупотреблению, в том числе повлекшему тяжкие последствия (ст. 285 УК РФ).

Предложенная рекомендация, нужно признать, не безупречна. Потому что, если вышеуказанные действия совершены должностным лицом не из корыстной или иной личной заинтересованности, однако повлекли тяжкие последствия, то содеянное не может квалифицироваться как злоупотребление при особо отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 285 УК РФ). Такое деяние соответствует превышению с причинением тяжких последствий (п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ), которое влечет более строгое наказание по сравнению с наказанием за злоупотребление при особо отягчающих обстоятельствах. При совпадении максимальных пределов санкций минимальный размер наказания в виде лишения свободы определен в санкции ч. 3 ст. 286 УК РФ сроком в три года, в санкции ч. 3 ст. 285 УК РФ – сроком в два месяца. Получается, что преступление, характеризующееся меньшей степенью общественной опасности в виду отсутствия низменных в уголовно-правовом смысле мотивов посягательства, оказывается наказуемым более строго, чем аналогичное преступление, совершенное при наличии указанных мотивов.

В условиях существующего истолкования Пленумом Верховного Суда РФ объективной стороны злоупотребления и превышения, в равной мере допускающих квалификацию безосновательного использования должностным лицом своих служебных полномочий, а также позиции законодателя, дифференцировавшего уголовную ответственность за превышение с учетом мотива корыстной или иной личной заинтересованности, представляется обоснованной постановка вопроса об унификации составов преступлений,

¹ Никонов П.В., Шиханов В.Н. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ): учебное пособие. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Иркутск, 2019. С. 504–505.

предусмотренных ст. 285 и ст. 286 УК РФ. Еще одной предпосылкой для такого вывода является наличие в составе превышения особо квалифицирующего признака «применение пытки», которая согласно пункту 1 примечания к ст. 286 УК РФ может выражаться не только в любом действии, но и в бездействии, в то время как превышение согласно закону и позиции Пленума Верховного Суда РФ может выражаться только в действиях.

Литература

1. Никонов П.В., Шиханов В.Н. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ): учебное пособие. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Иркутск, 2019. 613 с.
2. Яни П.С. Должностное злоупотребление – частный случай превышения полномочий // Законность. 2011. № 12. С. 12–16.
3. Яни П.С. Разграничение должностного злоупотребления и превышения должностных полномочий // Законность. 2007. № 12. С. 11–14.

А.С. Шаталов

Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

К вопросу об адаптации доказательственного права к реалиям цифровой трансформации общественной жизни

Аннотация. В статье рассматривается сущность цифровых (электронных) доказательств в уголовном процессе, а также их роль в доказательственной базе по уголовным делам. Автор считает, что, будучи фундаментальным институтом уголовного судопроизводства, доказательственное право, должно перекликаться с реалиями цифровой трансформации современного общества и формулирует свою позицию относительно доказательств данного типа, подчеркивая важность разработки и внедрения мер, направленных на обеспечение их надежности и достоверности. Также он акцентирует внимание на необходимости комплексного правового регулирования цифровых (электронных) доказательств, включая разработку четких критериев их относимости и допустимости. Особое внимание уделяется обеспечению безопасности и конфиденциальности данных, а также вопросам защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса. В заключении автор приходит к выводу, что успешная интеграция цифровых доказательств в уголовный процесс возможна только при условии комплексного подхода, включающего совершенствование нормативно-правовой базы, повышение квалификации правоприменителей, внедрение современных технических средств и технологий.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, доказательственное право, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, уголовно-процессуальный институт

В условиях стремительного развития цифровых технологий и их глубокого проникновения во все сферы общественной жизни возникает необходимость

комплексного анализа и переосмысления традиционных правовых норм. Проблематика адаптации законодательства к новым реалиям цифровой эпохи приобретает особую актуальность, требуя детального рассмотрения как существующих вызовов, так и потенциальных направлений развития правовой системы. Одной из ключевых проблем является необходимость гармонизации национального законодательства с международными стандартами и нормами, регулирующими цифровую сферу. В условиях глобализации и трансграничного характера цифровых взаимодействий это становится особенно важным. Другой значимой проблемой является обеспечение баланса между свободой информации и необходимостью защиты прав и свобод граждан в цифровой среде. В условиях развития социальных сетей и онлайн-платформ возникает необходимость разработки и внедрения эффективных механизмов защиты персональных данных, а также противодействия киберпреступности и другим угрозам.

Перспективы адаптации российского законодательства к новым условиям цифровой жизни связаны с развитием правовых институтов и механизмов, способных адекватно регулировать возникающие вызовы. К числу таких институтов можно отнести правовое регулирование искусственного интеллекта и больших данных, а также развитие механизмов саморегулирования в цифровой сфере. Кроме того, важным направлением является повышение уровня правовой грамотности и информированности граждан о своих правах и обязанностях в цифровой среде. Это требует разработки и внедрения образовательных программ и информационных кампаний, направленных на повышение правовой культуры населения. Таким образом, адаптация законодательства к условиям цифровой трансформации является сложным и многогранным процессом, требующим комплексного подхода и координации усилий на национальном и международном уровнях. Только при условии системного и последовательного решения возникающих проблем можно обеспечить эффективное функционирование правовой системы в условиях цифровой эпохи.

Неотъемлемой составляющей правовой системы Российской Федерации является уголовно-процессуальное право. Его нормами регулируется порядок предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, чем обеспечивается защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также подвергнутых уголовному преследованию лиц от незаконного обвинения и осуждения. В условиях современных вызовов, таких как глобализация, цифровизация, терроризм, экстремизм, незаконная миграция и др., наиболее ярко проявляется универсальность институтов уголовно-процессуального права, призванная способствовать быстрому раскрытию преступлений, а также полному, объективному, всестороннему расследованию и рассмотрению уголовных дел, в том числе непосредственно связанных с этими вызовами, чем обеспечивается безопасность граждан, общества и государства. Не менее ярко универсальность институтов данной отрасли российского права проявляется в их способности адаптироваться к стремительно меняющимся условиям общественной жизни. Например, в условиях глобализации и

цифровизации они должны демонстрировать свою способность к восприятию достижений научно-технического прогресса вообще, а современных информационных технологий, в частности¹. На таком фоне необходимость адаптации уголовно-процессуального законодательства к реалиям сегодняшнего дня становится все более очевидной². Однако, некоторые его институты оказались не готовы к столь быстрой цифровой трансформации общественной жизни и требуют серьезной переработки. Мы уже обращали внимание в своих публикациях на то, что весьма остро в ней нуждается доказательственное право, которое стремительно устаревает, поскольку не принимает во внимание вызовы и сложности, возникающие в цифровой среде, где помимо обилия информации, представляющей интерес для следствия и суда, существуют инструменты для манипуляции с доказательствами, что может привести к их искажению и, как следствие, к невозможности их использования в доказывании по уголовным делам³.

Если материальные и идеальные следы преступлений уже давно стали привычными для следственной и судебной практики, то о виртуальных и цифровых следах этого пока сказать нельзя, поскольку предметом научного осмысления для исследователей они стали сравнительно недавно⁴. Об этом свидетельствует тот факт, что в российской уголовно-процессуальной доктрине лишь несколько лет тому назад стали широко обсуждаться вопросы, связанные с необходимостью правового регулирования отношений, связанных с цифровой реальностью⁵, использованием криминалистически значимой информации, содержащейся на электронных носителях⁶, и, конечно же, виртуальное пространство в качестве своеобразной юридической конструкции⁷. Обращает на

¹ Афанасьев А.Ю. Системы искусственного интеллекта в механизме уголовно-процессуального доказывания // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 89.

² Иванова М.Д. Возможности и проблемы использования искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. 2024. № 10 (27). С. 50.

³ Шаталов А.С. Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 231.

⁴ Переверзева Е.С., Комов А.В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 172.

⁵ Малина М.А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. 2021. № 2. С. 29.

⁶ Климова Я.А. Искусственный интеллект и цифровые доказательства в расследовании преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 10 (64). С. 81.

⁷ Левченкова В.А. Современные научные подходы к формированию учения о виртуальных следах // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации:

себя внимание то обстоятельство, что диапазон мнений процессуалистов о доказательствах такого рода довольно широк. Это свидетельствует о сложности и многоаспектности рассматриваемых явлений новой реальности. Одной из главных причин их внимания к данной проблематике является значимость таких сведений для выявления, раскрытия и расследования преступлений, особенно тех, что совершаются в киберпространстве с использованием современных информационных технологий. При таком стечении обстоятельств именно виртуальные и цифровые следы, ставшие доказательствами по уголовным делам, все чаще становятся ключевым фактором, обеспечивающим полноту, объективность и всесторонность предварительного расследования, а также законность, обоснованность и справедливость выносимого по его результатам приговора суда.

В современную юридическую литературу активно внедряются несколько понятий, которые, несмотря на свою полную идентичность, искусственно отделены друг от друга: *«цифровые доказательства»*, *«электронные доказательства»* и *«цифровые (электронные) доказательства»* (выделено мной – А.Ш.)¹. Их восприятие процессуалистами неоднозначно. Не отрицая принадлежность этих понятий к языку уголовного процесса, они нередко сомневаются в необходимости разработки для каждого из них отдельной дефиниции, полагая, что в любом случае она должна основываться на законодательном определении доказательств, приведенном в ч. 1 ст. 74 УПК РФ². Ими сформулированы убедительные аргументы в пользу того, что определения этих понятий должны перекликаться со словом «сведения» и охватываться им, а признак «электронности» следует «растворить» в уже существующих видах доказательств, рассматривая его только как форму выражения необходимых для дела сведений³. Однако, учитывая, что в данной статье российского уголовно-процессуального закона речь идет отнюдь не о конкретных, а о совершенно любых сведениях, включать в перечень источников доказательств, предусмотренный в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, какую-либо новую их разновидность пока нецелесообразно, поскольку электронные или цифровые сведения, получаемые в ходе производства по уголовным делам, имеют все шансы быть признанными либо вещественными доказательствами, либо иными документами. Следовательно, понятия *«цифровые доказательства»*, *«электронные доказательства»* и *«цифровые (электронные) доказательства»*

достижения и проблемы применения: сборник материалов III Международной студенческой научно-практической конференции, Курск, 15 апреля 2016 года / Ответственный редактор Рябинина Т.К. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2016. С. 105-108.

¹ Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7. С. 74.

² Новицкий В.А., Новицкая Л.Ю. Понятие и виды цифровых доказательств // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 213.

³ Марфицин П.Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 106.

(выделено мной – А.Ш.) в силу полного сходства происхождения сведений такого рода наиболее правильно употреблять как тождественные, причем, не в прямом, а исключительно в переносном смысле.

Таким образом, интерес исследователей к цифровым (электронным) доказательствам в уголовном судопроизводстве вполне понятен и оправдан. В юридическом сообществе практически не осталось сомневающихся в том, что электронные доказательства представляют собой важный инструмент борьбы с преступностью и обеспечения справедливости в суде. Следовательно, необходимо продолжать развивать и совершенствовать методы работы с электронными доказательствами, с тем чтобы они могли быть максимально эффективными и надежными в производстве по уголовным делам, обеспечивали удобство и доступность для всех участников уголовного судопроизводства, а также повышали качество процессуальных процедур. Не станем отрицать, что с развитием информационных технологий и практически повсеместным распространением электронных устройств понятия *«цифровое доказательство»*, *«электронное доказательство»*, *«цифровое (электронное) доказательство»* (выделено мной – А.Ш.) становятся все более и более распространенными. Однако, несмотря на резко возросшую частоту их употребления, важно понимать, что обозначаемое ими явление не является самостоятельным видом доказательств. На самом деле, и «цифровое», и «электронное» доказательство представляет собой отдельный, искусственно обособленный источник сведений о фактах, которые могут использоваться в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве. Причем, это может быть любая их разновидность, полученная в электронной форме (в т. ч. документы, фотографии, видеозаписи и т. д.). Однако, для того чтобы эти сведения могли быть использованы в качестве доказательств в производстве по уголовному делу, требуется соблюдение определенных требований и совершение некоторых обязательных процедур. Необходимо, в частности, убедиться в подлинности и целостности потенциального цифрового (электронного) доказательства, а также в том, что оно не было полностью подделано или в какой-то части умышленно изменено. Также важно отметить, что доказательства данной разновидности не могут заменить собой другие виды доказательств, такие, например, как показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта или специалиста. Сведения из электронной среды, приобщенные к материалам уголовного дела в качестве доказательств, фактически лишь дополняют их, следовательно, могут использоваться в качестве вспомогательного подтверждения или опровержения каких-либо фактов.

В заключение важно отметить, что цифровые доказательства, также известные как электронные, обладают рядом преимуществ перед традиционными видами доказательств. Они компактны, могут быть надежно сохранены и быстро переданы на любое расстояние. Они не подвержены физическому износу и могут быть проанализированы с помощью специальных компьютерных программ. Эти особенности позволяют следственным органам и судам получать наиболее точные и объективные данные для принятия законных,

обоснованных и мотивированных процессуальных решений. Однако, несмотря на очевидные преимущества, цифровые доказательства также имеют свои сложности и ограничения. Они, в частности, могут быть не только сфальсифицированы¹, но и неправильно интерпретированы. Поэтому важно, чтобы должностные лица, занятые в сфере уголовного судопроизводства, обладали необходимыми знаниями, умениями и навыками для работы с цифровыми доказательствами. Кроме того, цифровой способ фиксации доказательственных сведений должен становиться приоритетным для всех участников уголовного процесса, поскольку все меньше сомнений в том, что в обозримом будущем все уголовные дела будут формироваться и представляться в суд в электронной форме². Все это указывает на то, что доказательственное право, как обособленный институт российского уголовного процесса должно активно адаптироваться к реалиям цифровой трансформации общественной жизни. Необходимо предпринять меры для устранения проблем, связанных с цифровыми (электронными) доказательствами, с целью обеспечения их надежности и достоверности. Только таким образом доказательственное право сможет стать неотъемлемой частью современного уголовного судопроизводства и способствовать обеспечению законности, обоснованности и справедливости судебных решений, а значит, защите прав и законных интересов граждан.

Литература

1. Афанасьев А.Ю. Системы искусственного интеллекта в механизме уголовно-процессуального доказывания // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 89–95.
2. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7. С. 74–84.
3. Дорофеев К.И. Способы использования технологий искусственного интеллекта в противоправных целях и возможности противодействия указанным угрозам // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. 2024. № 10 (27). С. 40–49.
4. Иванова М.Д. Возможности и проблемы использования искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. 2024. № 10 (27). С. 50–56.
5. Климова Я.А. Искусственный интеллект и цифровые доказательства в расследовании преступлений, совершенных с использованием современных

¹ Дорофеев К.И. Способы использования технологий искусственного интеллекта в противоправных целях и возможности противодействия указанным угрозам // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. 2024. № 10 (27). С. 40.

² Шереметьев И.И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10. С. 81.

информационно-коммуникационных технологий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 10 (64). С. 81–88

6. Левченкова В.А. Современные научные подходы к формированию учения о виртуальных следах // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник материалов III Международной студенческой научно-практической конференции, Курск, 15 апреля 2016 года / Ответственный редактор Рябинина Т.К. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2016. С. 105–108.

7. Малина М.А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. 2021. № 2. С. 29–32.

8. Марфицин П.Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 106–109.

9. Новицкий В.А., Новицкая Л. Ю. Понятие и виды цифровых доказательств // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 213–221.

10. Переверзева Е.С., Комов А.В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 172–178.

11. Шаталов А.С. Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 231–237.

12. Шереметьев И.И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10. С. 81–90.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Быкова Елена Георгиевна**, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции (SPIN-код: 2366-2150, ORCID: 0000-0003-3850-9366).
- Галдин Максим Владимирович**, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции (SPIN-код: 3070-0250).
- Гейнце Ольга Викторовна**, судья Третьего кассационного суда общей юрисдикции, кандидат юридических наук (ORCID: 0009-0003-7442-9168).
- Делль Дарья Александровна**, доцент кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции (SPIN-код: 1366-8122).
- Захарова Валентина Олеговна**, заведующий кафедрой предварительного расследования факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции (SPIN-код: 4415-0682).
- Казаков Александр Алексеевич**, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции (SPIN-код: 4049-3016, ORCID: 0000-0003-0021-0350).
- Каркошко Юрий Сергеевич**, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева», полковник юстиции (SPIN-код: 7441-3506).
- Комарских Кирилл Сергеевич**, инспектор первого отдела (организации воспитательной работы) управления общественно-политической работы Следственного комитета Российской Федерации, капитан юстиции (SPIN-код: 5778-0981).
- Корешников Дмитрий Сергеевич**, ассистент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (SPIN-код: 1877-5664).
- Косарев Максим Николаевич**, доцент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 9757-6607).
- Лежнев Евгений Валерьевич**, старший следователь первого следственного отдела четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного

комитета Российской Федерации, подполковник юстиции (SPIN-код, ORCID: отсутствуют).

Лунина Наталья Николаевна, старший преподаватель кафедры имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, судья в почетной отставке (SPIN-код: 9157-6933).

Малышев Дмитрий Сергеевич, следователь по особо важным делам второго следственного отдела четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции (SPIN-код, ORCID: отсутствуют).

Могильников Дмитрий Сергеевич, следователь по особо важным делам отделения по расследованию бандитизма, организованной преступной деятельности и преступлений прошлых лет четвертого следственного управления (с дислокацией в городе Екатеринбург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, подполковник юстиции (SPIN-код, ORCID: отсутствуют).

Незнамова Зинаида Александровна, заведующий кафедрой уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор (SPIN-код: 8508-7895).

Нямина Ангелина Батыровна, студент 5 курса очной формы обучения по специальности «Судебная и прокурорская деятельность» Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (SPIN-код, ORCID: отсутствуют).

Пейсикова Елена Владимировна, судья Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации; профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 8018-3748).

Петраков Сергей Викторович, заведующий кафедрой управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) факультета повышения квалификации Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции (SPIN-код: 5626-6680).

Полев Михаил Сергеевич, следователь следственного отдела по городу Когалым следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, капитан юстиции (SPIN-код, ORCID: отсутствуют).

Полубинская Светлана Вениаминовна, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 2485-5545).

Серова Елена Борисовна, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала)

Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции (SPIN-код: 3331-8164).

Старжинская Анна Николаевна, заместитель руководителя седьмого отдела (аналитического сопровождения следствия) управления контроля за следственными органами Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, полковник юстиции (SPIN-код: 6458-9760).

Страхова Светлана Вячеславовна, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, младший советник юстиции (SPIN-код: 6354-0030).

Ткачев Игорь Олегович, доцент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 7652-7410).

Тугузбаев Ильнур Ришатович, следователь второго отдела по расследованию особо важных дел (о налоговых преступлениях) следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, подполковник юстиции (SPIN-код, ORCID: отсутствуют).

Хромов Евгений Владиленович, прокурор Гаврилово-Посадского района прокуратуры Ивановской области, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, доцент Ивановского филиала ФГБОУ ВО РЭУ имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, кандидат технических наук, советник юстиции (SPIN-код: 6283-8289).

Чистова Любовь Евгеньевна, доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент (SPIN-код: 7514-2716).

Шарапов Роман Дмитриевич, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции (SPIN-код: 6426-6056).

Шаталов Александр Семенович, профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, доктор юридических наук (SPIN-код: 3545-1840).

СОДЕРЖАНИЕ

II Всероссийская научно-практическая конференция «Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению»	3
Резолюция II Всероссийской научно-практической конференции «Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению»	9
Быкова Е.Г. Обзор практики отказа в возбуждении уголовных дел по ст. 143 УК РФ	13
Галдин М.В. Об изменении оснований избрания заключения под стражу по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности	20
Гейнце О.В. О некоторых вопросах уголовной ответственности за клевету и перспективах криминализации	25
Делль Д.А. Некоторые проблемы применения меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым	30
Захарова В.О. Об отказах суда в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (по материалам судебно-следственной практики)	34
Казаков А.А. Вопросы применения ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных и иных работ (на конкретном практическом примере)	38
Каркошко Ю.С. Временное отстранение от должности подозреваемого, обвиняемого: вопросы правоприменения	45
Комарских К.С. Проверка сообщений о преступлениях сексуального характера в отношении несовершеннолетних	50
Корешников Д.С. Проверка материалов оперативно-разыскной деятельности на предмет провокации	54
Косарев М.Н. О некоторых вопросах квалификации преступлений террористической направленности	63
Лежнев Е.В. Проблемы прекращения уголовного преследования в связи с непричастностью подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления вследствие истечения сроков давности	67
Лунина Н.Н. Возбуждение уголовного дела в отношении судьи: актуальные вопросы защиты	71
Малышев Д.С. Некоторые проблемы квалификации и доказывания преступления, предусмотренного ст. 173 ³ УК РФ	75
Могильников Д.С. Затягивание процесса ознакомления с материалами многоэпизодных и многофигурантных уголовных дел	83
Незнамова З.А. Разграничение продолжаемых и повторных хищений в следственной и судебной практике	86

Пейсикова Е.В. Проблемы применения статьи 238 УК РФ	92
Петраков С.В. Порядок активации аппаратного криптокошелька для изъятия цифровой валюты в ходе досудебного производства по уголовному делу	101
Полев М.С. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные меры борьбы с преступлениями в сфере миграции: практика Следственного комитета Российской Федерации	105
Полубинская С.В. Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости: проблемы применения	108
Серова Е.Б. Несколько слов о порядке и основаниях заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым (подозреваемым)	114
Старжинская А.Н., Нямина А.Б. Применение цифровых технологий и систем искусственного интеллекта в исследовании доказательств	120
Страхова С.В. Актуальные проблемы производства осмотра места происшествия	125
Ткачев И.О. Спорные вопросы квалификации преступлений против жизни и здоровья, совершенных с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)	129
Тугузбаев И.Р. Влияние решения налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения на ход досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199 УК РФ	135
Хромов Е.В. Проблемы квалификации хищений из газопровода	140
Чистова Л.Е. Проблемы, связанные с использованием заключения специалиста в стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, и пути их решения	145
Шарапов Р.Д. Проблема разграничения составов злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, совершенного из корыстной или иной личной заинтересованности	148
Шаталов А.С. К вопросу об адаптации доказательственного права к реалиям цифровой трансформации общественной жизни	152
Сведения об авторах	159

ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРАКТИКЕ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИХ РЕШЕНИЮ

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции

(Екатеринбург, 21–22 мая 2025 года)

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать: 25.08.2025

Формат 60х90 1/16

Усл. печ. л. 11,1

Тираж 100 экз.

Компьютерная верстка,
техн. редактирование – И.Д. Нестерова
печать – Р.В. Гришин
Заказ № 523

Отпечатано в типографии Московской академии
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
ул. Врубеля, д. 12